

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского»

М.В. Медоваров

ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ
РОССИИ (XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Учебно-методическое пособие

Рекомендовано методической комиссией
Института международных отношений и мировой истории
для студентов ННГУ, обучающихся по направлению подготовки 46.03.01 «История»

Нижний Новгород
2017

УДК 94(47).07+08
ББК ТЗ(2)5
М-42

М-42 Медоваров М.В. Образы прошлого в общественном сознании России (XIX – начало XX века): учебно-методическое пособие. – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2017. – 97 с.

Рецензент: к.и.н., доцент **О.С. Нагорных**

Учебно-методическое пособие предназначено для изучения процессов создания и функционирования образов исторического прошлого в общественном сознании России Нового времени (XIX – начало XX века). Конструирование различных, зачастую противостоящих друг другу образов призвания варягов, реформ Петра I, русско-польских отношений сыграло заметную роль в формировании русской интеллигенции, а также националистического и имперского дискурса в России. Хронологически и систематически подобранные цитаты из исторических источников с методическими указаниями к каждому разделу позволяют использовать данное пособие на занятиях с бакалаврами-историками по таким дисциплинам, как «Актуальные вопросы российской исторической науки», «Интеллектуальная история России» и «История общественной мысли России XVIII – XIX вв.».

Ответственный за выпуск: председатель методической комиссии ИМОМИ ННГУ
к.и.н., доцент Шмелев А.П.

УДК 94(47).07+08
ББК ТЗ(2)5

© Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, 2017

Общие методические указания

В начале XXI века в российской исторической науке устойчиво растет интерес к изучению исторической памяти, к детальному рассмотрению, какие образы минувшей социальной реальности рождались, подвергались интерпретации, реконструировались и разрушались в сознании русского (и советского) общества XIX – XX вв. Предметом исследования сегодня зачастую становится не само историческое событие, а память о нем, живущая в сознании общества в последующие эпохи¹. За последнее десятилетие только в России вышли десятки работ, посвященных бытованию словесных и визуальных образов прошлых событий, явлений, процессов, исторических личностей, целых стран и народов, социальных групп, памятных мест. Растет отчетливое понимание того, что одни представления о прошлом ложатся в основу национальной идентичности, другие же обходятся стороной как травмирующие.

За последние два десятилетия в отечественной исторической науке укоренились три относительно новых направления исследований: интеллектуальная история (понимаемая, в первую очередь, как история социальных форм организации мышления), имагология (история образов прошлого в общественном сознании различных эпох) и история империй и национализма (формирование которых всегда связано с апелляцией к избранным историческим образам, символам, мифологемам). В учебном плане бакалавров направления 46.03.01 «История» в Национальном исследовательском Нижегородском государственном университете имени Н.И. Лобачевского данная тематика наиболее обширно представлена в курсах по выбору «Актуальные вопросы российской исторической науки», «Интеллектуальная история России» и «История общественной мысли России XVIII – XIX вв.».

Вместе с тем практически еще не ставился и не решался вопрос о том, в какой мере ознакомление с этой сложной проблематикой может быть оправдано и применимо для студентов учебных заведений, в особенности высшего образования. На наш взгляд, для этого преподавателю целесообразно иметь под рукой своеобразную хрестоматию, составленную из источников, отражающих функционирование образов прошлого в отечественной историографии, публицистике и общественной мысли XIX – начала XX века. При работе с этим нестандартным материалом необходимо учитывать следующие соображения.

Образы исторического прошлого, бытовавшие в сознании русского общества XIX – начала XX века, с одной стороны, существенно отличались от образов, с которыми мы

¹ Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX в. Самара, 2011. С. 7.

имеем дело сегодня; с другой стороны, во многих случаях можно отчетливо проследить и преемственность: единожды выйдя из-под пера видных историков, мыслителей, публицистов, исторические примеры трансформировались в определенные картины прошлого, затем посредством учебников, газет, журналов транслировались в массовое сознание и закреплялись в нем. Следует подчеркнуть, что на протяжении всего XIX века практически все русские историки не различали «историческое знание» и «историческую память»: это разделение возникает лишь в наше время.

Обращение к данной теме позволяет более прочно установить в процессе обучения истории «связь времен» и «диалог эпох». При ознакомлении и творческой работе с материалами, представленными в хрестоматии, учащийся должен посмотреть на эпоху XIX – начала XX в. не как на замкнутый в себе и самодостаточный исторический период, а как на время, когда жили люди, активно интересовавшиеся своим прошлым, задумывавшиеся над историческими корнями своей Родины и народа и зачастую передавшие темы своих размышлений нам.

Из необъятного множества образов прошлого, рождавшихся в дискуссиях позапрошлого века и в свою очередь вызывавших новые споры, для данного пособия были выбраны три сюжета: призвание Рюрика, реформы Петра I и польский вопрос. Все они сохраняют как научную, так и общественную актуальность и сегодня; в то же время образы этих событий в наши дни не столь политизированы, как образы монгольского нашествия или опричнины, что позволяет избежать нежелательных коннотаций. Три темы, к которым подобраны тексты хрестоматии, вполне самостоятельны и могут изучаться изолированно одна от другой; в то же время на более глубоком уровне обнаруживается связь в том, как трактовали все три сюжета одни и те же русские историки, мыслители и публицисты. Неслучайно значительная часть имен авторов приведенных цитат во всех трех частях совпадает.

Избранный подход позволяет применять тексты хрестоматии в различном объеме как в школе, так и в вузе; как при изучении политической истории России и истории русской общественной мысли XIX – начала XX века, так и при изучении тех сюжетов из IX и XVIII веков, которые стали предметом обсуждения. Широкие возможности использования хрестоматии открываются в курсе отечественной историографии.

Каждую из трех частей хрестоматии открывают методические указания и вопросы к текстам. Как правило, приведенных текстов достаточно для полного и развернутого ответа на соответствующий вопрос. Немногие вопросы, ответы на которые необходимо искать за пределами текстов хрестоматии – в общем курсе истории либо в классической русской литературе – выделены курсивом и отмечены звездочкой. Следует пояснить, что в

данном пособии мы принципиально ограничили круг авторов приводимых высказываний только историками и публицистами, в то время как обращение к образам прошлого в художественной литературе, живописи, скульптуре и даже музыке (о чем некоторое представление учащимся может дать монография О.Б. Леонтьевой) позволит еще глубже и объемнее взглянуть на рассматриваемые проблемы. По этой причине мы сочли возможным включить в данное пособие несколько дополнительных вопросов, отсылающих учащихся к художественной литературе (вопрос 3 в первой части, вопрос 3 во второй части, вопросы 4 и 16 в третьей части).

Каждая часть хрестоматии включает несколько десятков фрагментов из произведений русских историков, мыслителей, публицистов XIX – начала XX века с указанием автора, названия произведения и года его *написания* (не публикации!) – за исключением случаев, когда год указан в самом названии произведения. Если цитируются устные высказывания мыслителей, зафиксированные современниками, либо разрозненные фрагменты из их писем и статей, то название произведения не приводится. Общий список использованных источников приводится в конце пособия.

Цитируемые фрагменты расположены в основном в хронологическом порядке и по авторам. Этот порядок нарушается только в тех случаях, когда необходимо воспроизвести в строгой последовательности отрывки из полемики между несколькими авторами.

Помимо списка использованных при подготовке учебно-методического пособия исторических источников, представлен также список рекомендованной литературы. В него включены работы (преимущественно новейшие, начала XXI века), как освещающие проблему образов исторического прошлого вообще, так и посвященные конкретным образам, находящимся в центре внимания в данном пособии.

**Часть I. Призвание князя Рюрика и образ варягов
в исторической науке и общественно-политической мысли
России XIX – начала XX века**

Методические указания

Так называемый «варяжский вопрос» и порожденные им споры норманистов и антинорманистов традиционно затрагивают широкий спектр вопросов: кем были варяги – скандинавами или славянами Южной Балтики; каково происхождение слова «Русь» и история его применения в качестве этнонима; когда с социально-политической точки зрения можно говорить о возникновении Древнерусского государства; каково происхождение князя Рюрика и его личная роль в становлении этого государства. В данном разделе мы принципиально не затрагиваем вопросы о происхождении варягов и «Руси» и целиком сосредоточиваемся на иных аспектах образа Руси IX века, бытовавшего в обществе тысячу лет спустя. Как следует из подобранных текстов, наибольшее значение как в исторической науке XIX века, так и в общественно-политических дискуссиях имел вопрос о социально-экономических последствиях установления власти князя Рюрика, о том, насколько существенным было влияние варягов (кем бы ни были они сами) на строй древнерусского общества, и если таковое влияние действительно имело место, то благотворным или негативным оно являлось. В конечном счете, водораздел между теми, кто видел в русской истории IX – X вв. коренные изменения в социально-политическом строе общества и теми, кто не усматривал никакого существенного варяжского влияния на процессы, происходившие у восточных славян, оказывается едва ли не более четким и значимым, чем водораздел между норманистами и антинорманистами.

Вопросы

1. Позиция Н.М. Карамзина по вопросу о призвании варягов стала не только отправной точкой, но и лейтмотивом всех последующих дискуссий на протяжении столетия. Образ Рюрика и пришедших с ним варягов, нарисованный живописным слогом Карамзина, надолго укоренился в русском общественном сознании и стал камнем преткновения для историков, философов, журнальных публицистов. Ознакомившись с фрагментами 1.1 и 1.2, выделите два-три основных тезиса Карамзина по данному вопросу.
2. Изучите фрагменты 1.3 – 1.8, представляющие декабристскую и околodeкабристскую историческую мысль. Покажите, что выраженная в них точка зрения находится в прямой оппозиции к дискурсу Карамзина.
3. Пафос славянского гражданского патриотизма и враждебности к иноземной, варяжской тиранической монархии в русской либеральной мысли декабристского периода

происходит от революционного национализма и патриотизма Великой французской революции, носившего антимоноархический характер и распространившегося к началу XIX века по всей Европе и Америке. Характерной особенностью русского либерального патриотизма данной эпохи было возвеличивание фигуры Вадима Храброго.

** Ему посвятили драмы, стихотворения, поэмы Я.Б. Княжнин (еще в конце XVIII века), К.Ф. Рылеев, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.М. Языков. Назовите эти произведения. Насколько образы Вадима и Рюрика в них соответствуют образам в исторической мысли 10-х – 20-х годов XIX века?*

4. Рассмотрите мнение историка Н.А. Полевого о призвании варягов (фрагменты 1.9 и 1.10). В чем он солидарен с Карамзиным, а в чем расходится?

5. Прочитайте фрагменты 1.11, 1.12, 1.13, 1.16. Докажите, что П.Я. Чаадаев, Н.И. Надеждин, Н.В. Гоголь следовали в русле карамзинской традиции. С чем, на ваш взгляд, связано усиленное подчеркивание благодетельности пассивной роли русского народа в призвании князя Рюрика в 30-е – 40-е годы XIX века?

6. Проанализируйте фрагменты 1.14, 1.15, 1.17, 1.18, 1.19. Какими новыми идеями о влиянии варягов на социально-политический строй Руси обогатили русскую мысль А.С. Хомяков, М.П. Погодин, К.Д. Кавелин? Учтите, что все они при решении данной проблемы активно обращались прежде всего к «Повести временных лет».

7. Фрагмент 1.20 представляет собой отрывок из юношеского сочинения Н.Г. Чернышевского. В 40-е годы XIX века рассуждения о варягах и первых Рюриковичах уже предлагались в качестве тем сочинений гимназистам и семинаристам. Таким образом, перед вами достаточно типичный образец рассуждений учащегося той эпохи. Отголоски мнений каких историков заметны в приведенном фрагменте?

8. Изучите фрагменты 1.21, 1.22, 1.23. Что нового привнес в понимание проблемы установления власти варяжских князей С.М. Соловьев по сравнению со своими предшественниками? Можно ли говорить о начале качественно нового этапа в осмыслении данного вопроса, или его работы лишь углубили и конкретизировали частные аспекты этой проблемы? В чем сходство и различие позиций Кавелина и Соловьева – двух историков-западников, представителей «государственной школы» (фрагмент 1.24)?

9. Фрагменты 1.25, 1.26, 1.30, принадлежащие публицисту А.И. Герцену, историку-любителю Н.А. Жеребцову и историку Н.Г. Устрялову, который специально не занимался изучением Древней Руси, дают представление о том, какой образ прошлого времен Рюрика укоренился в сознании широких кругов русского общества, в сознании «среднего человека» к 50-м годам XIX века. В русле какой историографической традиции лежали эти представления: карамзинской, погодинской, кавелинской?

10. Проанализируйте высказывания братьев Аксаковых, определившие образ призвания варягов в сознании пореформенных славянофилов (фрагменты 1.27, 1.28, 1.29, 1.34). В чем сходство и отличие аксаковской позиции от взглядов Карамзина, Погодина, Чаадаева, Надеждина, Гоголя?
11. Какие новые интересные мысли о влиянии варягов на социально-политическое развитие Руси выдвинул К.Н. Леонтьев (фрагмент 1.31)?
12. В 1875 г. ушел из жизни лидер норманизма в русской исторической науке М.П. Погодин, в последние годы жизни частично пересмотревший свои взгляды. В 1876 г. как в России, так и на Западе были изданы сразу несколько серьезных трудов антинорманистской направленности. Если в первой половине XIX века именно норманизм был опорой правительственной идеологии, обосновывавшей законность власти призванных извне монархов над русским народом, то во второй половине XIX века в процессе сближения русского консерватизма с национализмом историки и публицисты патриотической направленности стали стремиться доказать автохтонное славянское происхождение Древнерусского государства. На примере мнений С.А. Геденова и Д.И. Иловайского (фрагменты 1.32 и 1.33) покажите, на какие тезисы делали упор антинорманисты новой формации, критикуя «нестороцентризм» Карамзина и Погодина. В чем суть позиции В.О. Ключевского, пытавшегося стать в стороне от спора норманистов и антинорманистов (фрагмент 1.34)?
13. Изучите высказывания Вл.С. Соловьева о «национальном самоотречении» как смысле призвания варягов (фрагменты 1.36 – 1.39). Мнение каких историков и мыслителей первой половины XIX века развивал Соловьев? Почему И.С. Аксаков вступил с ним в ожесточенный спор, хотя сам принадлежал к той же историографической линии, подчеркивавшей пассивную роль русского народа и мирный характер призвания Рюрика?
14. В чем заключается новаторский подход к проблеме призвания варягов в поздних трудах В.О. Ключевского (фрагменты 1.40, 1.41)?
15. Какую историографическую традицию продолжал Н.А. Бердяев, рисуя образ прошлого рюриковой эпохи в начале XX века (фрагмент 1.42)?

Тексты к части I

*А) Русская историография о Рюрике и его эпохе:
от Карамзина до разделения на западников и славянофилов*

1.1. «Пылкая, романтическая страсть наших первых князей к завоеваниям и единовластию, ими основанное на развалинах множества слабых, несогласных держав народных, из коих составила Россия. Рюрик, Олег, Святослав, Владимир не давали образумиться гражданам в быстром течении побед, в непрестанном шуме воинских станов, платя им славою и добычею за утрату прежней вольности, бедной и мятежной».

Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. 1811.

1.2. «Начало Российской Истории представляет нам удивительный и едва ли не беспримерный в летописях случай. Славяне добровольно уничтожают свое древнее правление и требуют Государей от Варягов, которые были их неприятелями. Везде меч сильных или хитрость честолюбивых вводили Самовластие (ибо народы хотели законов, но боялись неволи): в России оно утвердилось с общего согласия граждан: так повествует наш Летописец - и рассеянные племена Славянские основали Государство, которое граничит ныне с древнею Дакиею и с землями Северной Америки, с Швециею и с Китаем, соединяя в пределах своих три части мира... Мы думаем, что Варяги, овладевшие странами Чуди и Славян за несколько лет до того времени, правили ими без угнетения и насилия, брали дань легкую и наблюдали справедливость... Бояре Славянские, недовольные властью завоевателей, которая уничтожала их собственную, возмутили, может быть, сей народ легкомысленный, обольстили его именем прежней независимости, вооружили против Норманов и выгнали их; но распрями личными обратили свободу в несчастье, не умели восстановить древних законов и ввергнули отечество в бездну зол междоусобия. Тогда граждане вспомнили, может быть, о выгодном и спокойном правлении Норманском: нужда в благоустройстве и тишине велела забыть народную гордость, и Славяне, убежденные – так говорит предание – советом Новгородского старейшины Гостомысла, потребовали Властителей от Варягов. Древняя летопись не упоминает о сем благоразумном советнике, но ежели предание истинно, то Гостомысл достоин бессмертия и славы в нашей Истории».

Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1. 1818.

1.3. «Славяне еще до Рюрика имели уже города, торговлю, и, вероятно, ремесла и искусства, следственно, политическое их бытие было уже основано... Государство существовало задолго до их [варягов] пришествия... Добровольное призвание, происшествие необычайное, было бы несогласно с национальным самолюбием, с гордостью, свойственною республиканцам».

Брусилов Н. Историческое рассуждение о начале русского государства. 1811.

1.4. «Я читал Карамзина. Первый том мне не пришелся по сердцу... Зачем говорит, что Рюрик был иноземец? Что варяги не были славяне? Что находит он похвального в призвании иностранца на престол новгородский? Что лестного в том, что Олег ходил по России с варяжскими войсками, собирая дань для варягов?... И впрямь, ежели б основания нашего Отечества, сокрытые во тьме времен, не были бы великими, ежели б единство России и могущество оной не существовали бы или в самом деле, или, по крайней мере, в живейшей памяти предков наших 9-го столетия, ежели б Рюрик был иноплеменный призванец, и варяги его не были бы россиянами, то как можно вообразить, что едва он воцарился над чуждым народом, как уже утверждён был в царствовании, что долгое его владычество не было подвержено никаким беспокойствам... что едва мы вышли из

варварства, и реки просвещения и обилия протекли в Отечестве нашем; наконец, как может быть, чтобы Россия, существовавшая до Рюрика без всякой политической связи, вдруг обратилась в одно целое государство и, удержавшись на равной степени величий от самого своего начала до наших времен, восторжествовало над междоусобиями князей и даже над самими гонениями рока... И все вышеперечисленные происшествия от Рюрика до Игоря совершились в полвека варварского столетия!!!! Или сие есть историческое чудо, или должно было оное объяснить единственным средством, представленным писателю, т.е. блестящею и вероятною гипотезою прежнего нашего величия».

Орлов М.Ф. Письмо П.А. Вяземскому. 1818.

1.5. «Рюрик не на чистое поле приехал княжити... Призванные князья пришли уже в государства».

Доленга-Ходаковский З.Я. (Чарноцкий А.) Разыскания касательно русской истории. 1819.

1.6. «Славяне призвали Рюрика, чтобы рядил их по праву, т.е. управлял бы ими по законам».

Муравьев Н.М. Из переписки. 1825.

1.7. «Добровольное подданство народа своим врагам утверждают на свидетельстве монаха, писавшего в конце XI столетия. Очевидно, что добрый инок по простоте или из собственных видов обновил одну из сказок, которые потомкам Рюрика нужно было распространить, чтобы склонить умы на свою сторону и придавать законность своему владычеству... Их [варягов] водворение может объясняться только двумя предположениями. Мнение, что, призванные для защиты, они владели краем, похоже на правду; оно согласно и с обычаями времени, и с хитрым воинственным характером *морских королей*. Можно также принять мнение, что второе нападение их было удачнее первого и что право завоевания было началом их владычества. Последнее, кажется, вернее, потому что ближе к обыкновенному ходу событий. Однако ж сказку о добровольном подданстве многие поддерживают и в наше время для выгод правительства, которое всегда ищет опоры во мнении народном».

Лунин М.С. Розыск исторический. 1838.

1.8. «Славяне, призывая к себе искателя приключений Рюрика и его шайку, имели в виду защиту своих рубежей от воинственных соседей и кочевых орд, двигавшихся в те времена по Европе... Немало народов в пору своей первоначальной слабости прибегло к такому средству, которое всегда оказывалось губительным для свободы страны. Бритты, после отделения от Римской империи, утратили независимость вследствие подобного договора с саксами. Славянам было уготована норманнами та же участь. Басня о добровольном подчинении, основанная на сомнительном авторитете монаха, противоречит здравому смыслу. Добрый монах всего лишь донёс в своей летописи тогдашнее ходячее мнение, распространенное узурпаторами, чтобы пощадить национальную гордость и придать своему вторжению видимость законности».

Лунин М.С. Записная книжка. 1838.

1.9. «Мог ли такой народ, каковы были варяги, уступить сопротивлению слабых, несогласных между собою народов финских и славянских? Не отвергаем существования Рюрика и братьев его, хотя оно весьма подозрительно; верим, что сии братья могли быть призваны, что они были князья варяжские и предводили новыми толпами варягов, не теми, которые за два года были изгнаны... Тогда кончилась независимость окрестных финских и славянских народов... Сбылось то, что варяги делали в других местах... Всё заставляет нас думать, что славяне были на степени образования нисколько не выше скандинавских пришельцев-победителей. В противоположность к скандинавам, храбрым,

жадным к богатствам и добыче, жившим войною и набегами, славяне представляли нечто спокойное, кроткое и мирное... Туземцы, покорные варягам, были рабы».

Полевой Н.А. История русского народа. Кн. 1. 1829.

1.10. «Нордманны, пришельцы из скандинавского Севера, сошлись в земле борисфенитов с её литовскими и славянскими обитателями, жившими в области обильной лесами, мехами и хлебом, оседлой и мирной. Славяне покорились им. Имя Руси заменило все другие имена борисфенских переселенцев. Феодальная система нордманнов не могла здесь явиться: не конунги с вассалами завоевали славян, но малая дружина воинственных удальцов, которых покоренные называли князьями».

Полевой Н.А. Обзорение русской истории до единодержавия Петра Великого. 1846.

1.11. «Первое событие, положившее, кажется, вечную печать свою на лице народа, есть призвание варягов. Глубоко постигнув уже в младенчестве своем неудобство безначалия, народ русский посылает за князем за море, к чужому племени и с редким смирением поручает ему сказать: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет, да пойдете у нас княжити и володети». Смело можно сказать, что нет народа, которого бы летопись открывалась таким дивным подвигом самоотвержения и ума. С самого начала бытия своего народ русский вручает судьбы свои соседственному мудрейшему племени, родоначальнику того славного царственного рода, под сенью которого ему суждено было достигнуть своего великого значения. Тут нет насилия со стороны нового государя, нет срама народу, который добровольно, обдуманно отрекается от своего первобытного управления и повергается к стопам державного избранника. С той поры народ и род княжеский составляют одну семью, и ни разу во всё продолжение этой продолжительной семейной повести вы не увидите ни малейшего раздора между государем и народом: вечное детское повиновение, вечное родительское попечение правителей о быте общем».

Чаадаев П.Я. Отрывок из исторического рассуждения о России. 1842.

1.12. «Наша история начинается прежде всего странным зрелищем призыва чуждой расы к управлению страной, призыва самими гражданами страны – факт единственный в летописи всего мира, по признанию самого Карамзина, и который был бы совершенно необъясним, если бы вся наша история не служила ему, так сказать, комментарием».

Чаадаев П.Я. Письмо А.И. Тургеневу. Август-октябрь 1843.

1.13. «Мы имеем блистательные страницы истории. Но разве это история наша? Разве это история русского народа? Нет! это история Государства Русского, это история царей русских! Развернем наши летописи. За тысячу лет на берегах Ильменя полагается первый камень нашей истории. «Земля наша велика и богата, говорят послы новгородские князю варяжскому, - но нет в ней порядка; приди править нами!» И на эти слова приходит самодержавный князь и утверждает в великой и богатой земле русской порядок, краеугольный камень народного бытия... И так вся наша история не есть история *нас самих*, нашей отдельной, *народной* жизни, а история наших царей, в которых и которыми мы жили. Нашей истории нельзя делить по периодам *народной* жизни, как европейцы делят свою историю, а по *царствованиям*, которые представляют непрерывную лестницу благодетельной деятельности царей и благоговейной покорности народа».

Надеждин Н.И. Ответ Чаадаеву. 1836.

1.14. «Все, что можно разобрать в первых началах истории русской, заключается в немногих словах. Правительство из варягов представляет внешнюю сторону; областные веча – внутреннюю сторону государства. Во всей России исполнительная власть, защита границ, сношения с державами соседними находятся в руках одной варяго-русской семьи, начальствующей над наемною дружиною; суд правды, сохранение обычаев, решение всех

вопросов правления внутреннего предоставлены народному совещанию... Случайно соединено несколько племен славянских, мало известных друг другу, не живших никогда одною общею жизнью государства; соединены они какою-то федерацией, основанною на родстве князей, вышедших не из народа, и, может быть, отчасти единством торговых выгод: как мало стихий для будущей России!»

Хомяков А.С. О старом и новом. 1838.

*Б) Образ Рюрика и варягов в эпоху западнической и славянофильской историографии
40-х – 60-х годов XIX века*

1.15. «Прибытие Рюрика нельзя считать началом Русского государства. Оно не что иное как прибытие норманнов в Россию – норманнов, которые, впоследствии в течение шести веков ославяниваясь, будут давать, по мере своего размножения гражданскую форму поселениям племен славянских...

Характер походов варяжских был у нас иной, нежели в прочей Европе: они не являлись грабителями и опустошителями. Это было без всякого сомнения по той причине, что славянские племена, тихие, смирные, не раздражали их, не представляли им никакого сопротивления... Не так, как на Западе».

Погодин М.П. Из «Москвитянина». 1845.

1.16. «История государства России начинается добровольным приглашением верховной власти. «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: придите княжить и владеть нами», – эти слова были произнесены людьми вольных городов. Добровольным разумным сознанием вольных людей установлен монарх в России. Все сословия, дружно требуя защиты от самих себя, а не от соседних врагов, утвердили над собою высшую власть с тем, чтобы рассудить самих себя – потребность чисто понятная среди такого народа, в котором никто не хочет уступить один другому и где только в минуты величайшей опасности, когда приходится спасать родную землю, всё соединяется в один человек и делается одним телом. Сим определена высокая законность монарха-самодержца.

Итак, в самом начале, во время, когда не пробуждается ещё потребность организации стройной, во время, когда легко ужиться с безначалием, уже всё потребовало одного такого лица, которое, стоя выше всех, не будучи связано личною выгодой ни с каким сословием преимущественно, внимало бы всему равно и держало бы сторону каждого сословия в государстве. Во всю историю нашу прошла эта способность суда постороннего человека. Великий князь или, просто, умный князь уже требуется как примиритель других князей. Духовенство является как примиритель между князьями или даже между народом, и сам государь судится народом не иначе, как верховный примиритель между собою».

Гоголь Н.В. О сословиях в государстве. Около 1845.

1.17. «Несколько племен, истерзанных внутренними смутами, отсутствием порядка и устройства, решились власть над собою отдать чужеземцу: явление не столь загадочное, как кажется с первого взгляда. Кровный быт не мог развить общественного духа и гражданских добродетелей. Взаимной зависти мешали племенам решиться на выбор начальника, старейшины, князя из своей среды, и они, чувствуя необходимость власти, невозможность самим управляться, лучше хотели подчиниться третьему, постороннему, равно чужому для всех. Особенности, частные причины склонили их выбор на варягов... Едва перешедши на новую почву, она начинает воевать направо и налево, покорять окрестные племена и угнетать призвавшие... Во всех действиях варягов в их новом отечестве проглядывают суровые победители, равнодушные к призвавшему и покоренному народу, страстные к войне, жаждавшие добычи... Где дружине было лучше, там и было ее отечество. Из русско-славянских племен, волей и неволей покорившихся

дружине, образуется сильное, обширное государство; но устройство его носит на себе неславянский отпечаток; кажется, оно было феодальное...

Каковы бы ни были варяги, пришедшие к нам, их значение в русской истории весьма важно. Они принесли с собою первые зачатки гражданственности и политического, государственного единства всей русской земли... Она была раздроблена; варяги соединяют ее в одно политическое тело. Первая идея *государства* на нашей почве им принадлежит. Они приносят с собою *дружину*, учреждение не русско-славянское, основанное на начале личности... Варяги приносят с собою право князя *наследовать после смерда-поселянина*, и *новую систему управления*, неизвестную семейно-общинной доваряжской Руси. Эта система строга, убыточна, разорительна для подданных. Она совершенно равнодушна к управляемым, противопоставляет их интересы интересам правителя, его обогащение поставяет главною целью и резко выдвигает его лицо из среды подвластных. Наконец, варягам принадлежит начало *вир*, или *денежных плат за преступления в России*».

Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней России. 1846.

1.18. «Мысль, которая его (призвание варягов) взывала – желание благоустройства и порядка, – общая всем народам в мире; форма, в которой она выразилась, до того патриархальна, что не имея мы никаких других свидетельств и данных, мы по одному этому событию могли бы догадаться, что тогда господствовал у нас патриархальный быт...

Варяги призваны в качестве судей, военных стражей, как угодно. Пришедши, они вскоре начали делать то, что во всем мире делали: воевать направо и налево племена, брать с них дань, вероятно, не легкую, судя по их частым восстаниям; даже на месте, куда были призваны, они не усидели, а выбрали такое, которое им было более по сердцу. И выходит, что славянские племена (далеко не все) хотели одного, сделалось совсем другое, и не чрез них, а чрез деятельность варягов, которые, силой удерживая за собою русско-славянские племена, связали их высшими узами в одно целое. Вот почему я сказал, что идея государства принесена варягами на нашу почву: мысль о единстве всей России была результатом их завоеваний».

Кавелин К.Д. Ответ «Москвитянину». 1846.

1.19. «Варяги-русь были славяне, или смесь славян с германо-скандинавами...

Г. Соловьев, в своем рассуждении об отношениях Новгорода к великим князьям, весьма остроумно и основательно заметил, что такое призвание повторялось несколько раз в истории Новгорода. (Мы прибавим от себя, что то же видим весьма часто и в других частях России в период уделов.) Сами собою новгородцы не могли управляться. Это свойство и необходимая принадлежность всех юных, полупатриархальных, граждански неустроенных обществ. Как только нет князя – возникает страшная неурядица, междоусобия, и новгородцы посылают к какому-нибудь князю идти к ним княжить, водворять тишину и правый суд. Может быть, этот случай, рассказанный в летописи, не был первым, а если он и был первым, то легко объясняется тем, что новгородцы и другие племена не могли согласиться, когда явилось несколько родов, равных между собою, из которых каждый имел большие партии...

С какими чувствами пришел к нам Рюрик – этого мы не знаем, а из призвания заключить нельзя; знаем только, что варяги-русь действовали у нас так, как будто бы они завоевали Россию, и бунт Вадима, беспрестанные восстания подвластных племен... доказывают, что вопрос о том, пришли ли варяги-русь к нам как завоеватели или по призыву – вопрос любопытства – никак не более: как бы ни явились они в Россию, но поступали они крутенько».

Кавелин К.Д. Исторические труды М.П. Погодина. 1846.

1.20. «Если принять, что Рюрик и братья его были нордманы (мнение, которое нынче многие оспаривают), то удельная система есть та же феодальная, бывшая в употреблении у всех северных народов, и особенно у нордманов, только ограниченная много привязанностью славян к единовластию, если не одного лица, то по крайней мере одного дома».

Чернышевский Н.Г. О причинах введения удельной системы в России. 1845.

1.21. «Чтоб восстановить согласие, единство, наряд между родами, единственным средством было отдать решение родовых споров судье беспристрастному, признать князя-нарядника из чужа, из чужого рода: так и сделали несколько северных племен – славянских и финских, чем и положили начало Русскому государству в половине IX века».

Соловьев С.М. Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого. 1851.

1.22. «При изображении нравов и обычаев славян вообще замечено уже было, что родовой быт условливал между ними вражду, на которую так прямо указывают писатели иностранные, знавшие славян; наш летописец подтверждает их показания: как скоро, говорит он, племена начали владеть сами собою, то не стало у них правды, то есть беспристрастного решения споров, не было у них устава, который бы все согласились исполнять, не было власти, которая бы принудила слушников к исполнению принятого устава. При столкновениях между родами, при общих делах решителями споров должныствовали быть старшины родов... Роды, столкнувшиеся на одном месте и потому самому стремившиеся к жизни гражданской, к определению отношений между собою, должны были искать силу, которая внесла бы к ним мир, наряд, должны были искать правительство, которое было бы чуждо родовых отношений, посредника в спорах беспристрастного, одним словом, третьего судью, а таким мог быть только князь из чужого рода... Призвание первых князей имеет великое значение в нашей истории, есть событие всероссийское, и с него справедливо начинают русскую историю. Главное, начальное явление в основании государства – это соединение разрозненных племен чрез появление среди них сосредоточивающего начала, власти. Северные племена, славянские и финские, соединились и призвали к себе это сосредоточивающее начало, эту власть. Здесь, в сосредоточении нескольких северных племен, положено начало сосредоточению и всех остальных племен, потому что призванное начало пользуется силою первых сосредоточившихся племен, чтоб посредством их сосредоточивать и другие, соединенные впервые силы начинают действовать...

Норманны составляли главным образом первоначальную дружину, беспрестанно являлись при дворе наших князей, как наемники участвовали почти во всех походах, - каково же было их влияние? Оказывается, что оно было незначительно. Норманны не были господствующим племенем, они только служили князьям туземных племен; многие служили только временно; те же, которые остались в Руси навсегда, по своей численной незначительности, быстро сливались с туземцами, тем более, что в своем народном быте не находили препятствий к этому слиянию. Таким образом, при начале Русского общества не может быть речи о *господстве* норманнов, о норманнском периоде...

Призвание первых князей имеет великое значение в нашей истории, есть событие всероссийское, и с него справедливо начинают русскую историю. Главное, начальное явление в основании государства, – это соединение разрозненных племен чрез появление среди них сосредоточенного начала власти... Летописец прямо дает знать, что несколько отдельных родов, поселившись вместе, не имели возможности жить общею жизнью вследствие усобиц; нужно было постороннее начало, которое условило бы возможность связи между ними, возможность жить вместе; племена знали по опыту, что мир возможен только тогда, когда все живущие вместе составляют один род с одним общим

родоначальником: и вот они хотят восстановить это прежнее единство, хотят, чтобы все роды соединились под одним общим старшиною, князем, которые ко всем родам был бы одинаков, чего можно было достичь только тогда, когда этот старшина, князь, не принадлежал ни к одному роду, был из чужого рода. Они призвали князя, не имея возможности этим именно соединить какое-либо другое, новое значение, кроме значения родоначальника, старшего в роде».

Соловьев С.М. История России с древнейших времён. Т.1. 1851.

1.23. «История России, подобно истории других государств, начинается богатырским или героическим периодом, т.е. вследствие известного движения, у нас вследствие появления варяго-русских князей и дружин их, темная, безразличная масса народонаселения потрясается, и происходит выдел из нее лучших людей по тогдашним понятиям, т.е. храбрейших, одаренных большою материальною силою и чувствующих потребность упражнять ее».

Соловьев С.М. История России с древнейших времён. Т. 13. 1863.

1.24. «Призвание варяжских князей было органическим явлением родового быта. Когда роды не могли поладить между собою, не хотели уступить друг другу, явилась необходимость избрать для прекращения происходивших оттого смут и междоусобий посредника, миротворца, третьего судью; а таким мог быть только князь, непричастный усобицам, следовательно равно беспристрастный ко всем враждовавшим между собою... До призвания варяги берут дань с северных племен; после призвания, в продолжение всей норманнской эпохи, они являются не мирными правителями, но воинственными дружинниками, даже в самом Новгороде. Таким образом, посольство и призвание представляются в нашей древнейшей истории событием эпизодическим, одиноким, без связи с тем, что было до него, и с тем, что происходит после... После всего сказанного, имеет ли в нашей истории особенную важность факт призвания? Мы позволим себе в этом усомниться. Варяги владели у нас и прежде призвания, и после... Следовательно, образ прибытия их к нам несколько не изменяет сущности дела».

Кавелин К.Д. Исследования С.М. Соловьева. 1851.

1.25. «Норманны (варяги), давшие России княжеский род, который правил ею без перерыва до конца XVI столетия, были скорее организаторами, чем завоевателями. Призванные новгородцами, они захватили власть и спустя короткое время распространили ее до Киева. Много высказывалось суждений о том, каким образом утвердились варяги на Руси, но это вопрос чисто исторический, мало нас интересующий. Большое же значение Несторовой версии состоит в том, что там указывается, как в XII столетии рассматривали нашествие варягов, и надо признать, что лишь она одна разъясняет истинную роль норманнов».

Герцен А.И. О развитии революционных идей в России. 1851.

1.26. «Относительно второго вопроса, каким образом славяне решились добровольно покориться единоплеменцам своих прежних врагов, ими изгнанных, и притом чрез два года, прежде всего заметим, что призвание варяго-русов союзом славян и финнов несправедливо называют событием беспримерным в истории... подобные события встречаются и в истории других народов... Они [норманны] были для славян поколением благородным, господствующим, но не враждебным, и служили только звеном соединения... Русские князья, призванные славянами властвовать, также привели с собою дружину; но спутники их не могли требовать от них такой награды, как Кловисовы франки, Генгестовы саксы: ибо варяго-русы пришли с Рюриком не завоевателями».

Устрялов Н.Г. Русская история. 1855.

1.27. «Русский народ есть народ не государственный, т. е. не стремящийся к государственной власти, не желающий для себя политических прав, не имеющий в себе даже зародыша народного властолюбия. Самым первым доказательством тому служит начало нашей истории: добровольное призвание чужой государственной власти в лице варягов, Рюрика с братьями... Но чего же хочет русский народ для себя? Какая же основа, цель, забота его народной жизни, если нет в нем вовсе политического элемента, столь деятельного у других народов? Чего хотел наш народ, когда добровольно призывал варяжских князей «княжить и владеть им»? Что хотел он оставить для себя? Он хотел оставить для себя свою не политическую, свою внутреннюю общественную жизнь, свои обычаи, свой быт, – жизнь мирную духа».

Аксаков К.С. Записка о внутреннем состоянии России. 1856.

1.28. «В самых первых временах в славянских народах мы встречаем жизнь общинную с ее необходимым проявлением – *совещанием*, носившим в древности название *веча*... Но удержать этот высокий строй было трудно, и славяне вынуждены были постановить у себя государство. Признавая государство как необходимость, смотря на него как на средство, а не как на конечную цель или идеал своего внутреннего развития, – северные славяне (в России) не обратили сами себя в государство, не из себя создали его устройство, не исказили своей общинной жизни, не изменили началу своей внутренней свободы, – а призвали государство из-за моря как явление чуждое, для внешнего наряд земли, для военного и судного дела, для ограждения свободы общинной или земской жизни. Все европейские государства основаны завоеванием; власть явилась там неприязненною, и во взаимных отношениях народа и власти, с самого начала, легла вражда, не покидающая их во всё течение истории. Русское государство, напротив, основывается не завоеванием, а *добровольным призыванием* власти. Поэтому не впажда, а мир и согласие – его начало. Власть явилась у нас званною, не враждебною, и утвердилась с согласия народа, на начале взаимной доверенности, которой народ *с своей стороны* никогда не изменял. Это различие в основании государства в России и Европе – определяет историю и той, и другой».

Аксаков К.С. Из работ 1850-х гг.

1.29. «Русский народ добровольно признал необходимость власти и добровольно призвал её».

Аксаков И.С. Письма Касьянова. 1863.

1.30. «К несчастью, новгородцы не были совершенно изолированы от Запада; их торговые дела заставляли иметь сношения с западными народами. При этих сношениях они слышали о силе и храбрости норманнов, и, как народ торговый, призвали их, чтобы те служили для Новгорода чем-то вроде наёмного войска. Между тем Рюрик принес с собой в Русь феодальные понятия и законодательные идеи, почерпнутые из капитуляриев Карла Великого. Новгородцы увидели, что дело плохо; произошло восстание против иноземного влияния, под предводительством Вадима. Но варяги одолели, и с тех пор «феодальные сеньоры и грубые норманны раздавили своей тяжелой и стеснительной властью цветущую республику новгородскую».

Жеребцов Н.А. История цивилизации в России. 1858.

В) Спор о варягах в 70-е – 80-е годы XIX века

1.31. «В России завоевание было *слабо*, и слишком скорое *слитие* варягов с славянами не дало возможности образоваться у нас, в собственной Великороссии, крепким словным преданиям... С самого начала истории нашей мы видим странные комбинации реальных общественных сил, вовсе не похожие ни на римско-эллинистические, ни на византийские, ни на

европейские. Удельная система наша соответствует, с одной стороны (если смотреть аналогически на начало всех государств, известных истории), той первоначальной, простой по быту и понятиям, отличной от народа аристократии, которую мы встречаем при зарождении всех государств, грубым патрициям первого Рима (и, вероятно, чем-нибудь подобному и у других итальянских народов), германскому первоначальному рыцарству и т. д. Подвижность относительно места, неподвижность и крепость относительно рода, перевес родового начала и над личным, и над избирательно-муниципальным, которое представлялось народным вечем городов. Такова была наша удельная система, если ее рассматривать как первобытную аристократию. Она таила в себе, однако, глубокие монархические свойства, именно потому, вероятно, что вне одного рода Рюрика, внезапно столь размноженного, не было никакой другой сильной и организованной аристократии».

Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. 1876.

1.32. «Эта книга... прежде всего, протест против мнимо-норманского происхождения Руси. Не суетное, хотя и понятное чувство народности легло в основание этому протесту; он вызван и полным убеждением в правоте самого дела, и чисто практическими требованиями, доведёнными до безвыходного положения русской науки. Полуторастолетний опыт доказал, что при догмате скандинавского начала русского государства научная разработка древнейшей истории Руси невысказима».

Гедеев С.А. Варяги и Русь. Историческое исследование. 1876. Т.1.

1.33. «Мы не видим, чтобы кто-либо между исследователями, занимавшимися варяжским вопросом, обратил исключительное внимание на фактическую достоверность самого известия о призвании Варягов и вообще об иноземном происхождении княжеских династий. Напротив, почти все исследователи идут от упомянутой летописной легенды и только различным образом толкуют ее текст... А между тем весь этот текст, по нашему крайнему разумению, нисколько не в состоянии выдержать исторической критики, незатемненной предвзятыми идеями и толкованиями. Чем ближе мы держимся его буквального смысла, тем более и более путаемся в нескончаемых противоречиях, когда начинаем сопоставлять его с другими несомненно историческими фактами. И наоборот: только убедившись, что мы имеем дело с легендой, а не с историческим фактом, получаем возможность стать на более прочную основу. Есть и другие поводы думать, что легенда о Варягах настоящий свой вид получила в своде не ранее конца XII века... Ни один из других литературных памятников нам известных и несомненно принадлежащих эпохе дотатарской, не упоминает о призвании Варягов и не знает норманна Рюрика как родоначальника русских князей. Следовательно, эта легенда в те времена еще не была общественной или общепринятой».

Иловайский Д.И. О мнимом призвании варягов // Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. 1871–1876.

1.34. «Все эти ученые усилия разьяснить варяжский вопрос я назвал явлениями патологическими... Я, собственно, равнодушен к обеим теориям, и норманнской и славянской, и это равнодушие выходит из научного интереса. В тумане ранних известий о наших предках я вижу несколько основных фактов, составляющих начало нашей истории, и больше их ничего не вижу. Эти факты, которые приводят меня к колыбели нашего народа, остаются те же, с тем же значением и цветом, признаю ли я теорию норманнистов или роксоланистов. Поэтому, когда норманнист или роксоланист начнут уверять, что только та или другая теория освещают верным светом начало русской национальности, я перестаю понимать того и другого, т.е. становлюсь совершенно равнодушен к обоим... Я совсем не против вопроса о происхождении имени Русь и первых русских князей, совсем не против пользы исследований подобных вопросов, а только против того положения, что

в этом вопросе ключ к разъяснению начала русской национальной и государственной жизни».

Ключевский В.О. Наброски по варяжскому вопросу. 1876.

1.35. «Дело не в действительности самого Несторова рассказа, а в том, что еще в XI веке было записано *такое* сказание, – конечно, не вымышленное самим летописцем-монахом, а взятое из изустного предания. А в предании этом воплотился *взгляд* народный на начало государства, его политическое мирозерцание: это же последний факт, достоверность которого не опровергает и сам г. Иловайский, для нас несравненно важнее внешней, фактической достоверности самого призвания варягов. Что же говорит записанное в XI веке предание? Оно истинно замечательно: оно уже само по себе зрелый, отчетливый акт сознания *необходимости государственного строя*».

Аксаков И.С. Ответ г. Градовскому на его разбор «Записки» К.С. Аксакова. 1881.

1.36. «Я вспоминаю о благородном и мудром акте национального самоотречения, создавшем более тысячи лет тому назад русское государство в дни, когда наши предки, видя недостаточность туземных элементов для организации общественного порядка, по своей доброй воле и по зрелом размышлении призвали к власти скандинавских князей».

Соловьев В.С. Русская идея. 1888.

1.37. «Прошедшее русского народа представляет два главных акта национального самоотречения – призвание варягов и реформа Петра Великого...

Наши предки времен Гостомысла, желая дать России власть и порядок, не могли обратиться для этого к началу власти *вообще* или порядка *вообще*, а должны были призвать это начало в конкретном виде норманнской дружины... Не национальное самолюбие, а национальное самоотречение в призвании варягов создало русское государство... Призвание варягов дало нам государственную дружину».

Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Вып. 1. 1884–1888.

1.38. «Сознание необходимости государственного строя и невозможности учредить его собственными средствами вследствие постоянных междоусобиц заставило новгородских славян с окрестными чудскими племенами призвать из-за моря объединяющий правительственный элемент. Это призвание чужой власти показало действительную нравственную силу русского народа, его способность освободиться в решительные минуты от низких чувств национального самолюбия или народной гордости; но видеть отречение от государственности в этом решении создать государство во что бы то ни стало можно было бы лишь в том случае, если бы народ, добровольно подчинившись чужим правителям, перестал вовсе участвовать в делах правления. Между тем история непреложно свидетельствует, что русский народ с призванием варягов нисколько не отказался от деятельного участия в политической жизни».

Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Вып. 2. 1891.

1.39. «Видеть в призвании варягов акт *национального* самоотречения может только человек, одержимый предвзятою мыслью. Даже понятие о *нации* и о *национальном* неудобоприложимо к племенам, призвавшим Рюрика с братьями. Призвали их новгородцы, кривичи, *чудь* – племя, как известно, даже не славянское. Ни от какой национальности они и не думали отречься; совершенно напротив: именно через этот призыв они и захотели сложиться в одну национальность, то есть в цельный государственный организм... История не представляет другого примера такого сознательного, свободного и произвольного водворения государственного начала; оно принадлежит исключительно России. Эта сознательность в отношениях народа к власти и проходит потом сквозь всю нашу историю до самых последних дней... Но возвратимся к

подвигу наших предков. Племя восставало на племя, род на род; были, вероятно, попытки племенных союзов и федераций, но они оказывались безуспешными. Свободная мирная жизнь становилась невозможной; мудрые предки поняли, что для прекращения и решения их раздоров и споров нужна – *третья* сторона, то есть взятый *извне*, не причастный ни к одной стороне, – нужна власть, не та, которая бы вознесла одно *племя* над *другим*, но которая бы сама над всеми возносилась, всем одинаково *чуждая*, а потому и всем своя, свободная от всяких племенных и родовых пристрастий... Отринув насильственное подчинение, поколотив предварительно варягов, сознавая необходимость государственного «наряда» (не *порядка*, как г. Соловьев выражается), они в том же году уже добровольно, как люди, *отстоявшие свою* «национальную» (допустим это выражение) *самобытность*, пошли за море к варягам же, хотя... и не к тем, которые ими владели и которых они прогнали, а к варягам-*руси*...

Во всяком случае не от национальности отрекались наши предки, а от *похоти* властвования и командования друг над другом; отрекались от вражды и раздора, обуздывая себя всеобщим послушанием единой, общей для всех, *призванной* со стороны власти. Они... призывали государство – как *защиту земской свободы и земского мира*, как ограждение внутренней бытовой жизни и ее развития».

Аксаков И.С. Против национального самоотречения и пантеистических тенденций, высказывавшихся в статьях В.С. Соловьева. 1884.

Г) Образ Рюрика и варягов в русском общественном сознании к началу XX века

1.40. «Сказание о призвании князей не народное предание, а только составленная по народному преданию ученая теория русского книжника XII века. Такие теории и тогда составлялись так же, как и гораздо позднее, в ученые времена: тёмные факты старины истолковывались применительно к современным или недавним явлениям, с ними однородным... [Варягов] прогнали туземцы, вероятно недовольные своим превращением из хозяев-нанимателей в данников, как потом хотели прогнать и Рюрика из боязни стать его рабами, по выражению летописца. Но Рюрик удержался на месте и из варяжского бродяги-кондотьера превратился в родоначальника русской династии».

Ключевский В.О. Значение варяжского вопроса. 1890-е гг.

1.41. «В тех промышленных пунктах, куда с особенной силой приливали вооружённые пришельцы из-за моря, они легко покидали значение торговых товарищей или наемных охранителей торговых путей и превращались во властителей. Во главе этих заморских пришельцев, составлявших военно-промышленные компании, становились вожди, получавшие при таком перевороте значение военных начальников охраняемых ими городов. Такие вожди в скандинавских сагах называются конингами или викингими. Оба этих термина перешли и в наш язык, получив славяно-русские формы князя и витязя... Превращение варягов из союзников во властителей при благоприятных обстоятельствах совершалось довольно просто... Стороннему наблюдателю такие варяжские княжества представлялись делом настоящего завоевания, хотя основатели их варяги являлись обыкновенно без завоевательной цели, искали добычи, а не мест для поселения...

Пришельцы призваны были не для одного внутреннего наряда, т. е. устройства управления. Предание говорит, что князья-братья, как только уселись на своих местах, начали «города рубить и воевать всюду». Если призванные принялись прежде всего за стройку пограничных укреплений и всестороннюю войну, значит, они призваны были оборонять туземцев от каких-то внешних врагов, как защитники населения и охранители границ. Далее князья-братья, по видимому, не совсем охотно, не тотчас, а с раздумьем приняли предложение славянофинских послов, «едва избрашась, – как записано в одном из летописных сводов, – боясь звериного их обычая и нрава»... Рюрик убил вождя крамолы, «храброго Вадима», и перебил многих новгородцев, его соумышленников. Чрез

несколько лет ещё множество новгородских мужей бежало от Рюрика в Киев к Аскольду. Все эти черты говорят не о благодушном приглашении чужаков властвовать над безнарядными туземцами, а скорее о военном найме. Очевидно, заморские князья с дружиною призваны были новгородцами и союзными с ними племенами для защиты страны от каких-то внешних врагов и получали определённый корм за свои сторожевые услуги. Но наёмные охранители, по-видимому, желали кормиться слишком сытно. Тогда поднялся ропот среди плательщиков корма, подавленный вооружённой рукою. Почувствовав свою силу, наёмники превратились во властителей, а своё наёмное жалованье превратили в обязательную дань с возвышением оклада. Вот простой прозаический факт, по-видимому, скрывающийся в поэтической легенде о призвании князей: область вольного Новгорода стала варяжским княжеством...

Фактически государства основываются различным образом, но юридическим моментом их возникновения считается общественное признание властвующей силы властью по праву. Идея такой правомерной власти и внесена в легенду о призвании. Вече северных союзных племён, как-то собравшееся среди родовой усобицы и постановившее искать князя, который бы «владел и судил по праву», и обращенное к Руси депутатами вече приглашение идти «княжить и володеть» великой и обильной, но безнарядной землёй – что это такое, как не стереотипная формула идея правомерной власти, возникающей из договора, – теории очень старой, но постоянно обновляющейся по её доступности мышлению, делающему первые опыты усвоения политических понятий? Сказание о призвании князей, как оно изложено в Повести, совсем не народное предание, не носит на себе его обычных признаков: это – схематическая притча о происхождении государства, приспособленная к пониманию детей школьного возраста».

Ключевский В.О. Курс русской истории. Гл. 9. 1904.

1.42. «В основе русской истории лежит знаменательная легенда о призвании варяг-иностранцев для управления русской землей, так как «земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет». Как характерно это для роковой неспособности и нежелания русского народа самому устраивать порядок в своей земле. Русский народ как будто бы хочет не столько свободного государства, свободы в государстве, сколько свободы от государства, свободы от забот о земном устройстве. Русский народ не хочет быть мужественным строителем, его природа определяется как женственная, пассивная и покорная в делах государственных, он всегда ждет жениха, мужа, властелина. Россия – земля покорная, женственная».

Бердяев Н.А. Душа России. 1914.

Часть II. Личность и реформы Петра I
в исторической науке и общественно-политической мысли
России XIX – начала XX века

Методические указания

Радикальная апологетическая точка зрения на Петра I, безусловно господствовавшая в течение всего XVIII века (несмотря на критические выступления М.М. Щербатова и А.Н. Радищева в конце века), по-прежнему преобладала в сознании русского общества вплоть до 30-х годов XIX века. Тем не менее, уже с начала XIX века негативная оценка петровских реформ стала распространяться всё шире и шире. Время от времени происходило обратное движение, часть историков и мыслителей возвращалась к апологии Петра. Из чередований положительных и отрицательных оценок петровских преобразований и складывался противоречивый образ великого монарха в русском общественном сознании XIX столетия. Вместе с тем, наибольший интерес представляет не условное деление историков и публицистов на сторонников и противников Петра I, а деление на тех, кто считал реформы начала XVIII века закономерными и естественными, и тех, кто объяснял их неоправданным волюнтаризмом первого российского императора. Важно также вникнуть в аргументы сторон, учитывая то, что многие конкретные тезисы могли использовать, трактуя в свою пользу, как апологеты, так и хулители Петра Великого.

Вопросы

1. Изучите мнение М.М. Сперанского и Н.М. Карамзина (фрагменты 2.1 и 2.2). Почему, несмотря на общую направленность своей «Записки о древней и новой России» против Сперанского, Карамзин по сути солидарен с ним в оценке петровских преобразований? Каковы основные аргументы Карамзина?
2. Ознакомьтесь с различными высказываниями декабристов о Петре I (фрагменты 2.3 – 2.16). Чем вы можете объяснить такое разнообразие мнений? Почему исходя из одних и тех же общественно-политических взглядов, декабристы рисовали столь различный и противоречивый образ Петра? Учтите, что среди них лишь один А.О. Корнилович специально изучал петровскую эпоху по первоисточникам.
3. Прочитайте фрагменты 2.17, 2.18 и 2.19. Как можно охарактеризовать позицию А.С. Пушкина? * *Вспомните, какие его художественные и исторические произведения связаны с личностью преобразователя. Какое деяние Петра А.С. Пушкин считал наиболее пагубным для русского дворянства?*

4. Внимательно проанализируйте высказывания П.Я. Чаадаева и близкого к нему по взглядам Н.И. Надеждина (фрагменты 2.20 – 2.27). Сформулируйте пять – семь основных тезисов Чаадаева. Насколько они обоснованны, на ваш взгляд? Сравните позицию Чаадаева и Надеждина по варяжскому вопросу (часть I, задание 5) и по вопросу о петровских реформах. В чем сходство этих позиций?
5. Сравните мнения о петровских реформах двух основоположников славянофильства – И.В. Киреевского и А.С. Хомякова (фрагменты 2.28 – 2.32). Чье мнение легло в основу дальнейшего развития славянофильской мысли? К кому из них ближе позиция Н.В. Гоголя (фрагмент 2.33)?
6. Изучите различные высказывания В.Г. Белинского о Петре I (фрагменты 2.34 – 2.43). В чем отличие между ранними и поздними его высказываниями? Исходя из каких соображений, Белинский стал апологетом Петра?
7. Ознакомьтесь с мнениями представителей западной историографии 40-х – 50-х годов XIX века (фрагменты 2.44 – 2.50). Обратите внимание на подчеркнута либерально-западническую позицию юных М.Н. Каткова и И.С. Аксакова, членов кружка Станкевича. С кем полемизирует К.Д. Кавелин во фрагменте 2.47? Какие новые тезисы о петровских реформах Кавелин высказал двадцать лет спустя (фрагмент 2.48)? Что он считает важнейшим социально-политическим следствием деятельности Петра, не замеченным прежними историками?
8. Прочитайте фрагменты 2.51 и 2.52 из трудов М.П. Погодина. Почему этот консерватор и сторонник самодержавия солидарен в оценке петровских реформ с либералами-западниками? Против кого направлен полемический пафос Погодина?
9. Обратитесь к фрагментам 2.53, 2.54, а также 2.94. В чем сходство позиции Н.А. Добролюбова с западной историографией 40-х – 50-х годов, а в чем принципиальное отличие? Докажите, что Н.Г. Чернышевский по вопросу о петровских реформах оказался в оппозиции к основной части «прогрессистского» лагеря. Какие новые аргументы привлекал Чернышевский для критики Петра I? Можно ли согласиться с мнением, что и без Петра русские так же быстро и добровольно усвоили бы западную образованность?
10. Проанализируйте высказывания А.И. Герцена о Петре I (фрагменты 2.55 – 2.68). Чем различаются взгляды Герцена 40-х, 50-х и 60-х годов, а в чем его позиция оставалась неизменной? По какой причине Герцен отошел от магистральной традиции западников восхвалять Петра Великого? Найдите черты, сближающие его взгляды со взглядами Чернышевского и некоторых декабристов. Можно ли указать на какие-либо моменты, роднящие герценовский критицизм по отношению к Петру со славянофильством?

11. Изучите отрывки из трудов братьев Аксаковых (фрагменты 2.69 – 2.81, а также 2.106). Что нового привнесли они в славянофильское понимание реформ Петра I по сравнению с Хомяковым? Сформулируйте четыре-пять тезисов, наиболее типичных для К.С. и И.С. Аксаковых.
12. Обратившись к высказываниям Ф.М. Достоевского (фрагменты 2.82 – 2.89), покажите, в чем почвенничество 60-х годов следовало за аксаковским славянофильством. Как меняется отношение Достоевского к петровским реформам в последние годы его жизни? Какие новые тезисы выдвигает писатель?
13. Постарайтесь сформулировать мнение С.М. Соловьева о Петре I (фрагменты 2.90. 2.91, 2.92) в виде нескольких сжатых тезисов. В чем, с его точки зрения, личность реформатора оказала существенное влияние на ход истории, а в чем события происходили независимо от личности Петра? Согласны ли вы с тем, что Соловьев впервые сформулировал взвешенный, исторически объективный взгляд на петровские преобразования? Кто ранее уже приближался к соловьевской точке зрения?
14. Отвечают ли, с вашей точки зрения, мнения Н.И. Костомарова и К.П. Победоносцева (фрагменты 2.93 и 2.97), изучавших петровскую эпоху по первоисточникам, требованиям Соловьева к непредвзятому историческому взгляду на проблему? В чем Костомаров усматривает позитивное, а в чем негативное влияние правления Петра на нравы и настроения в русском народе?
15. Обратитесь к фрагментам 2.94 – 2.96. Почему либералы и западники пореформенного периода стали позволять себе жесткую критику Петра I, что не было характерно для их предшественников 40-х годов?
16. На какие социально-политические последствия петровских реформ обратил внимание К.Н. Леонтьев (фрагменты 2.98 – 2.102)? Почему, вопреки Щербатову, Карамзину, Пушкину и многим другим, упрекавшим Петра за разрушение родовитой аристократии «Табелью о рангах», Леонтьев считает, что аристократическое начало только усилилось после преобразований начала XVIII века?
17. Прочитайте фрагменты 2.103 и 2.104, принадлежащие лидеру правого крыла позднего славянофильства генералу А.А. Кирееву. Что роднит его точку зрения с позицией И.С. Аксакова, а что – с мнением Достоевского?
18. Проанализируйте высказывания В.С. Соловьева (фрагменты 2.105 – 2.111). К какой историографической традиции возвращается он, рисуя апологетический образ Петра? Можно ли, на ваш взгляд, говорить о влиянии на него мнения его отца, С.М. Соловьева? Сопоставьте мысли Вл. Соловьева о «национальном самоотречении» в связи с призванием Рюрика (часть I, задание 13) и в связи с реформами Петра I. * *Какое еще событие русской*

истории мыслитель ставил в один ряд с этими двумя? Что в статьях Соловьева вызвало негодование Аксакова?

19. Сопоставьте мнение В.О. Ключевского о петровских реформах и о роли личности императора в них (фрагменты 2.112 и 2.113) с мнением С.М. Соловьева. Укажите сходства и отличия.

20. * *Как вы можете объяснить то, что интерес к образу Петра I и его эпохи оставался крайне высоким на протяжении всего XIX века, а к началу XX века резко упал?*

21. Какие славянофильские аргументы повторяет Д.И. Иловайский в своей критике Петра I (фрагмент 2.114), а какие он привносит вновь?

Тексты к части II

А) Образ Петра Великого в русском сознании первой трети XIX века

2.1. «Воссядет на престол дух сильный и предприимчивый, один из сих духов, что небо посылает на землю для преобращения судьбы царств [т.е. Петр I], он пожелает народ грубый и упрямый одним махом передвинуть и поставить на той точке совершенства, к коей смежные государства веками доходили, - царство сие покроется всем блеском заимствованного просвещения. Успехи войны и наружное сходство внутреннего устройства заставят возмечтать народ, что он всё сделал, нарядившись в чужое платье и переменяв внешний свой вид. Со сего времени подражание войдет в свойство народа, и природная гордость северных обитателей в тщеславие и напыщенную уверенность. Все займутся украшением поверхностей и, вводя иностранные названия в образ правления, будут думать, что переменяли самое существо его, - позолотят цепи свои и нарекут себя свободными».

Сперанский М.М. Размышления о государственном устройстве Империи. 1802.

2.2. «Явился Петр... Потомство воздало усердную хвалу сему бессмертному государю и личным его достоинствам и славным подвигам. Он имел великодушие, проницание, волю непоколебимую, деятельность, неутомимость редкую: исправил, умножил войско, одержал блестящую победу над врагом искусным и мужественным; завоевал Ливонию, сотворил флот, основал гавани, издал многие законы мудрые, привел в лучшее состояние торговлю, рудокопни, завел мануфактуры, училища, академию, наконец поставил Россию на знаменитую степень в политической системе Европы. Говоря о превосходных его дарованиях, забудем ли почти важнейшее для самодержцев дарование: употреблять людей по их способностям? Полководцы, министры, законодатели не рождаются в такое, или такое царствование, но единственно избираются... Чтобы избрать, надобно угадать; угадывают же людей только великие люди – и слуги Петровы удивительным образом помогли ему на ратном поле, в Сенате, в Кабинете. Но мы, россияне, имея перед глазами свою историю, подтвердим ли мнение несведущих иноземцев и скажем ли, что Петр есть творец нашего величия государственного?.. Петр нашел средства делать великое – князья московские приготавливали оное. И, славя славное в сем монархе, оставим ли без замечания вредную сторону его блестящего царствования? Умолчим о пороках личных; но сия страсть к новым для нас обычаям преступила в нем границы благоразумия. Петр не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество государств, подобно физическому, нужное для их твердости... Искореня древние навыки, представляя их смешными, хваля и вводя иностранные, государь России унижал россиян в собственном их сердце. Презрение к самому себе располагает ли человека и гражданина к великим делам?.. Русская одежда, пища, борода не мешали заведению школ. Два государства могут стоять на одной степени гражданского просвещения, имея нравы различные. Государство может заимствовать от другого полезные сведения, не следуя ему в обычаях. Пусть сии обычаи естественно изменяются, но предписывать им Уставы есть насилие, незаконное и для монарха самодержавного...

Петр ограничил свое преобразование дворянством. Дотоле, от сохи до престола, россияне сходствовали между собою некоторыми общими признаками наружности и в обыкновениях, – со времен Петровых высшие степени отделились от нижних, и русский земледелец, мещанин, купец увидел немцев в русских дворянах, ко вреду братского, народного единодушия государственных состояний. В течение веков народ обывок чтить бояр, как мужей, ознаменованных величием, – поклонялся им с истинным уничижением, когда они со своими благородными дружинами, с азиатскою пышностью, при звуке бубнов являлись на стогнах, шествуя в храм Божий или на совет к государю. Петр

уничтожил достоинство бояр: ему надобны были министры, канцлеры, президенты! Вместо древней славной Думы явился Сенат, вместо приказов – коллегии, вместо дьяков – секретари и проч. Та же бессмысленная для россиян перемена в воинском чиновачалии: генералы, капитаны, лейтенанты изгнали из нашей рати воевод, сотников, пятидесятников и проч. Честью и достоинством россиян сделалось подражание...

Некогда называли мы всех иных европейцев *неверными*, теперь называем братьями; спрашиваю: кому бы легче было покорить Россию – *неверным* или *братьям*? Т. е. кому бы она, по вероятности, долженствовала более противиться? При царе Михаиле или Феодоре вельможа российский, обязанный всем Отечеству, мог ли бы с веселым сердцем навеки оставить его, чтобы в Париже, в Лондоне, Вене спокойно читать в газетах о наших государственных опасностях? Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виною Петр. Он велик без сомнения; но еще мог бы возвеличиться гораздо более, когда бы нашел способ просветить ум россиян без вреда для их гражданских добродетелей...

Еще народные склонности, привычки, мысли имели столь великую силу, что Петр, любя в воображении некоторую свободу ума человеческого, долженствовал прибегнуть ко всем ужасам самовластия для обуздания своих, впрочем, столь верных подданных...

Со времен Петровых упало духовенство в России. Первосвятители наши уже только были угодниками царей и на кафедрах языком библейским произносили им слова похвальные...

Утаим ли от себя еще одну блестящую ошибку Петра Великого? Разумею основание новой столицы на северном крае государства, среди зыбей болотных, в местах, осужденных порокою на бесплодие и недостаток...

Но великий муж самыми ошибками доказывает свое величие: их трудно или невозможно изгладить – как хорошее, так и худое делает он навеки. Сильною рукою дано новое движение России; мы уже не возвратимся к старине!»

Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. 1811.

2.3. «Какое сердце не бьется восторгом при имени Великого!»

Бестужев А.А. Торжественное заседание Императорской Российской Академии. 1821.

2.4. «Мы благоговеем к памяти Петра... Я люблю без памяти этого тирана».

Бестужев А.А. Записки о Голландии 1815 года.

2.5. «Петр был в политике истый революционер».

Завалишин Д.И. Записки декабриста. 1830-е гг.

2.6. «Он создал флот, на котором мы приплыли с земли варварства на землю образованности... Я не люблю бород, но нехорошо кнутом и каторгою уничтожать бороды и русское платье».

Тургенев Н.И. Начало 1820-х гг.

2.7. «Россия и без них [соратников Петра] была велика! Петр слывет законодателем России, но где же законы?»

Муравьев Н.М. Начало 1820-х гг.

2.8. «В 1826 г. русская земля находилась относительно законодательства точно в таком же положении, как и в 1700 г.»

Лунин М.С. Записная книжка. 1830-е гг.

2.9. «Перенимая науки и вообще всё полезное, неприметно стали перенимать мелочные обыкновения, бесполезное, и, наконец, вредное».

Штейнгель В.И. 1820-е гг.

2.10. «Петр Великий, несмотря на исключительные таланты, обладал скорее гением подражательным, чем творческим. Заставляя варварский народ принять костюм и нравы иностранцев, он в короткое время дал ему видимость цивилизации. – Но эта скороспелая цивилизация была так же далека от истинной, как эфемерное тепличное растение от древнего дуба, возвращенного воздухом, солнцем и долгими годами, как оплот против грозы и памятник вечности. Петр слишком был влюблен в свою славу, чтобы быть всецело патриотом. Он при жизни хотел насладиться развитием, которое могло быть только плодом столетий. Только время создает великих людей во всех отраслях, которые определяют характер нации и намечают путь, которому она должна следовать. Толчок, данный этим властителем, надолго задержал у нас истинные успехи цивилизации. Наши опыты в изящных искусствах, скопированные с произведений иностранцев, сохранили между ними и нами в течение двух веков ту разницу, которая отделяет человека от обезьяны».

Улыбышев А.Д. Сон. 1819.

2.11. «Ненавистно было для нас [декабристов] прошедшее, как ненавистен был для нас Великий, заложивший Россию на новых, ничем не оправданных основаниях... Нет, он не творитель, а подражатель... Он, как вотчину, точно любил Россию, но не терпел, не выносил и, что еще более, не уважал собственно русских... Варвар по природе... ломовик-преобразователь... Народ молча глядел и переносил тяжесть ломки».

Поджио А.В. Записки декабриста. 1830-е гг.

2.12. «Увы, зачем Петр Первый, которого по многим основаниям назвали Великим, опозорил цепями рабства наших земляпашцев, одновременно выставя нас перед взорами всей Европы?»

Кюхельбекер В.К. Лекция о русской литературе и русском языке, прочитанная в Париже в июне 1821 г.

2.13. «Пытки и казни служили средством нашего славного преобразователя... Русский народ сделался ли от того счастливее?»

Фонвизин М.А. Записки декабриста. 1830-е гг.

2.14. «Император Петр I был феномен своего века. Физические и нравственные его свойства, добродетели и недостатки, занятия его по делам государственным и частные, которым он посвящал часы досуга, всё в нём являет что-то необыкновенное, носит на себе отпечаток какого-то неизъяснимого величия, беспокойной, никогда не устающей деятельности, которые не могут не возбуждать удивления».

Корнилович А.О. О частной жизни императора Петра Первого. 1824.

2.15. «Я начал заниматься историею Петра по привлекательности, какую представляет жизнь великого человека. Когда несколько с ней ознакомился, увидел, что большая часть предрассудков наших против сего государя происходит от незнания. Наши писатели и большая часть читателей, основываясь на Монтескьё и Вольтере, полагали, что он деспот, хотя не смели этого говорить явно, между тем как, напротив, он истребил остатки деспотизма и утвердил нынешнее законное самодержавие. Причиною же, что поступал жестоко, не по нашим понятиям, были: век, младенчество народа и обстоятельство, что для гения нет правил».

Корнилович А.О. Письмо брату Михаилу. 1831.

2.16. «Прежде чем помыслить о просвещении русских, надлежало им внушить чувство собственного достоинства, показать, в чем истинно заключается служба царю и отечеству. И ни в каком случае Петр не выявил более ума и народолюбия, ничем более не стяжал права на чин Великого, ибо для этого властитель жизни и достояния миллионов в поте венчанного чела, с ружьем, заступом, топором в державных руках нес труды и лишения простого ратника, плотника, землекопа! Я хотел бы, чтоб мне представили дворянство, духовенство, которое с его предрассудками, с его видами, чтоб сам Петр явился таким, каким был: алмаз под грубою корою, из-за коей проявляются места, ослепленные блеском, весь огонь, вся деятельность, всегда и везде жертвовавший собою для великой цели. Я даже позволил бы себе выставить некоторые заблуждения его бурной юности. Не понимает его истинного величия тот, кто мыслит, что сие порочило бы славу государя... Да и что такое все недостатки Петра? Пятна в солнце, тени, придающие более блеску картине. Имей он их вдесятеро более, они померкнут в его заслугах».

Корнилович А.О. Письмо брату Михаилу. 1832.

2.17. «Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, при стуке топора и при громе пушек. Предпринятые Петром войны были благодетельны и плодотворны как для России, так и для человечества».

Пушкин А.С. О ничтожестве литературы русской. 1834.

2.18. «Он [Петр I] слишком огромен для нас близоруких, и мы стоим к нему еще близко, - надо отодвинуться на два века, - но постигаю его чувством; чем более его изучаю, тем более изумление и подобострастие лишают меня средств мыслить и судить свободно».

Пушкин А.С. Разговор с В.И. Далем. 1833.

2.19. «А Петр Великий, который один есть целая всемирная история!»

Пушкин А.С. Письмо П.Я. Чаадаеву 19 октября 1836 г.

2.20. «Великий человек вздумал нас цивилизовать и для того, чтобы приохотить к просвещению, кинул нам плащ цивилизации; мы подняли плащ, но к просвещению не прикоснулись».

Чаадаев П.Я. Философические письма. Письмо первое. 1829. С. 25.

2.21. «Величайший из наших царей, тот, который, по общепринятому мнению, начал для нас новую эру, которому, как все говорят, мы обязаны нашим величием, нашей славой и всеми благами, какими мы теперь обладаем, полтора столетия назад пред лицом всего мира отрекся от старой России. Своим могучим дуновением он смёл все наши учреждения; он вырыл пропасть между нашим прошлым и нашим настоящим и грудой бросил туда все наши предания. Он сам пошёл в страны Запада и стал там самым малым, а к нам вернулся самым великим; он преклонился перед Западом и встал нашим господином и законодателем...»

Оно было прекрасно, это создание Петра Великого, эта могучая мысль, овладевшая нами и толкнувшая нас на тот путь, который нам суждено было пройти с таким блеском... И не для своей только нации работал великий человек. Эти люди, отмеченные Провидением, всегда посылаются для всего человечества... Чем иным, как не новым усилием выйти из тесной ограды родной страны, чтобы занять место на широкой арене человечества, было зрелище, которое он явил миру, когда, оставив царский сан и свою страну, он скрылся в последних рядах цивилизованных народов? Таковы был урок, который мы должны были усвоить; мы действительно воспользовались им и до сего дня шли по пути, который предначертал нам великий император. Наше громадное развитие есть только осуществление этой великолепной программы. Никогда ни один народ не был менее

пристрастен к самому себе, нежели русский народ, и ни один народ не достиг также более славных успехов на поприще прогресса... Он [Петр] видел, что, за полным почти отсутствием у нас исторических данных, мы не можем утвердить наше будущее на этой бессильной основе; он хорошо понял, что, стоя лицом к лицу со старой европейской цивилизацией... нам незачем задыхаться в нашей истории и незачем тащиться, подобно западным народам, чрез хаос национальных предрассудков, по узким тропинкам местных идей. По изрытым колеям туземной традиции, что мы должны свободным порывом наших внутренних сил, энергическим усилием национального сознания овладеть предназначенной нам судьбой. И вот он освободил нас от всех этих пережитков прошлого, которые загромаждают быт исторических обществ и затрудняют их движение; он открыл наш ум всем великим и прекрасным идеям, какие существуют среди людей; он передал нам Запад сполна, каким его сделали века, и дал нам всю его историю за историю, будущее за будущее.

Неужели вы думаете, что, если бы он нашел у своего народа богатую и плодотворную историю, живые предания и глубоко укоренившиеся учреждения, он не поколебался бы кинуть его в новую форму? Неужели вы думаете, что, будь пред ним резко очерченная, ярко выраженная народность, инстинкт организатора не заставил бы его, напротив, обратиться к этой самой народности за средствами, необходимыми для возрождения его страны? И, с другой стороны, позволила ли бы страна, чтобы у нее отняли ее прошлое и, так сказать, навязали ей прошлое Европы? Но ничего этого не было. Петр Великий нашел у себя дома только лист белой бумаги и своей сильной рукой написал на нем слова *Европа* и *Запад*; и с тех пор мы принадлежим к Европе и Западу... То, что он сделал, было возможно лишь среди нации, чье прошлое не указывало ей властно того пути, по которому она должна была двигаться, чьи традиции были бессильны создать ее будущее, чьи воспоминания смелый законодатель мог стереть безнаказанно. Если мы оказались так послушны голосу государя, звавшего нас к новой жизни, то это, очевидно, потому, что в нашем прошлом не было ничего, что могло бы оправдать сопротивление».

Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего. 1837.

2.22. «Есть немало русских... которые утверждают, будто Россия претерпела реформу Петра Великого вопреки своей воле, но эти неловкие патриоты. Приписывая энергии одного человека, будь он и величайший из смертных, такой переворот, который, по их собственному признанию, преобразил их страну с головы до пят, ведь они этим вовсе не оправдывают своего народа, а, напротив, жестоко его оскорбляют... Какого, в самом деле, надо быть мнения о народе, который бы сперва лишился по капризной фантазии одного из своих государей всех плодов своей истории, затем, когда само Провидение, казалось, позаботилось облегчить ему возврат к священным преданиям предков, даровав ему последовательно четыре царствования женщин – и каких женщин! О Боже, настоящего отребья их пола! – и, что еще гораздо важнее, целое столетие преторианских переворотов, – продолжал бы бесстрастно перемалываться жерновами, между которыми он очутился якобы помимо собственной воли! А ведь именно таково суждение о своем народе этих истинно русских новой школы, столь ревнующей о славе России. По счастью, для чести человеческого рода, дело происходило вовсе не так. Петр Великий приложил свою руку к такому перевороту, начало которого мы вскрываем на первых страницах русской истории. Он преобразовал то, что существовало лишь по имени, уничтожил он только то, что всё равно неспособно было удержаться, создал он только то, что само собою шло к своему созданию, совершил он только то, что до него уже пытались совершить его предшественники».

Чаадаев П.Я. L'Univers 15 января 1854 г.

2.23. «Теперь я уже не думаю, что Петр Великий произвел над своей страной насилие, что он в один прекрасный день похитил у нее национальное начало, заменив его началом

западноевропейским, что, брошенные в пространство этой исполинской рукой, мы попали на ложный путь, как светило, затерявшееся в чужой солнечной системе, и что нам нужен в настоящую минуту какой-то новый толчок центростремительной среды, чтобы мы могли вернуться в нашу естественную среду... Этот переворот, как и все перевороты в мире, вытекал из данного порядка вещей. Петр Великий был лишь мощным выразителем своей страны и своей эпохи... Россия давно признала превосходство над собой европейских стран, особенно в отношении военном; утомленная старой обрядностью, прискучив одиночеством, она только о том и мечтала, чтобы войти в великую семью христианских народов... Словом, в ту минуту, когда вступил на престол великий человек, призванный преобразовать Россию, страна не имела ничего против этого преобразования... Что касается средств, которыми он пользовался для осуществления своей программы, то он, естественно, нашел их в инстинктах, в быте и, так сказать, в самой философии народа, которого он являлся самым подлинным и в то же время самым чудесным выразителем. И народ не отказался от него... Россия отдала в руки Петра Великого свои предрассудки, свою дикуую спесь, некоторые остатки свободы, ни к чему ей ненужные, и ничего больше».

Чаадаев П.Я. Письмо А.И. Тургеневу, август-октябрь 1843 г.

2.24. «Если бы Петр Великий не явился, то, кто знает, может быть, мы были бы теперь шведской провинцией».

Чаадаев П.Я. Письмо А.И. Тургеневу 1 ноября 1843 г.

2.25. «Нас хотят уверить теперь, что Петр Великий встретил в своем народе упорное сопротивление, которое он сломил будто бы потоками крови. К несчастью, история не отметила этой величественной борьбы народа с его государем. Но ведь ничто не мешало стране после смерти Петра вернуться к своим старым нравам и старым учреждениям... Итак, очевидно, что мы с охотой приняли реформу Петра Великого».

Чаадаев П.Я. Письмо А. де Сиркуру. 1846.

2.26. «Сознаемся откровенно: до сих пор в деле просвещения *мы* еще не умеем достойно отвечать воле монархов, наших единственных просветителей, не научились еще вполне пользоваться всеми их попечениями о нашем образовании. Так! У нас процветают науки, размножаются училища, жизнь умственная всюду проявляется. Но кому принадлежит честь всего этого движения? Кто был первый наш просветитель, наставник, учитель? Петр. Не он ли сам своей державной рукой правил корректурный лист первой русской газеты, писал план первой русской академии? Среди бесчисленных царственных трудов он составил для нас даже самую азбуку, придумал буквы, которыми мы теперь пишем».

Надеждин Н.И. Ответ Чаадаеву. 1836.

2.27. «Хаос установился только всемогущим «да будет» Петра; следовательно, история наша в собственном смысле продолжается только одно столетие. Как же тянуться нам до других европейских народов, из которых самые младшие живут по несколько сот лет? Сто лет в жизни народа – минута; и вот почему можно и должно сказать, что у нас *нет истории* (т.е. нет истории нас самих, нашей отдельной, народной жизни, есть лишь история наших царей)... Эта затверделость, эта леность суть наши важнейшие недостатки, с которыми трудно бороться. Сто лет нашей истории служат тому ясным доказательством. Какие усилия должно было употребить великому Петру, чтобы провести первые борозды на этой одичалой почве?»

Надеждин Н.И. В чем состоит народная гордость? 1830-е гг.

*Б) Образ Петра Великого в центре противостояния западников и славянофилов
40-х – 50-х годов XIX века*

2.28. «На чем же основываются те, которые обвиняют Петра, утверждая, будто он дал ложное направление образованности нашей, заимствуя ее из просвещенной Европы, а не развития изнутри нашего быта? ...Это самое стремление к национальности есть не что иное, как непонятое повторение мыслей чужих, мыслей европейских, занятых у французов, у немцев, у англичан и необдуманно применяемых к России... Правда, есть минуты в жизни Петра, где он был бы согласнее сам с собою, согласнее с тою мыслью, которая одушевлял его в продолжение всей жизни. Но эта мысль, но общий характер его деятельности, но образованность России, им начатая, - вот основание его величия и нашего будущего благоденствия. Но благоденствие наше зависит от нашего просвещения, а им обязаны мы Петру. Не позабудем, что судить о нем легкомысленно есть дело неблагодарности и невежества; не позабудем, что те, которые осуждают его, не столь часто увлекаются ложною системою, сколько под нею скрывают свою корыстную ненависть к просвещению и его благодетельным последствиям».

Киреевский И.В. Деятельность Петра Великого. 1832.

2.29. «Любовь к просвещению была его [Петра] страстью. В нем одном видел он спасение для России, а источник его видел в одной Европе».

Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России. 1852.

2.30. «Много ошибок помрачают славу преобразователя России, но ему остается честь пробуждения ее к силе и к сознанию силы. Средства, им употребленные, были грубые и вещественные: но не забудем, что силы духовные принадлежат народу и Церкви, а не правительству; правительству же предоставлено только пробуждать или убивать их деятельность каким-то насилием, более или менее суровым. Но грустно подумать, что тот, кто так живо и сильно понял смысл государства, кто поработил вполне ему всю личность, так же как и личность всех подданных, не вспомнил в то же время, что там только сила, где любовь, а любовь только там, где личная свобода».

Хомяков А.С. О старом и новом. 1838.

2.31. «Человек отрывается, так сказать, от почвы, на которой вырос, и становится пришельцем на своей собственной земле. Таково было действие переворота, совершенного Петром Первым. Ошибка извиняется, может быть, многими обстоятельствами его времени; но повторять такую ошибку беспрестанно было бы непростительно».

Хомяков А.С. Мнение русских об иностранцах. 1846.

2.32. «Немалую услугу оказал нам и Петр, познакомив нас с науками и мысленною жизнью Запада, и она сделалась нашим Аристотелем. Но неужели же нам никогда не придется освободиться от нее и откинуть старую поговорку: magister dixit (учитель сказал)? Всякий анализ... остается в пределах того жизненного синтеза, из которого он возник, и человек, безусловно принимающий чужой анализ, делается рабом чужого синтеза. Трудно сказать, чего именно хотел Петр и сознавал ли он последствия своего дела. По всем вероятностям, он искал пробуждения русского ума. Многие из его современников, может быть, самые достойные его понимать, не поняли... Петр вводил к нам европейскую науку: через это он вводил к нам всю жизнь Европы. Его борьба была с целою, несколько закосневшею жизнью... и он боролся с нею во всех ее направлениях. Он вводил все формы Запада, все, даже самые неразумные, он искажал многое, чего бы не должен был касаться... но ему это было необходимо. Он хотел потрясти вековой сон, он хотел пробудить спящую русскую мысль посредством болезненного потрясения... Путь,

избранный Петром, был отчасти ложно избран. Этот суд не строг. Человек боролся, и в борьбе разгорелись страсти, и он увлекся тем нетерпением, которое так естественно историческим деятелям при встрече с препонами в подвиге, который он считает добрым. Но быстро и почти мгновенно разгорелись другие плоды дел Петровых, плоды той несчастной формы, в которую облекал он или в которую, быть может, облекалась мысль, которую он хотел обогатить нас... Сознательно введены были к нам одним человеком все формы Запада, все внешние образы его жизни... Разумеется, нельзя отрицать того, чтобы с этими формами не были приняты и некоторые знания; но как скудны эти познания! Как беден плод полуторавекового ученичества. Пусть оглянется беспристрастный мой соотечественник на эту великую Русь вещественную, географическую, созданную до Петра или силою допетровских стихий, и сравнит ее с другими державами: ему покажется, что сам он растет, думая о ней. Пусть оглянется он на умственную Россию, созданную после Петра, и сравнит плоды ее деятельности с умственной деятельностью других народов: ему покажется... что его самого и всю нашу науку легко упрячет любой немец в какую-нибудь карманную книжку».

Хомяков А.С. Аристотель и всемирная выставка. 1851.

2.33. «Вот уже почти полтора года лет протекло с тех пор, как государь Петр I прочистил нам глаза чистилицем просвещения европейского, дал в руки нам все средства и орудья для дела, и до сих пор остаются так же пустыни, грустны и безлюдны наши пространства, так же бесприютно и неприветливо все вокруг нас, точно как будто бы мы до сих пор еще не у себя дома, не под родной нашею крышей, но где-то остановились бесприютно на проезжей дороге, и дышит нам от России не радушным, родным приемом братьев, но какой-то холодной, занесенной вьюгой почтовой станцией, где видится один ко всему равнодушный станционный смотритель с черствым ответом: "Нет лошадей!"»

Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями. 1843.

2.34. «Но в чем состоит эта русская национальность, - этого пока еще нельзя определить; для нас пока довольно того, что элементы ее уже начинают пробиваться и обнаруживаться сквозь бесцветность и подражательность, в которые ввергла нас реформа Петра Великого...

Поддельный, искусственный европеизм России, созданный реформой Петра Великого, действительно может казаться не более, как внешнею формою без внутреннего содержания».

Белинский В.Г. Из статей 1830-х гг.

2.35. «Только живя самобытною жизнью, может любой народ принести свою долю в общую сокровищницу. Народ, насильственно введенный в чуждую ему сферу, похож на связанного человека, которого бичом понуждают к бегу. Всякий народ может перенимать у других, но он необходимо налагает печать собственного гения на эти займы, которые у него принимают характер *подражательный*... Верхи пошли по пути, на который их ринула рука гения, и, заняв формы европеизма, сделались только пародией европейца. Вторая же часть народа осталась тем, чем была. Масса народа и *общество* пошли у нас врозь».

Белинский В.Г. Из статей. 1834.

2.36. «Петр Великий, приобщив Россию европейской жизни, дал чрез это русской жизни новую, обширнейшую форму, но отнюдь не изменил её субстанционального основания, точно так же, как представители нового европейского мира, усвоив себе роскошные плоды, завещанные ему древним миром, отнюдь не сделались ни греками, ни римлянами,

но развились в собственных, самобытных формах, развившихся из субстанциального зерна жизни».

Белинский В.Г. Рецензия на «Бородинскую годовщину». 1839.

2.37. «Петр Великий есть величайшее явление не нашей только истории, но и истории всего человечества... Он воззвал нас к жизни, вдунув душу живую в колоссальное, но поверженное в смертную дремоту тело древней России... Он действовал совершенно в духе народном, сближая своё отечество с Европою и искореняя то, что внесли в него татары временно азиатского...

Русский народ с небольшим во сто лет своей новой жизни, воззванный к ней творящим глаголом царя-исполина, проявил себя и в великих властителях, и в великих полководцах, и в великих государственных мужах, в великих ученых и великих поэтах... Преобразования Петра Великого и введенный им европеизм нисколько не изменили и не могли изменить народности, но только оживили её духом новой и богатейшей жизни и дали ей необъятную сферу для проявления и деятельности... Россия до Петра Великого была только народом и стала нацией вследствие толчка, данного ей её преобразователем. Из ничего не бывает ничего, и великий человек не творит своего, но только дает действительное существование тому, что прежде него существовало в возможности. Что все усилия Петра были направлены против русской народности – это ясно, как день Божий, но чтобы он стремился уничтожить наш субстанциальный дух, нашу национальность – подобная мысль более чем неосновательна, она просто нелепа... Если бы русский народ не заключал в духе своем зерна богатой жизни, – реформа Петра только убила бы его насмерть и обессилила, а не оживила и не укрепила бы новую жизнь и новыми силами. Мы уже не говорим о то, что из ничтожного духом народа мог явиться такой царь, и только такой царь мог преобразовать такой народ. Если бы у нас и не было ни одного великого человека, кроме Петра, и тогда бы мы имели право смотреть на себя с уважением и гордостью, не стыдиться нашего прошедшего и смело, с надеждою, смотреть не наше будущее...

Петру некогда было медлить, ибо дело шло уже и не о будущем величии России, а о спасении ее в настоящем. Петр явился вовремя: опоздай он четвертью века, и тогда – *спасай* или *спасайся, кто может!*.. Провидение знает, когда послать на землю человека. Вспомните, в каком тогда состоянии были европейские государства, в отношении к обществу, промышленности, административной и военной силе, и в каком состоянии была тогда Россия во всех этих отношениях!.. Кто же более нашего Петра имеет право на титул великого и божественного и кто же из героев нашей истории может быть ближе к нашему сердцу и духу?

... Еще в разгар и в самое тяжкое время реформы Петр имел почитателей не только в приверженных к себе людях, но и в тех, которые косо смотрели на его преобразование. Казалось: все, вопреки своему сознанию, признавали необходимость коренной реформы. И не могло быть иначе: Петр явился вовремя... Нужна была полная, коренная реформа – «от оконечностей тела до последнего убежища человеческой мысли»; а для произведения такой реформы нужен был исполинский гений, каким явился Петр».

Белинский В.Г. Россия до Петра Великого. 1841.

2.38. «Величайший представитель русского духа – Петр Великий, совершенно отрывая свой народ от прошедшего, стремясь сделать из него совсем другой народ, всё-таки провидел в нем великую нацию и не вотще пророчествовал о ее великом назначении в будущем».

Белинский В.Г. О народной поэзии. 1841.

2.39. «Прежде нам была нужна палка Петра Великого, теперь нам надо пройти сквозь террор, чтобы сделаться людьми в полном и благородном значении этого слова... Нет, господа, что бы вы ни толковали, а мать святая гильотина – хорошая вещь!»

Белинский В.Г. Из разговоров. 1841.

2.40. «Петр был полным выражением русского духа, и если бы между его натурою и натурою русского народа не было кровного родства, – его преобразования, как индивидуальное дело сильного средствами и волею человека, не имели бы успеха. Но Русь неуклонно идет по пути, указанному ей творцом ее. Петр выразил собою великую идею самоотрицания случайного и произвольного в пользу необходимого, грубых форм ложно развивавшейся народности в пользу разумного содержания национальной жизни. Этою высокою способностью самоотрицания обладают только великие люди и великие народы, и ею-то русское племя возвысилось над всеми славянскими племенами; в ней-то и заключается источник его настоящего могущества и будущего величия».

Белинский В.Г. Критика сочинений Державина. 1843.

2.41. «Реформа Петра Великого не уничтожила, не разрушила стен, отделявших в старом обществе один класс от другого, но она подкопалась под основание этих стен».

Белинский В.Г. Мысли и заметки о русской литературе. 1846.

2.42. «Неужели славянофилы правы, и реформа Петра Великого только лишила нас народности и сделала недоумками? ...Это значило бы ещё признать явление Петра Великого, его реформу и последующие события в России... случайными».

Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года. 1847.

2.43. «России нужен новый Петр Великий... Петр – моя философия, моя религия, мое откровение во всем, что касается России. Это пример для великих и малых, которые хотят что-нибудь сделать, быть чем-нибудь полезными».

Белинский В.Г. Из разговоров. 1847.

2.44. «Русский народ был также долго вне этого всемирно-исторического развития; до него также долго не касались идеи, двигавшие человечество; он долго зрел одиноко, замкнутый со всех сторон, и только готовился – готовился тихо, едва заметно – к своему высокому назначению, в которое ввел его гений великого Петра. Только с Петра возникла Россия, могучее, исполинское государство; только с Петра русский народ стал нацией, стал одним из представителей человечества, развивающим своей жизнью одну из сторон духа; только с Петра вошли в его организм высшие духовные интересы; только с него начал он принимать в себя содержание развития человечества. А до Великого у нас не было ни искусства в собственном смысле этого слова, ни науки».

Катков М.Н. Рец. на: Песни русского народа, изданные И. Сахаровым. 1839.

2.45. «Я не люблю боярского быта наших предков, их бороды и неизбежного брюха, от всей души благодарю Петра за то, что ношу европейский костюм и подчиняюсь законам образованности...»

Аксаков И.С. Письмо отцу. 1842.

2.46. «Из истории русской пояснить историю Петра Великого... беспристрастно показать в Петре Великом посланника судеб, деятеля воли провидения и с тем вместе человека; в делах его отличить вековечное от преходящего: ...вот дело того, кто будет писать историю Петра Великого...»

Пётр Великий и дела его были необходимы не только потому, что с рождением его пришло уже время вдвинуть Россию в полную, общую историю человечества и ею начать

новую историю Европы, но и потому, что Россия прожила уже тогда всю отдельную жизнь свою, данную ей Иоанном III, гением XV века, родоначальником Петра Великого по духу и делам, прожила, говорим, и могла склониться к разрушению, если бы цари, хотя и достопамятные и доблестные, *но не Пётр*, явились на троне Мономаха... Пётр Великий, совмещая в себе весь свой век, не превышал его (дело человеку невозможное), но был впереди его. Тогда рассмотрение трудов, предприятий, мыслей Петра проявит необъятную громадность его гения, творившего всё не безотчётно, но с полным сознанием, ибо ничто не было ему чуждо в мире идей современных, и не одну наружность преобразовывал он, но глубоко внедрял свои преобразования в сущность бытия, и не нарушал исторического порядка, но восполнял его в стройном согласии народа и века, Европы и России, так что на его основании воссоздалась новая история Европы, не только России, так, что из живительного источника, им открытого, новая жизнь проникла века, и мы ныне едва только можем догадываться о том, что уже понимал он».

Полевой Н.А. Обозрение русской истории до единодержавия Петра Великого. 1846.

2.47. «В Петре Великом личность на русской почве вступила в свои безусловные права, отрешилась от непосредственных, природных, исключительно национальных определений, победила их и подчинила себе. Вся частная жизнь Петра, вся его государственная деятельность есть первая фаза осуществления начала личности в русской истории... Эпоха реформ наступила у нас не внезапно; она приготовлена всем предыдущим бытом...

Что реформа действовала круто, насильственно – это правда. Но чтоб вывести из этого какое-нибудь заключение в пользу или против нее, должно сперва решить: чту была современная ей Россия и можно ли было действовать иначе?.. Только такая грубая, дикая, жалкая среда, в которой не было и тени общественного мнения, никаких общих, ни нравственных, ни даже физических интересов, сделала возможным преобразование в том виде, в каком оно совершилось, со всеми его крутыми мерами и насилиями. Оправдание эпохи реформ – в ее целях: средства дала, навязала ей сама старая Русь. Петр действовал, как воспитатель, врач, хирург, которых не обвиняют за крутые и насильственные меры. Нельзя было иначе действовать; невозможное теперь было тогда, по несчастии, необходимо, неизбежно... Тут некогда было выжидать, действовать исподволь. Нужды были слишком настоятельны, чтоб можно было вести реформу медленно, спокойно, рассчитывая на много лет вперед...

Внутренняя связь между древней и новой Россией, как мы видели, есть. Есть и внешняя, в событиях. Петр Великий ничего не знал о различии древней и новой России. Он был глубоко убежден, что продолжает дело своих предков; такое же убеждение имели и его сподвижники... действия и законы Петра Великого – лучшее доказательство, как в его время обе России, потом различные, были слиты в одно нераздельное целое. Мы скажем больше: ни один живой вопрос, возникший в древней Руси, не оставлен Петром Великим без разрешения. Как он их решил – об этом мы не будем теперь рассуждать: решил он все...

Не Европа к нам перешла, а мы оевропеились, оставаясь русскими по-прежнему... Петр и его преемники не имели никакого понятия о позднейшем противополжении России и Европы. Они и не думали ввести у нас *иностранное* вместо *русского*. Они видели недостатки в современной им России, хотели их исправить, улучшить ее быт и с этою целью часто прибегали к европейским формам, почти никогда не вводя их у нас без существенных изменений; что из нашего исключительно национального казалось им хорошо, удовлетворительно, то они оставляли».

Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней России. 1846.

2.48. «Много, много еще пройдет времени, пока для Петра наступит спокойный, беспристрастный, нелицеприятный суд, который будет вместе и разрешением вопроса о том, что мы такое и куда идем...

Петр Великий, с головы до ног, великорусская натура, великорусская душа. Удивительная живость, подвижность, сметливость; склад ума практический, без всякой тени мечтательности, резонерства, отвлеченности и фразы; находчивость в беде; рядом с тем, неразборчивость в средствах для достижения практических целей; безграничный разгул, отсутствие во всем меры – и в труде, и в страстях, и в печали... Несмотря ни на какие свидетельства, всё как-то не верится и до сих пор, чтоб в самом деле жил на свете такой человек!.. Невозможного для него не было; всё казалось ему возможным, чего он хотел, а хотел он ни больше ни меньше как пересоздать московское царство в европейскую монархию, с европейским государственным устройством, администрацией, науками, искусствами, промышленностью, ремеслами, торговлею, сухопутными и морскими силами, даже с европейской общественностью, нравами и формами, и рассчитывал выполнение этого плана не на сотни лет, а на свой век, желал сам насладиться плодами своего «насаждения». С этой стороны, Петр Великий есть полнейший представитель своей эпохи и ее преобразовательных стремлений. Формы, в которых они осуществлялись, принадлежат безраздельно времени, в котором он жил; Петру принадлежит необычайная сила, энергия, с которой велось дело, страстность, если можно так выразиться, темпераментность реформ...

Петр Великий не создал направления, за которое его обвиняют; он лишь его усилил, возвел в систему. Не только он не нарушил традиций, а напротив, следовал преданию московских государей с Ивана III и особенно с Ивана Грозного...

Первая свободная великорусская личность... Он – целая революция... С Петром Великим начало личной свободы было поставлено в России, как программа, как требование...

Существенная сторона вопроса о Петре Великом и его эпохе заключается не в критическом разборе его планов и их выполнении, не в оценке практического достоинства его законов и распоряжений, а в определении места, занимаемого петровской реформой в нашем историческом развитии. Мы старались показать, что она есть органическое продолжение старины, вытекла из нее необходимо и естественно, и представляется нам каким-то скачком потому только, что вводилась у нас одним из величайших деятелей истории, который своею необыкновенною личностью и делами затмил обыденный ход нашей исторической жизни... Преобразование, по ходу древней русской жизни, было неизбежно, неотвратимо. Не явись Петра, оно приняло бы, вероятно, какие-нибудь другие формы, но все-таки рано или поздно непременно бы совершилось. Петр дал только преобразованию известный вид, форму, темперамент, определил ее ход на последующие времена... Служа государству и государственным пользам преданнее, неутомимее, бескорыстнее, вернее последнего из своих подданных, Петр своими «несносными печальями» и великими делами вписал навеки в наш государственный устав, что власть есть труд, подвиг, служба России, прежде всех и более всех. Это было его завет и благословение потомству, пережившие его армии и флоты, его «виктории» и учреждения, его слабости и ошибки... Преобразование и служение русскому государству и русскому народу осталось ее знаменем и до наших дней».

Кавелин К.Д. Мысли и заметки о русской истории. 1866.

2.49. «Не только Петр Великий был бы нам полезен теперь, но даже и палка его, учившая русского дурака уму-разуму».

Грановский Т.Н. Письмо К.Д. Кавелину. 1855.

2.50. «Для истинного понятия о Петре надобно рассматривать его с двух сторон: как человека и как царя России. В первом смысле он является лучшим украшением человечества; во втором создателем России, истинным виновником её могущества, славы

и благоденствия. История всемирная должна говорить об нем, как об исполине среди всех мужей, признанных ею великими; история русская должна вписать имя Петра в свои скрижали с благоговением. Все так называемые великие государи, изумлявшие блеском своих деяний современников и потомство, возвышались над другими сколько собственными талантами, столько, и еще более, по стечению благоприятных обстоятельств... Ни один из них не шел наперекор веку. Петр наследовал также средства огромные; но чтобы дойти до избранной им цели, надлежало одолеть преграды, для всякого другого неодолимые. Она вовлекла его в борьбу со всем окружающим; он шел наперекор всему: сражался со всеми сословиями, со всеми понятиями, предрассудками, со всем, что было дорого народу, со всеми соседями, боролся с природою, с семейством, с женою, сestroю, сыном, наконец, с самим собою, с собственным невежеством, с собственными страстями... Петр, по-видимому, всё уничтожал, разрушал, творил незаметно, часто одним указом, среди всеобщего ропота, и оставил по себе державу могущественную, которая при каждом из его преемников, по данному им направлению, всё более и более возвышалась, усиливалась, устроивалась. Он рушил Московское государство и создал Россию... Петр сливался с своим государством: смотрел на Россию, как на свою царицу... Он не знал иной славы, кроме славы России... Славою же и блаженством государства он считал образование народное, и никто из самых знаменитых ревнителей просвещения не ценил так высоко знания и искусства, как Петр...

Если достоинство человека должно измерять достоинствами ума и души, вместе с его делами, Петр останется лучшим украшением человечества, доколе не явится другой, ему подобный. Для России Петр был то же, чем были для Европы крестовые походы, книгопечатание, открытие Америки и другие источники её образования... Он был для России незапным лучезарным светилом, которое всё грело, оплодотворяло, живило; он расторг оковы нашего невежества, прогнал вековой сон наш; дал нам очнуться, оглянуться на самих себя, на соседей, на природу; воззвал нас к лучшей жизни гражданской, указал нам наши средства, путь, которым должны мы идти неуклонно...

Он глубоко вкоренял семена новой жизни, и редкое из них не принесло плодов вожденных: дела его ознаменованы печатью крепости несокрушимой».

Устрялов Н.Г. Русская история. 1855.

2.51. «Нынешняя Россия, т.е. Россия европейская, дипломатическая, политическая, военная, Россия коммерческая, мануфактурная, Россия школьная, литературная – есть произведение Петра Великого... Что за зрелище представляет он сам своею особою, своим творческим характером, с своею железною волею, с своими пылкими страстями, даже с своим лицом и исполинским ростом! Что за зрелище представляет Россия и ее жители, с их образом мыслей, привычками, нуждами, предрассудками, обстоятельствам, стариною – заветным наследием предков, - Россия тысячелетняя, смиренная, терпеливая, благочестивая, самодовольная, страна, в которую наслан был судьбою этот величайший из всех преобразователей, ничем не довольный!.. Петр Великий сделал многое в России. Смотришь и не веришь, считаешь и не досчитаешься. Мы не можем открыть своих глаз, не можем оборотиться с места ни в одну сторону без того, чтобы он везде не встретился с нами, дома, на улице, в церкви, в училище, в суде, в полку, на гулянье – всё он, всё он, всякий день, всякую минуту, на всяком шагу!

...Нельзя ли было действовать и распоряжаться лучше Петра Великого? Кто осмелится отвечать на такой вопрос, кто скажет: можно? Не знаю: по крайней мере не я».

Погодин М.П. Из «Москвитянина». 1845.

2.52. «Как потомки Адамовы рождаются, нося в существе своем следствия первородного греха, так точно все мы, русские, от рождения своего подвергаемся влиянию Европы или Петровой реформы... Сим оканчиваю я *первый мой тезис* о неизбежном присутствии в образованных русских людях европейской стихии и о бесполезности осуждать Петрову

реформу, разве в науке. *Второй мой тезис* будет относиться к невозможности, в коей Россия находилась, уклониться от европейского влияния... *Третий мой тезис* будет иметь предметом естественное развитие, на которое сильно напирать многие. Такое развитие прекрасно, вождельно, но где же оно было в истории, полное и чистое? Припоминаю заключение второго тезиса о взаимном влиянии всех исторических народов: нельзя же России быть исключением... *Четвертому своему тезису* я дам следующую форму: древней России необходима была реформа, обновление, преобразование, во что бы то ни стало. Машина ее совершенно обветшала: рассмотрите тогдашнее общество, разберите все его элементы, все составные части – и вы согласитесь, что в прежнем положении оставаться было нельзя... *Пятый тезис*: реформа началась в России задолго до Петра, чего никак не хотят понять многие противники Петра, сваливая на него всю вину за преобразования. Реформа началась с Церкви в лице патриарха Никона. Явилась и национальная, если не органическая, то, по крайней мере, физическая оппозиция, ставшая за старину безусловную, – раскольники...

Граф Алексей Толстой, один из новых и талантливых наших писателей, написал в прошлом году замысловатую песенку о крутой соленой каше, заваренной Петром Первым, которую пришлось расхлебывать нам, его детушкам. Правда, что каша, заваренная и замешанная Царем Петром Алексеевичем, крута и солонна, но по крайней мере есть что хлебать, есть с чего сыту быть, а попадись Карл XII на какого-нибудь Федора или Ивана Алексеевича, так пришлось бы, может быть, детушкам надолго и зубы положить на полку... Петр сделался не только основателем русской европейской державы, но и спасителем древней. Мы забыли теперь, кажется, это благодеяние Петра... Пусть скажут мне безусловные противники Петра, кого противопоставили бы они Карлу XII на полях полтавских? Нет, некогда было ожидать тогда органического развития, а надо было спасать как-нибудь и во что бы ни стало. Петр спас древнюю Россию, вот мой *шестой тезис*. Для спасения ее необходима была европейская реформа. Выбора не было. Это *седьмой тезис*... Преобразование войска, особенно для Петра, было необходимо, а с войском связаны рекрутские наборы и постой, и ревизии, и подушные деньги, и выписные иностранцы. И начало этому преобразованию положено было гораздо прежде, чуть ли не со времен Бориса Годунова, которому служило уже много иностранцев, и служило с успехом, что продолжалось при Самозванце, при Михаиле и Алексее. Учреждение флотов имело также свою необходимость...

Пусть выберут какой угодно год из жизни Петровой и скажут: Петр должен был поступить не так, как он поступил, а вот как. Пусть объяснят мне, какое национальное преобразование, какое органическое развитие можно вообразить в данных ему обстоятельствах! ... Впрочем, многие его, по нашему и даже собственному его мнению, нововведения суть не что иное, как древние постановления, имеющие глубокий корень в русской почве, только в новых формах, с новыми именами. Это *восьмой тезис*...

Петр I был во многих случаях только великим исполнителем, довершителем, который в своей душе, в своем уме нашел запросы, содержащиеся в его народе и естественных отношениях его государства к прочим, нашел, взалкал и решился удовлетворить их, разумеется, по личному своему усмотрению...

Насилие при Петре только что продолжалось, а не началось. Это *девятый тезис*. Он только что приложил эту систему пошире, подальше и посильнее, соответственно целям, при множестве своих дел и предприятий. Да она и везде была одинакова, естественная система, необходимая ступень в развитии государств. Перескочить ее было нельзя...

Петр был деспот в том смысле, что он чувствовал свое превосходство и знал свою силу. К этому прибавить должно, что он в самом начале своей жизни увидел русское правительство с дурной его стороны, возненавидел тогдашние распорядки, известные ему по одним его окружениям, почувствовал презрение к образу жизни, и в особенности боярскому тунеядству. Он увидел другое между иностранцами, услышал чудеса от них о Европе, познакомился с нею сам, своими глазами, и определил свою цель. С железной своей

волею он принялся ломать. Все препятствия должны были пасть перед его волею: жена, сын, сестры, родственники и любимцы. Он был жесток, неумолим, бесчеловечен в этих случаях, казнил без милосердия, одним словом, Петр являлся ужасным тираном, и мы должны благословлять время, когда подобный образ действия не только делается невозможным, но и подвергается безусловному, общему осуждению...

Петр Великий, по необходимости, вследствие естественных географических отношений России к Европе, должен был остановить народное развитие и дать ему на время другое направление. Кто из вас не воздаст должной чести этому необыкновенному гению, кто не удивляется его беспримерным трудам, кто не ценит его спасительных подвигов, кто, наконец, не благоговеет пред его любовью к Отечеству?..»

Погодин М.П. Петр Первый и органическое национальное развитие. 1863.

2.53. «Жизнь уже сама по себе вела к сближению с Западом и к заимствованию его знаний и обычаев; и значит, совершенно напрасно утверждают некоторые, что меры Петра шли совершенно наперекор естественному ходу нашей истории. Он, конечно, ускорил движение и ещё, может быть, от него зависела отчасти форма, в которой проявилось заимствование. Но, зная несколько относящихся сюда фактов из времен, предшествовавших Петру, нельзя не убедиться, что и здесь от естественного хода дел зависело более, чем от личной воли преобразователя. Обыкновенно петровской реформе делают тот упрек, что, совершивши сближение наше с Европой слишком быстро, Петр не дал установиться у нас на этот счет здравым и солидным идеям, а всё подражание обратил только к одной форме, к внешности. Факт сам по себе справедлив. Но невозможно приписывать его только влиянию быстроты петровской реформы: как бы медленно мы ни заимствовали, всё-таки стали бы заимствовать сначала только внешность... При этих-то мелких заимствованиях, удовлетворявших вкусу немногих бояр, которые желали воспользоваться европейской образованностью для собственной потехи, Русь всего менее могла бы успеть в своем развитии, тогда как реформа Петра, взволновавши давнишний застой Руси, разорвала узы, которыми связывали всех остатки местничества и другие боярские предрассудки и обычаи, значительно ускорила ход самой образованности – которая до того подвигалась таким медленным, едва приметным шагом...

Познакомившись с нравами и государственным устройством других народов, Петр увидел, как важно образование народное для блага целого царства. Поэтому постоянной заботой его был водворение в России образования по примеру Европы. Лучшим средством для распространения образованности он справедливо считал книги, и в его время письменность русская является решительной провозвестницей воли монарха для подданных... Всякое событие его царствования, всякий новый закон, новое распоряжение находили себе объяснение и оправдание в произведениях письменности».

Добролюбов Н.А. О степени участия народности в развитии русской литературы («Очерк истории русской поэзии»). 1858.

2.54. «Петр Великий застал нас таким характером, какой недавно имели персияне... Дело только в том, что пока русская история до Петра оставалась предметом бессмысленных компиляций или нестерпимых декламаций, не было понятно и значение реформы Петра Великого... Пока не разработали источники, - а это было уже после молодости Чаадаева, - не могли различать даже того факта, что целью деятельности Петра было создание сильной военной державы. Это просто и естественное стремление великого реформатора было закрыто от наших глаз туманом всяких пышных фраз... Петру приписывались все те качества и стремления, которые в каком бы то ни было панегирике приписывались какому бы то ни было знаменитому правителю... Чаадаев был так умен, что не верил этой нескладнице; но всё же он был человек своей эпохи, и следы ее остались на нем. Он мог отвергнуть панегиризм, но приходил в энтузиазм от имени Петра Великого. Он принял из

книг своей молодости и понятие, что задушевной целью Петра было превращение России в европейскую страну...

Теперь думают, что придавать Петру Великому такое намерение – значит представлять его слабодушным мечтателем, непрактическим идеалистом, - недостатки, которых не было в его характере; думают, что цель Петра была гораздо проще, практичнее, сообразнее с его положением и понятиями. Ему нужно было сильное регулярное войско... Когда некоторые из его подданных стали роптать и противиться, он, как человек пылкий и настойчивый, не уступил оппозиции, а только разгорелся от нее и стал делать всё наперекор людям, его раздражавшим. Ломка старины производилась просто по ее враждебности, а не по какому-нибудь другому соображению, шла война с нею, и только всего; а самая война вытекала просто из непонятливости противников Петра, воображавших его вообще любителем Запада, между тем как ему были нужны собственно только военные учреждения Запада. Но разумеется, когда эта ошибка противников вызвала Петра Великого на внутреннюю войну, он действительно стал поступать будто приверженец Запада, ломая старинные учреждения и заменяя их западными.

Могут сказать: но ведь всё равно, если целью Петра было и просто создание сильной военной державы, а не перенесение европейской цивилизации в Россию, - всё равно, результат был тот же самый: перенесение к нам западной цивилизации. Нет, не всё равно, и результат был не тот. Целью дела определяется дух его, а результат зависит от духа, в котором ведется дело. При видимом сходстве действий результаты их различны, если цели их различны... Результатом деятельности Петра Великого было то, что мы, получив хорошее регулярное войско, стали сильной военной державой, а не то, чтобы мы изменились в каком-нибудь другом отношении.

Петра Великого иные порицают за то, что он ввел к нам западные учреждения, изменившие нашу жизнь. Нет, жизнь наша ни в чём не изменилась от него, кроме военной стороны своей, и никакие учреждения, им введенные, кроме военных, не оказали на нас никакого нового влияния. Имена должностей изменились, а должности остались с прежними атрибутами и продолжали отправляться по прежнему способу... Напрасно думают, что реформа Петра Великого изменяла в чём-нибудь состояние русской нации. Она только изменяла положение русского царя в кругу европейских государей... Некоторое изменение в жизни и правах общества было произведено реформой, хотя изменение до того слабое, что много заниматься им и нет надобности... Чем меньшую важность мы будем приписывать перемене, происшедшей при Петре в нашей общественной жизни, тем ближе мы будем к истине... У самого Петра Великого все важные для общественной жизни понятия и все принципы действия были совершенно русские понятия и принципы времен Алексея Михайловича и Федора Алексеевича. От своих противников он отличался не характером идей, а только тем, что он понимал надобность, а они не понимали надобности устроить войско по немецкому образцу... Способ его действия чисто национальный, без малейшей примеси западного характера».

Чернышевский Н.Г. Апология сумасшедшего. 1860.

В) Петр I глазами А.И. Герцена

2.55. «Разные анекдоты о Петре I. Странное сочетание гениальности с натурой тигра. Страшен процесс, которым страна могла дойти до необходимости появления такого врача, до возможности его и до того, что она могла вынести такое царствование».

Герцен А.И. Дневник 1844 г.

2.56. «Одна-единственная мысль служила связью между петербургским периодом и московским, - мысль о расширении государства. Все было принесено ей в жертву: достоинство государей, кровь подданных, справедливое отношение к соседям,

благосостояние всей страны... Только в этом и состояло сходство, в остальном же Петр Великий являл собою непрерывный протест против старой России... Произведенная Петром I революция разделила Россию на две части: по одну сторону остались крестьяне свободных и господских общин, посадские крестьяне и мещане; то была старая Россия – консервативная, общинная, традиционная Россия, строго православная или же раскольническая, неизменно религиозная, носившая национальную одежду и ничего не воспринявшая от европейской цивилизации. На эту часть нации правительство, что случается при победивших революциях, смотрело как на сборище недовольных, почти как на бунтовщиков. Находясь в немилости, в неопределенном положении, вне закона, она была отдана на волю другой части нации. Новую Россию составляло созданное Петром I дворянство, все потомки бояр, все гражданские чиновники и, наконец, армия. Быстрота, с которою эти классы освободились от своих обычаев, была поразительна. Они отреклись от прошлого без всяких возражений; одни только стрельцы пытались сопротивляться. Это – доказательство гибкости русского характера, а равно и крайней своевременности революции Петра Великого. Люди испытывали радость, расставаясь с неподвижными гнетущими формами московского режима».

Герцен А.И. О развитии революционных идей в России. 1851.

2.57. «Петр I сделал бесконечно много добра и зла России; но особенной благодарности от русских он заслуживает за толчок, который дал всей стране, за движение, которое он сообщил нации и которое с тех пор не замедлялось. Петр I понял скрытую силу своего народа, так же как и препятствие, мешавшее развитию этой силы; с энергией революционера и упрямством самодержца он решил окончательно порвать с прошедшим: с нравами, обычаями, законодательством, — одним словом, со всем прежним политическим организмом....

Петр I пользовался полнейшей свободой. Но душе его не доставало гения и творческой мощи: он был поработан Западом и стал копировать его. Ненавидя все относящееся к старой России, хорошее и дурное, он подражал всему европейскому, дурному и хорошему. Половина иностранных форм, пересаженных им в Россию, была в высшей степени противна духу русского народа.

Его задача сделалась вследствие этого еще трудней, и притом без всякой пользы для дела. В силу пророческого инстинкта он любил Россию будущего; он лелеял мечту о могущественной русской монархии, но совершенно не считался с народом. Возмущенный всеобщим застоём и апатией, он захотел обновить кровь в жилах России и, чтобы произвести это переливание, взял кровь уже старую и испорченную. Кроме того, при всем своем темпераменте революционера, Петр I все же всегда оставался самодержцем. Он страстно любил Голландию и воспроизводил свой милый Амстердам на берегах Невы, однако он заимствовал лишь весьма немногие из свободных нидерландских установлений. Он не только не ограничил царскую власть, но еще более усилил ее, предоставив ей все средства европейского абсолютизма и сокрушая все преграды, воздвигнутые ранее нравами и обычаями.

Становясь под знамена цивилизации, Петр I в то же время заимствовал у отвергаемого им прошлого кнут и Сибирь, чтобы подавлять всякую оппозицию, всякое смелое слово, всякое свободное действие...

Петр I парализовал влияние духовенства, это было одним из самых важных его деяний».

Герцен А.И. Россия. 1851.

2.58. «В неполноте, в бедности, в неудовлетворительности прошедшего и в темном сознании сил, которых некуда было девать, - вот где надобно искать легость, с которой по великой команде Петра I: «На европейскую дорогу, марш!» - Русь пошла своими подвижными частями и так резко отделилась в пятьдесят лет от прежнего быта, что ей

несравненно было бы труднее при Екатерине II возвращаться к оставленным нравам, нежели догонять европейские».

Герцен А.И. Письма из Франции и Италии. 1852.

2.59. «Петр I носил в себе одном ту непредвиденную новую Россию, которую он осуществил сурово и грозно против воли народа, опертой на самодержавную власть и личную силу».

Герцен А.И. Революция в России. 1857.

2.60. «Петру I приходилось создавать и казнить, в одной руке у него был заступ, в другой топор. Он делал просек в дичи и, разумеется, зря порубил хорошее рядом с дурным».

Герцен А.И. Июль 1 1858.

2.61. «Один из самых печальных результатов петровского переворота – это развитие чиновнического сословия. Класс искусственный, необразованный, голодный, не умеющий ничего делать, кроме «служения», ничего не знающий, кроме канцелярских форм; он составляет какое-то гражданское духовенство, священнодействующее в судах и полициях и сосущее кровь народа тысячами ртов, жадных и нечистых».

Герцен А.И. Былое и думы. Ч. 2. 1858.

2.62. «Прибавьте Стеньке Разину определенную цель, дайте ему вместо казацкой голи армию и посадите его на престол, вот вам Петр I. Разрыв, сделанный Петром I в нашей истории, лишил нас народный преданий; у нас нет умилительных, светлых воспоминаний, идущих из рода в род... Отбрасывая, насколько возможно было, всё славянское, всё византийское, Петр I сохранил татарский кнут и нагайку; ими он загонял оторванный от народа слой к западному образованию... Петр I – самый полный тип эпохи, им призванной к жизни, гений-палач, для которого *государство* было всё, а человек ничто; он начал нашу *каторжную работу* истории, продолжающуюся полтора века и достигнувшую колоссальных результатов...

Имей Москва такое живое, соответствующее духу народности значение – как Речь Посполитая польскому народу, неужели бы Петр I – бритвой, топором и переездом в финское болото – снял её, как мозоль? ...Из этого нисколько не следует, что народ сочувствовал петровской реформе или принял её потом; он в неё видел какое-то чужое насилие, правительство в народе видело государственную барщину. Петровская Русь с самого начала является с своим дуализмом. Это две России, из которых одна не народ, а только правительство; а другая народ, но вытолкнутый вне закона и отданный в работу... Петр I задержал своим хлороформом народную жизнь на время императорских операций и перевязок, но он не разрушил её элементов не только в податной Руси, но и в неподатной».

Герцен А.И. Россия и Польша. 1859–1860.

2.63. «Петр I таким клином вбил нам просвещение, что Русь не выдержала и треснула на два слоя».

Герцен А.И. Лишние люди и желчевики. 1860.

2.64. «Польша ли возьмет верх – Москва опять становится городом народным и кличет клич по всей Руси, и вся Русь встает на её выручку, льет свою лучшую кровь, тратит последний алтын. Но лишь только Русь оправляется, Москва куёт её в цепи, куёт и Украину, добровольно отдавшуюся, куёт до тех пор, пока не выкуёт самую чудовищную машину рабства – Петра I».

Герцен А.И. Москва нам не сочувствует. 1862.

2.65. «Петру нравилась материальная сторона цивилизации, прикладная наука; ее богатые средства удесят�еряли власть; но он не знал, какие шипы кроются в этих западных розах, а, пожалуй, слишком презирал свой народ, чтоб думать о том, что он может усвоить и еще кое-что, кроме фортификации, кораблестроения и канцелярского порядка...

Петровское правительство необычайно свободно. Оно имеет виды, корысти, отношения, но нравственных обязанностей никаких... Сложные, разноначальные элементы западной жизни были взяты на выбор, подтасованы. Из целой фразы, в которой самые противуречия смягчали односторонности, выполняли крайности и делали своего рода строй, были выхвачены несколько звуков, разрушивших ее сочетание и смысл. Все, увеличивающее власть, все, подавляющее человека, было взято; все, ограждающее лицо, оставлено в стороне; казуистика инквизиторального процесса обогатилась татарской пыткой, немецкий чин – византийским чиновничеством... Такого правительства, отрешенного от всех нравственных начал, от всех обязанностей, принимаемых на себя властью, кроме самосохранения и сохранения границ, в истории нет. Петровское правительство — самая чудовищная абстракция, до которой может только подняться германская метафизика eines Polizeistaates, правительство для правительства, народ для государства. Полная независимость от истории, от религии, от обычая, от человеческого сердца; материальная сила вместо идеала, материальная власть вместо авторитета.

Будь Россия завоевана, положим Польшей, была бы борьба. Польское панство принесло бы свои традиции шляхетской воли, оно вызвало бы, как в Малороссии, как во времена самозванцев, из оскорбленной народности – Ляпуновых, Мининых, Пожарских, Хмельницких. Два элемента померились бы. Победитель посмотрел бы, кто этот побежденный, в чем его особенность, в чем его народность. Но петровское завоевание Россией, без иноплеменников, без враждебного знамени, без открытого боя, взяло всю страну врасплох. Народ тогда догадался, что он побежден, когда все крепкие места были в руках неприятеля; для победителей побежденный народ не имел даже интереса новости неизвестного, напротив, отчуждившийся притеснитель презирал черный народ русский, был уверен, что знает его, и чувствовал себя той же плотью и той же кровью, но очищенной цивилизацией и призванной управлять чернью. Около Петра собирается куча голи дворянской, не помнящей родства, иностранцев, не помнящих родины, денщиков и сержантов, впересыпочку с старыми боярскими детьми и вечными интригантами, ползающими у ног всякой власти и пользующимися всякими милостями. Круг этот растет и умножается быстро, давая всюду свои чужеродные побеги».

Герцен А.И. Император Александр I и В.Н. Каразин. 1862.

2.66. «Петр I хотел создать сильное государство с пассивным народом. Он презирал русский народ, в котором любил только численность и силу... Правительство, помещик, офицер, столоначальник, управитель, иноземец только и делали, что повторяли — и это, по меньшей мере, шести поколениям — повеление Петра I: перестань быть русским, и это зачтется тебе в заслугу перед отечеством... Не думайте, что, подобно московским славянофилам, мы сожалеем о нравах и обычаях, господствовавших в России до Петра I и вызвавших необходимость насильственной революции. Мы говорим здесь лишь о моральных последствиях той странной системы воспитания, которую только что описали... Петр I действительно был принят за спасителя, так как, пробудив внезапно людей от сна, он нещадно колотил тех, кто засыпал снова».

Герцен А.И. Новая фаза русской литературы. 1864.

2.67. «Великий педагог, Петр I удовольствовался тем, что сильнее закрепил цепи рабства».

Герцен А.И. Пролетомена. 1867.

2.68. «Петр I, Конвент научили нас шагать семимильными сапогами из первого месяца беременности в девятый и ломать без разбора всё, что попадется на дороге».

Г) Петр I в наследии братьев Аксаковых и Ф.М. Достоевского

2.69. «Всё, что есть истинного в перевороте Петра, было, конечно, начато до него. Но Петр был не только продолжателем, а это-то и составляет характеристику его эпохи. Прежде принимали одно полезное от иностранцев, не заимствуя чуждой жизни, но оставаясь при началах своей жизни, и Россия оставалась самостоятельной. Петр же, напротив, стал принимать всё от иностранцев, не только полезное и общечеловеческое, но частное и национальное, самую жизнь иностранную, со всеми случайными её подробностями; он переменил всю систему управления государственного и весь образ жизни... Таким образом, даже самое полезное, что принимали в России и до Петра, непременно стало не свободным заимствованием, а рабским подражанием. К этому присоединилось ещё другое обстоятельство: именно, насилие, неотъемлемая принадлежность действий Петра... Что делалось доселе свободно и естественно, то стало делаться принужденно и насильственно. Поэтому преобразование Петра есть решительно уже *переворот, революция*, а в этом и заключается особенность и историческое значение его дела... Всё полезное принималось и до Петра, только это не мешало русским оставаться русскими. Напротив, исключительность национальности (незнакомая России никогда прежде) явилась со стороны Петра. Петр именно стоял за исключительную национальность, только не свою, а западную, и повсюду истреблял всякое выражение русской жизни, всякое русское явление...

Великое дело Петра, как исключительное поклонение Западу, как исключительное отрицание всего русского, даже в языке и в одежде, как резкое, насильственное, поспешное и подражательное преобразование, другими словами, как *переворот*, было точно дело новое, небывалое на Руси... Россия разделилась на две резкие половины: на преобразованную Петром, или верхние классы, и на Россию, оставшуюся в своем самобытном виде, оставшуюся на корню, или простой народ».

Аксаков К.С. *Несколько слов о русской истории, возбужденных «Историею» г. Соловьева. По поводу I тома. 1852.*

2.70. «Переворот Петра, несмотря на весь внешний блеск свой, свидетельствует, какое глубокое внутреннее зло производит величайший гений, как скоро он действует одиноко, отдаляется от народа и смотрит на него, как архитектор на кирпичи. При Петре началось то зло, которое есть зло и нашего времени. Как всякое неизлеченное зло, оно усилилось с течением времени и составляет опасную коренную язву нашей России. Я должен определить это зло.

Если народ не посягает на государство, то государство не должно посягать на народ. Только тогда союз их прочен и благодатен. На Западе идет эта постоянная вражда и тяжба между государством; и народом, не понимающими своих отношений. В России этой вражды и тяжбы не было... Русский народ так и остался верен своему взгляду и не посягнул на государство; но государство в лице Петра посягнуло на народ, вторгнулось в его жизнь, в его быт, насильственно изменяло его нравы, его обычаи, самую его одежду; сгоняло, через полицию, на ассамблеи, ссылало в Сибирь даже портных, шивших русское платье... Так совершился разрыв царя с народом, так разрушился этот древний союз земли и государства; так вместо прежнего союза образовалось иго государства над землею, и русская земля стала как бы завоеванной, а государство - завоевательным. Так русский монарх получил значение деспота, а свободно-подданный народ - значение раба-невольника в своей земле!

...Опасность для России одна: если она перестанет быть Россиею, - к чему ведет ее постоянно теперешняя петровская правительственная система. Дай же, бог, чтобы этого не было. Петр, скажут, возвеличил Россию. Точно, он много придал ей внешнего величия,

но внутреннюю ее целостность он поразил растлением; он внес в ее жизнь семена разрушения, вражды. Да и все внешние славные дела совершил он и преемники его - силами той России, которая и возрастала и окрепла на древней почве, на других началах».

Аксаков К.С. Записка о внутреннем состоянии России. 1856.

2.71. «Беда, если дерево обратится в кору, если кора, увеличивая объем ствола, станет беспрестанно поглощать жизненные соки дерева и мертвить сердцевину. Петр обратил преимущественное внимание на кору, на наружность, но не в том сила, крепка ли кора, а в том сила, здорова ли сердцевина».

Аксаков К.С. Отрывки. Конец 1850-х гг.

2.72. «Разрыв с народом, движения России по пути западной цивилизации, под воздействием иного просветительного начала, измена прежним основам жизни, поклонение внешней силе, внешней правде, одним словом – вся ложь, всё насилие дела Петрова... В деле Петровом, независимо от его всемирно-исторического содержания, независимо от того, что не проходит, что остается... есть настолько же, если не более, элементов случайности, временности, зла, насилия, лжи, запечатленных его необыкновенною личностью. Дело Петра имеет значение: и как переворот, как революция, и как исторический момент в ходе нашего общественного развития. Но для того, чтобы оно получило значение момента, чтобы оно поступило в общий запас исторической жизни народа или того исторического материала, который разрабатывается, претворяется, переживается народным организмом, необходимо, чтоб оно прекратилось как переворот. Переворот ещё не *кончился*, ещё длится: мы ещё не изжили элементов личных и случайных, внесенных страстно, могучею личностью Петра в его дело, элементов лжи и насилия... Поклоняющийся Петру поклоняется петровской палке».

Аксаков И.С. Петербург и Москва. 1862.

2.73. «Насильственное преобразование Петра Великого, расстроив цельность нашего общественного организма, произведя разрыв между высшими сословиями и народом, внесло раздвоение в нашу общественную жизнь: ее органическая сила... убежала внутрь, в глубокий подземный слой народа, а *поверхность* земли населилась призраками и живет призрачною жизнью».

Аксаков И.С. О финансовом положении России в начале 1862 года.

2.74. «Говорить снова о перевороте Петра, нарушившем правильность нашего органического развития, было бы излишним повторением... Предание рассказывает, что Кикин на вопрос Петра, отчего Кикин его не любит, отвечал: русский ум любит простор, а от тебя ему тесно... Мы могли бы упомянуть здесь и о том порядке, заведенном Петром, в силу которого ум миллионов остается бесплоден для общества, для правительства, для всей страны...»

Аксаков И.С. Отчего безлюдье в России. 1863.

2.75. «Гений преобразователя, окрыленный всемогуществом власти, везде отменял обычный, естественный ход жизни, ее самобытное творчество, ее свободу, ее органические отправления; везде, с неколебимою настойчивостью, ставил на их место указ и регламент, всё созидал и воздвигал вновь, не оставив, кажется, ни одного уголка не только государственной, но общественной и даже частной жизни, который бы не был заклеен печатью его изволения и силы... Под влиянием этого духа началось новое бытие для России; толчок, данный Петром, чувствуется и доселе; длань Петра еще распростерта над Россией, дух Петра предносится перед деятелями, Россия продолжает вращаться в круге, начертанном Петром... Этот круг есть развитие государственного органа насчет всех прочих органов и во всевозможных разветвлениях и видоизменениях

не только в области внешней и материальной, но и в области внутренней и духовной... Не подлежит сомнению, что недуги древней Руси требовали сильного врачеванья, что в том или другом виде реакция была неизбежна, но что теперь приходится лечиться от последствий леченья, и что реакция Петра, по естественному закону, должна была вызвать, и уже вызвала, новую реакцию».

Аксаков И.С. Как началось и шло развитие русского общества. 1864.

2.76. «Разобщение между жизнью и знанием, между практикою и теориею, между действительностью и представлением о действительности у нас, вследствие Петровского переворота, сильнее, чем где-либо... Нам нужно сближение и общение с народом не только внешнее, но нравственное и духовное, нам нужно проникнуться нашим народным, не государственным только, самосознанием; нам нужно восстановить духовную цельность нашего народного организма, разорванную Петром... После знаменитого переворота Петра наше общество, сорвавшись с корня, не имея к чему прилепиться, влачилося по дуновению всяких ветров, слонялось из стороны в сторону от одного иноземного образца к другому и, можно сказать, не жило, а сочиняло жизнь».

Аксаков И.С. О деспотизме теории над жизнью. 1865.

2.77. «Пожелаем только здесь, кстати, чтоб историческая память, отшибленная нам всем переворотом Петра, возвратилась к нам снова и ожила в нашем сознании...»

Аксаков И.С. О праве челобитных в древней Руси. 1865.

2.78. «В России торжество бюрократизма начинается для нас с Петра I... Когда настал петровский переворот, дворянство приняло его сторону, - а на стороне органической, хотя и утесненной жизни, на стороне прав народной личности, ее бытовой и духовной самостоятельности и своеобразности, - стоял один, бедный и крепче чем когда-либо закрепощенный великим преобразователем, простой народ».

Аксаков И.С. Идеалы «Дня» по «Современной летописи». 1865.

2.79. «Умышленное ли игнорирование или простодушное невежество, - такое отношение к русскому народу и народности равно достойно порицания, равно опасно. Это отношение создано Петром. Неуважение к народу составляет характеристическую черту его преобразований. Обратив в послушные орудия своей идеи дворянство и духовенство, создав из них военную и гражданскую армию около государства, сломив всякое сопротивление органической жизни, он не хлопотал ни о просвещении простого народа, ни о его развитии, а наложил на него новый гнет ревизионного крепостного рабства. Это неуважение к народным началам, к истории, ко всему живому и органическому, эта привычка к деспотическому обращению с жизнью, эта замашка создавать не справляясь с действительностью, эта храбрость предположений, доктрин, теорий... всё это истекает прямо и непосредственно из принципа, внесенного Петром I в нашу историческую жизнь...»

Аксаков И.С. Игнорирование основ русской жизни нашими реформаторами. 1865.

2.80. «Сущность петровского переворота состояла в том, что земский тип государства был заменен типом *полицейским*; что в его лице государство оторвалось от народных начал и для осуществления этого своего нового, чуждого русскому духу идеала – посягнуло на свободу внутренней, бытовой и нравственной жизни народа. Другими словами, или словами К.С. Аксакова: при Петре совершился разрыв власти с народом, «разрушился древний союз земли и государства и сменился *игом* государства над землею; русская земля стала как бы завоеванной, а государство с армиею чиновников – завоевателем»; древнее самодержавие возведено не только на практике (в силу случайности), но в *принципе* – в *деспотизм* (каковым оно, впрочем, было почти везде на современном Петру

континентальном Западе), а свободно-подданный русский народ, свободно и сознательно призвавший к себе власть и давший ей неограниченный простор в свойственной ей сфере правления, «получил значение раба-невольника в своей земле»».

Аксаков И.С. О «Записке» К.С. Аксакова, поданной императору Александру II. 1881.

2.81. «Такое болезненное явление, то есть преобладание мудрствования, *отвлеченной* деятельности рассудка над непосредственно самодеятельностью *жизни*, имеет, разумеется, свою историческую причину. Мы усматриваем ее в том насилении, которое было произведено над нашей страной Петром Великим. Как бы ни оправдывалась его реформа исторически логической необходимостью, все-таки прямым ее результатом было отчуждение от жизни народной всего правительства и всех высших общественных классов, всего будущего контингента так называемой интеллигенции... Жизнь не умерла, но творчество ее пресеклось, она так сказать ушла в народную подземную почву, где и пребывает до сих пор на степени прозябания... Правительство, как и общество (которое до позднейшей поры составляло служебный, то есть командующий во всех смыслах и отношениях класс), руководилось в своей деятельности началами, заимствованными из чужды; деспотизму отвлеченных теорий, доктрин, *сочинительству*, кровью и соком доживавшему русскую землю, было раздолье. Историческая память была отшиблена, самые свежие предания забыты, язык исковеркан, простой, здоровый смысл вещей утрачен, родной народ стал terra incognita, которую потом, уже в наше время, стали открывать как Америку...»

Аксаков И.С. О жизни мудрствуем, а жизнью не живем. 1881.

2.82. «Реформа Петра Великого и без того нам слишком дорого стоила: она разъединила нас с народом. С самого начала народ от нее отказался. Формы жизни, оставленные ему преобразованием, не согласовались ни с его духом, ни с его стремлением, были ему не по мерке, не впору. Он называл их немецкими, последователей великого царя – иностранцами. Уже одно нравственно распадение народа с его высшим сословием, с его вожаками и предводителями показывает, какую дорогою ценою досталась нам тогдашняя новая жизнь».

Достоевский Ф.М. Журнал «Время». 1860.

2.83. «В лице Петра мы видим пример того, на что может решиться русский человек, когда он выживет себе полное убеждение и почувствует, что пора пришла, а в нем самом уже созрели и сказались новые силы. И страшно, до какой степени свободен духом человек русский, до какой степени сильна его воля! Никогда никто не отрывался так от родной почвы, как приходилось иногда ему, и не поворачивал так круто в другую сторону, вслед за своим убеждением!»

Достоевский Ф.М. Ряд статей о русской литературе. 1861.

2.84. «У нас не верят себе, да и нельзя, потому что не во что верить-то. Шатость во всем двухсотлетняя. Вся реформа наша, с Петра начиная, состояла лишь в том, что он взял камень, плотно лежавший, и ухитрился его поставить на кончик угла. Мы на этой точке стоим и балансируем. Ветер дунет и полетим... Крепостничество было самым золотым последствием петровской реформы. Оно вполне ее духу соответствовало – главный плод ее».

Достоевский Ф.М. Подготовительные материалы к «Бесам». 1870.

2.85. «Петр создал лучших людей из дворянства и из доблести людей, подходивших снизу. Из службы, наконец, а всех остальных людей связал податью».

Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1875.

2.86. «Народ наш доказал еще с Петра Великого – уважение к чужим убеждениям».
Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1877.

2.87. «Петр Великий мог бы оставаться на жирной и спокойной жизни в Московском дворце, имея 1½ миллиона государственного дохода, и, однако ж, он всю жизнь проработал, был в *труде* и удивлялся, как это люди могут не трудиться».
Достоевский Ф.М. Письмо неизвестному лицу. 1878.

2.88. «Культуры у нас нет (что есть везде)... а нет – через нигилиста Петра Великого. Вырвана она с корнем».
Достоевский Ф.М. Письмо К.П. Победоносцеву. 1879.

2.89. «В самом деле, что такое для нас петровская реформа, и не в будущем только, а даже и в том, что уже было, произошло, что уже явилось воочию? Что означала для нас эта реформа? Ведь не была же она только для нас усвоением европейских костюмов, обычаев, изобретений и европейской науки... Да, очень может быть, что Петр первоначально только в этом смысле и начал производить ее, то есть в смысле ближайшем утилитарном, но впоследствии, в дальнейшем развитии им своей идеи, Петр несомненно повиновался некоторому затаенному чутью, которое влекло его, в его деле, к целям будущим, несомненно огромнейшим, чем один только ближайший утилитаризм. Так точно и русский народ не из одного только утилитаризма принял реформу, а несомненно уже ощутив... некоторую дальнейшую, несравненно более высшую цель, чем ближайший утилитаризм, - ощутив эту цель, опять-таки, конечно, повторяю это, бессознательно, но, однако же, и непосредственно и вполне жизненно. Ведь мы разом устремились тогда к самому жизненному воссоединению, к единению всечеловеческому! Мы не враждебно (как, казалось, должно бы было случиться), а дружественно, с полною любовью приняли в душу нашу гении чужих наций, всех вместе, не делая преимущественных племенных различий...»
Достоевский Ф.М. Пушкин (очерк). 1880.

Д) С.М. Соловьев и его оппоненты о личности и реформах Петра I

2.90. «Мы уже говорили в свое время о том, как приготовлена была деятельность Петра всею предшествовавшей историей, как необходимо истекла из нее, как требовалась народом, который должен был путем страшного переворота, посредством необычайного напряжения сил выйти из отчаянного положения на новую дорогу, к новой жизни. Но это нисколько не уменьшает величия человека, который при совершении такого трудного подвига подал мощную руку великому народу, необычайною силою своей воли напряг все его силы, дал направление движению. История ни одного народа не представляет нам такого великого, многостороннего преобразования, сопровождавшегося такими великими последствиями как для внутренней жизни народа, так и для его значения в общей жизни народов, во всемирной истории...

В сознании русского народа петровский переворот, разумеется, представляет самое важное явление, около которого сосредоточивается возбужденная наукою мысль... Мы имеем полное право не сочувствовать крутым переворотам в направлениях народной жизни. Бури очищают воздух, но опустошения, которые они по себе оставляют, показывают, что это очищение куплено дорогою ценою. Сильные лекарства усложняются сильными болезнями, и мы знаем, что допетровская Россия накопила в себе много болезней, и явления преобразовательной эпохи всего лучше указывают на них. Политическое тело оздоровело, получило средства к продолжению жизни, и жизни, богатой сильными проявлениями; но историк впал бы в непозволительную односторонность, если бы не заметил, что сильные средства обыкновенно оставляют по

себе и неблагоприятные для организма последствия. Эпоха преобразования не представляет в этом случае исключения. Не дело историка безусловно восхищаться всеми явлениями этой эпохи, безусловно оправдывать все средства, употреблявшиеся преобразователем для лечения застарелых недугов России; но, изображая деятельность человеческую с необходимою в ней темною стороною, историк имеет право изображать деятельность Петра как деятельность великого человека, послужившего более других для своего народа и для человечества. Время переворотов есть время тяжкое для народов; такова была и эпоха преобразования. Жалобы на тягости великие слышались со всех сторон, и не напрасно... Но это только одна сторона, есть другая. Народ проходит трудную школу. Строгий учитель не щадит наказаний ленивым и нарушителям уставов, но дело не ограничивается одними угрозами и наказаниями. Народ действительно учится, учится не одной цыфири и геометрии, не в одних школах, русских и заграничных; народ учится гражданским обязанностям, гражданской деятельности. При издании каждого важного постановления, при введении важного преобразования законодатель объясняет, почему он так делает, почему новое лучше старого. Русский человек впервые получает наставления подобного рода. Что нам кажется теперь столь простым и всем доступным, то предки наши узнали впервые из указов и манифестов Петровых. Впервые мысль русского человека была возбуждена, его внимание обращено на важные вопросы государственного и общественного строя; сочувственно или несочувственно обращались к словам и делам царя, все равно над этими словами и делами думали; эти слова и дела постоянно будили русского человека. Что могло погубить общество одряхлевшее, народ, не способный к развитию, - тревожения преобразовательной эпохи, незнание покоя, - то развило силы молодого и крепкого народа, долго спавшего и нуждавшегося в сильном толчке для пробуждения.

Вся система Петра была направлена против главных зол, которыми страдала древняя Россия: против разрозненности сил, непривычки к общему делу, против отсутствия самостоятельности, отсутствия способности начинать дело... Прежде русский человек, принимавший поручение правительства, ходил на помочах; ему не верили, боялись его малейшего движения и потому спеленывали, как ребенка, в длинный, подробный наказ, и при каждом новом случае, не определенном в наказе, взрослый ребенок требовал наставления. Эта привычка требовать указов сильно сердила Петра... Выставив значение государства, заставив, по-видимому, приносить этому новому божеству тяжелые жертвы и сам подавая пример, Петр, однако, принял меры, чтоб личность не была подавлена, а получила должное, уравнивающее развитие. На первом месте здесь, разумеется, должно быть поставлено образование, введенное Петром, знакомство с другими народами, опередившими наш народ в развитии...

Так воспитывались русские люди в суровой школе преобразования! Страшные труды и лишения не пропали даром. Начертана была обширная программа на много и много лет вперед, начертана была не на бумаге – она начертана была на земле, которая должна была открыть свои богатства перед русским человеком, получившим посредством науки полное право владеть ею; на море, где явился русский флот; на реках, соединенных каналами; начертана была в государстве новыми учреждениями и постановлениями; начертана была в народе посредством образования, расширения его умственной сферы, богатых запасов умственной пищи, которую доставил ему открытый Запад и новый мир, розданный внутри самой России. Большая часть сделанного была только в начале, иное в грубых очерках, для многого приготовлены были только материалы, сделаны были только указания; поэтому мы и назвали деятельность преобразовательной эпохи программю, которую Россия выполняет до сих пор и будет выполнять, уклонение от которой сопровождалось всегда печальными последствиями...

Историк не позволит себе утверждать, что не было никакого вреда в этой всесторонности преобразования: вред был необходим вследствие неприготовленности средств к всестороннему преобразованию, неприготовленности как в руководимых, так и в

руководителях, начиная с главного руководителя, самого Петра, в котором, при всем уважении к его гению, мы должны видеть человека, существо, ограниченное в своих средствах. Но мы должны признать, что России в описываемое время послан был человек, способный из двух зол выбрать гораздо меньшее, именно преобразование всестороннее и деятельное, которое не поставило русского человека только в положение ученика относительно Западной Европы, но в то же время поставило его и в положение взрослого, сильного деятеля в общей политической жизни и этим обеспечило ему самостоятельное внутреннее развитие, ибо внешняя безопасность, важное политическое значение, широкая историческая сцена действия составляют для народа необходимые условия его внутреннего развития. Русскому человеку легко было принять значение ученика при виде столь быстрого успеха в учении, при виде величия и славы, окружавших Россию и ее великого царя, которым так могли гордиться русские люди и который так верил в свой народ, так любил его, никогда не променявая своих на чужих.

Никогда ни один народ не совершал такого подвига, какой был совершен русским народом в первую четверть XVIII века. На исторической сцене явился народ малоизвестный, бедный, слабый, не принимавший участия в общей европейской жизни; неимоверными усилиями, страшными пожертвованиями он дал законность своим требованиям, явился народом могущественным, но без завоевательных стремлений, успокоившимся, как только приобретено было необходимое для его внутренней жизни. Человека, руководившего народом в этом подвиге, мы имеем полное право назвать величайшим историческим деятелем, ибо никто не может иметь большего значения в истории цивилизации».

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 18. 1868.

2.91. «В старину выходили книжки под заглавием: Цветущее состояние России при Петре Великом; но теперь, когда историческая наука возмужала, подобные книжки невозможны; теперь при слове переворот исчезает мысль о цветущем состоянии и напуганному воображению уже представляются кровавые картины людского ожесточения. Историк не станет любоваться этими картинами, не расцветит их и не сгладит резкостей, но в то же время не позволит себе вооружиться против великого начала, осилившего в перевороте и выведшего народ в новую историю, к новой жизни; не позволит себе вооружиться против великого человека, провозгласившего это начало и давшего себя ему в вечное служение».

Соловьев С.М. Птенцы гнезда Петрова. 1861.

2.92. «Долго относились у нас к делу Петра неисторически: как в благоговейном уважении к этому делу, так и в порицании его... Я назвал такой взгляд неисторическим, потому что здесь деятельность одного исторического лица отрывалась от исторической деятельности целого народа... Франция с Кольбером и Россия с Петром Великим в челе действовали одинаково... Необходимость движения на новый путь была создана; обязанности при этом определились: народ поднялся и собрался в дорогу; но кого-то ждали; ждали вождя; вождь явился... Петр работник, Петр с мозолистыми руками – вот олицетворение всего русского народа в так называемую эпоху преобразования. Здесь не было только сближения с народами образованными, подражания им, учения у них; здесь не были только школы, книги – здесь была мастерская прежде всего... Народы в своей истории не делают прыжков: тяжкая работа, на которую был осужден русский народ в продолжение стольких веков, борьба с азиатскими варварами при условиях столь неблагоприятных, борьба за народное существование, народную самостоятельность кончилась – и народ должен был естественно перейти к другой тяжелой работе, необходимой для приготовления... к деятельности среди народов с другим характером, для приготовления себе должного, почетного места между ними; для приготовления средств бороться с ними равным оружием. Это-то оружие и надобно было выработать, и выработать как можно скорее, ибо время не терпело...

Петр был сам истый русский человек, сохранявший крепкую связь с своим народом: его любовь к России не была любовью к какой-то отвлеченной России; он жил с своим народом одной жизнью и вне этой жизни существовать не мог... И свели они свои счеты – великий народ и великий вождь народный; за горячую любовь, за глубокую и непоколебимую веру в свой народ этот заплатил вождю успехом, превосходившим все ожидания, силой и славой небывальными... И вот подле значения великого учителя народного другое значение – великого помощника народного, а образ всё тот же – образ царя-работника... По недостатку точных исторических наблюдений у нас приписывали Петру это отрицательное отношение ко всему существовавшему, разрушительные удары, нанесенные прежним формам государственной жизни, удары, которые тяжело отозвались и в мире нравственном. Но теперь мы знаем, что это отрицательное отношение началось, усилилось прежде Петра... Этот-то период отрицания, сомнения, колебания, период необходимый, ибо им начинается переход в возраст умственного развития, но страшно вредно действующий на силы отдельного человека и целого народа, когда бывает продолжителен, этот-то период и был укорочен Петром...

Петр обладал необыкновенным нравственным величием: это величие выражалось в способности уважать нравственное величие в других и сдерживаться им; как бы он ни был раздражен, он умел всегда преклониться пред подвигом гражданского мужества, пред резким, но правдивым словом подданного, которое противоречило его собственному взгляду».

Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. 1872.

2.93. «Петр, как историческая личность, представляет своеобразное явление не только в истории России, но в истории всего человечества всех веков и народов... Все, что он ни узнавал, стремился применить к России, с тем, чтобы преобразовать ее в сильное европейское государство. Эту мысль лелеял он искренно и всецело в продолжение всей своей жизни. Петр жил в такое время, когда России невозможно было оставаться на прежней избитой дороге и надобно было вступить на путь обновления. Как человек, одаренный умственным ясновидением, Петр сознал эту потребность своего отечества и принялся за нее со всею своею гигантскою волею. Петр был самодержавен, а в такой момент истории, в какой тогда вступила Россия, только самодержавие и могло быть пригодным... Только там, где самодержавие безгранично, смелый владыка может отважиться на ломку и перестройку всего государственного и общественного здания... Петру помогло более всего его самодержавие, унаследованное им от предков... Народ разоряется, нищает, зато Россия приобретает море, расширяются пределы государства, организуется войско, способное меряться с соседями. Русские издавна привыкли к своим старинным приемам жизни, они ненавидели все иноземное; погруженные в свое внешнее благочестие, они оказывали отвращение к наукам. Самодержавный царь заставляет их одеваться по-иноземному, учиться иноземным знаниям, пренебрегать своими дедовскими обычаями, и так сказать, плевать на то, что прежде имело для всех ореол святости.

И русские пересиливают себя, повинуются, потому что так хочет их самодержавный государь. Но здесь и предел самодержавной власти Петра. Много новых учреждений и жизненных приемов внес преобразователь в Россию; новой души он не мог в нее вдохнуть; здесь его могущество оказалось столько же бессильно, каким было бы оно и тогда, когда бы у него явилось намерение превратить дно моря в пахотную землю или плавать на корабле по степи. Нового человека в России могло создать только духовное воспитание общества, и если этот новый духовный человек где-нибудь замечен в деяниях и стремлениях русского человека настоящего времени, то этим мы обязаны уж никак не Петру... Нельзя человека делать счастливым против собственной его воли и, так сказать, насиловать его природу. История показывает нам, что в обществе, управляемом деспотически, чаще и сильнее проявляются пороки, мешающие исполнению самых похвальных и спасительных предначертаний власти...

Натворивши множество учреждений, создавая новый политический строй для Руси, Петр все-таки не мог создать живой, новой Руси... Задавшись отвлеченною идеею государства и принося ей в жертву временное благосостояние народа, Петр не относился к этому народу сердечно. Для него народ существовал только как сумма цифр, как материал, годный для построения государства. Он ценил русских людей настолько, насколько они были ему нужны для того, чтобы иметь солдат, каменщиков, землекопов, матросов или своею трудовою копейкою доставлять царю средства к содержанию государственного механизма... Сам Петр своею личностью мог быть образцом для управляемого и преобразуемого народа только по своему безмерному неутомимому трудолюбию, но никак не по нравственным качествам своего характера. Он не старался удерживать своих страстей, нередко приводивших его к бешеным и кровавым поступкам, хотя за подобные поступки он жестоко казнил тех, над которыми властвовал. Петр позволял себе пьянство и лукавство и, однако, преследовал эти же самые пороки в своих подвластных. Много совершено им возмутительных деяний, оправдываемых софизмами политической необходимости. До какой степени он был свиреп и кровожаден, показывает то, что он не побоялся унижить свое царское достоинство, взявши на себя обязанность палача во время дикой казни стрельцов... Самые его дела внешней политики не отличаются безукоризненною честностью и прямою. Северная война никак не может быть оправдана с точки справедливости...

Петр не мог привить России ни гражданского мужества, ни чувства долга, ни той любви к своим ближним, которые выше всяких материальных и умственных сил... Много новых учреждений и жизненных приемов внес преобразователь в Россию, новой души он не мог в нее вдохнуть...

Несомненным останется, что Петр превосходил современных ему земных владык обширностью ума и неутомимым трудолюбием, но в нравственном отношении не лучше был многих из них; зато и общество, которое он хотел пересоздать, возникло не лучшим в сравнении с теми обществами, которыми управляли прочие Петровы современники... Все Петровы воспитанники, люди новой России, пережившие Петра, запутались в собственные козни, преследуя свои личные эгоистические виды, погибли на плахах или в ссылках, а русский общественный человек усваивал в своей совести правило, что можно делать все, что полезно, хотя бы оно было и безнравственно, оправдываясь тем, что и другие народы то же делают. При всем этом Петр, как исторический государственный деятель, сохранил для нас в своей личности такую высоконравственную черту, которая невольно привлекает к нему сердце: эта черта – преданность той идее, которой он всецело посвятил свою душу в течение своей жизни. Он любил Россию, любил русский народ, любил его не в смысле массы современных и подвластных ему русских людей, а в смысле того идеала, до какого желал довести этот народ; и вот эта-то любовь составляет в нем то высокое качество, которое побуждает нас, мимо нашей собственной воли, любить его личность, оставляя в стороне и его кровавые расправы, и весь его деморализующий деспотизм, отразившийся зловредным влиянием и на потомстве. За любовь Петра к идеалу русского народа, русский человек будет любить Петра до тех пор, пока сам не утратит для себя народного идеала, и ради этой любви простит ему все, что тяжелым бременем легло на его памяти».

Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. 1876.

2.94. «Мое мнение о Петре Великом имеет некоторое сходство с мнением Костомарова о нем, разница та, что я отбрасываю уступки, которые Костомаров делает хвалителям Петра. И, разумеется, у меня нет заимствований из славянофильства... Я смотрю на дело исключительно с точки зрения существенных интересов русского населения тогдашнего государства. Оно было бедно и невежественно. Ему было нужно облегчение лежавших на нем тяжестей. Петр увеличил их. Русским нужно было просвещение. Но было нужно принуждать их учиться у западных народов? Я полагаю, нет, потому что они сами имели,

я полагаю, влечение к этому... Достаточно было, чтоб снято было запрещение, и русские сами стали бы учиться... Меры, принимаемые Петром для так называемого «просвещения» народа, имели характер, отталкивающий русских от просвещения, возбуждали ненависть к просвещению. А то так называемое «просвещение», о котором заботился он, было просто технической муштровкой специалистов по военной службе и другим официальным надобностям. Так «просвещал» Египет Мегмет-Али, так просвещал Пенджаб Раджит-Синг, а раньше того так просвещал гуннов Аттила... Раджит-Синга и Мегмет-Али я считаю людьми, делавшими вред пенджабцам и египтянам. Как японцам и турецким армянам теперь, как турецким сербам в начале нынешнего века – русским времен Петра была нужна только свобода учиться; принуждение не было нужно. Приобрели ли они от Петра хотя малую свободу учиться? – Нет; он знал во всем только муштровку... Палка за всякое движение, не предписанное регламентом, была одна и та же в ученом кабинете и на плац-параде. Россия была бедна; Петр разорил ее...»

Чернышевский Н.Г. Письмо А.Н. Пытину. 1886.

2.95. «Хорошо было бы, если бы кто-нибудь составил список лиц штрафованных и скасованных, лиц всех сословий, наказанных разными способами и за разные преступления с 1689 года сентябрь по 1725 год январь. Можно было бы с одного взгляда заметить... чего стоили России нововведения мудрого, но сурового монарха... Аресты... допросы... тюрьмы... дыба... кнут... клещи... жжение живых... плаха... стоны... вопли... мольбы о пощаде... и всюду кровь, кровь и кровь!»

Семевский М.И. Из цикла статей о Петре I. 1861-1862.

2.96. «Может ли вообще быть благим тот результат, который приобретался такою ценою, и не подрывалось ли этим само будущее развитие?»

Пытин А.Н. Новый вопрос о Петре Великом. 1886.

*Е) Царь-преобразователь глазами русских консерваторов
последней четверти XIX века*

2.97. «Беспристрастный исследователь не решится, однако же, упрекать Петра в том, что воззрение его не сходилось с нашим взглядом: иная была потребность той эпохи, иная потребность нашей; но в том и состоит заслуга Петра, что он угадал потребность своего времени; средства же, которые употреблял он для того, чтобы удовлетворить ей, были в духе того времени, следовательно, соответствовали насущной потребности. Предшественники его собирали государство: ему предстояла задача укрепить его в самую трудную минуту, в борьбе с внешними и внутренними врагами, собрать на службу государству все внутренние его силы».

Победоносцев К.П. Исторические очерки крепостного права в России. 1876.

2.98. «Если рассматривать жизнь России со времен Петра I и до наших времен, разве она многосложностью своих явлений не драматичнее, не поэтичнее, не богаче хотя бы истории однообразно переменчивой Франции XIX века? ...Усилия Царей рода Романовых и самые резкие преобразования Петра изменили лишь частности, сущность не могла бы быть изменена. Ранги, введенные Петром, казалось бы, демократизировали дворянство в принципе. Всякий свободный человек мог достичь чинов, служба Царю (т. е. государству). Но оказалось на деле иное, дворянство этим больше выделилось из народа, фактически аристократизировалось, особенно в высших своих слоях.

До Петра было больше однообразия в социальной, бытовой картине нашей, больше *сходства* в частях; с Петра началось более ясное, резкое расслоение нашего общества, явилось то разнообразие, без которого нет творчества у народов. Петр, как известно, утвердил еще более и крепостничество. Дворянство наше, поставленное между

активным влиянием Царизма и пассивным влиянием подвластных крестьянских миров (ассоциаций), начало расти умом и властью, несмотря на подчинение Царизму. Осталось только явиться Екатерине II, чтобы обнаружились и досуг, и вкус, и умственное творчество, и более идеальные чувства в общественной жизни. Деспотизм Петра был прогрессивный и аристократический, в смысле вышеизложенного расслоения общества... Самодержавие Петра, напротив того, расслоило крепче прежнего Россию, приготовило более прежнего аристократические, разнообразные по содержанию эпохи Екатерины и Александра I».

Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. 1876.

2.99. «Тот особого рода демократический феодализм выслуги, который утвердил у нас Петр I, еще более дисциплинировал Русь, и при всех недостатках этой отчасти искусственной системы, только после ее утверждения, Держава наша стала той исполинскою Державой, которой мы сыны».

Леонтьев К.Н. Двадцатипятилетие царствования. 1880.

2.100. «Время Петра I было, конечно, прогрессивным временем, но оно было стеснительнее во многом, сравнительно с веками предыдущими».

Леонтьев К.Н. Газета «Новости» о дворянском пролетариате. 1880.

2.101. «Искусственные и тоже крайне принудительные европейские реформы Петра слишком известны, и даже многие стороны их подверглись осуждению истории, но, видно, эта *особого рода* искусственность *естественна* для России».

Леонтьев К.Н. Записка о необходимости новой большой газеты в С.-Петербурге. 1882.

2.102. «Петр Великий, во-первых, не изломал вдруг весь строй русской жизни (*с этой – сословной* стороны), а развил только то, что было уже приготовлено его предшественниками».

Леонтьев К.Н. Плоды национальных движений на православном Востоке. 1888.

2.103. «Если не сам Пётр Великий, то сам Промысел через него и Россию сблизил с Европою и цивилизовал и одел её по-европейски и проч. для того, собственно, чтобы со временем самую Европу из её цивилизации возвысить до православной России... Пётр Великий говорил (см. Архив), что нам Европа нужна на время, а потом мы к ней можем повернуться спиной».

Киреев А.А. Мысли по поводу отзыва о Рейнкенса о нас. Около 1890.

2.104. «Петр Великий был действительно представителем между нами западной жизни, но либерального в нем не было ничего. Это был тип страстного, благонамеренного, гениального деспота. В основанном им новом государстве бюрократического типа, представлявшем многие *технические* преимущества сравнительно с тем, которое он унаследовал и сломал, было в некоторых отношениях *менее* свободы, нежели в «московском». Несомненно, например, что Церковь в допетровском государстве была свободнее и гораздо влиятельнее, нежели при Петре и после Петра; что голос управляемых мог доходить и действительно доходил до Царя лучше и чаще, нежели впоследствии; несомненно, что и организация прихода допетровского периода была крепче, свободнее и несравненно лучше... Считаю, однако, необходимым оговориться. Хотя Петр Великий и должен, несомненно, считаться творцом нашего бюрократического, административного государства, его нельзя сделать ответственным за его дальнейшее развитие. При Петре многое было обставлено гораздо лучше, нежели при его наследниках – даже сам Св. Синод».

Киреев А.А. Краткое изложение славянофильского учения. 1896.

Ж) Образ Петра Великого в споре о «национальном самоотречении»

2.105. «Он [Петр] беспощадно разбил твердую скорлупу исключительного национализма, замыкавшую в себе зерно русской самобытности, и смело бросил это зерно на почву всемирной европейской истории. Третий Рим передвинулся из Москвы к Западу, к международному морскому пути».

Соловьев В.С. Великий спор и христианская политика. 1883.

2.106. «Неужели же мы станем упрекать великого реформатора за то, что он был деятелем, а не мечтателем, за то, что, желая помочь России цивилизацией и наукой, он брал их там, где они были, а не ждал их оттуда, где их не было? И для Петра Великого цель реформы была, конечно, не в порабощении нас чужой культуре, а в усвоении нами ее общечеловеческих начал для успешного исполнения нашей задачи во всемирной истории... Странно было бы упрекать Петра Великого, зачем он ввел в Россию не общечеловеческую образованность, а *чужую* образованность – немецкую или голландскую. Дело в том, что образовательные начала существуют не в отвлеченности, а всегда *in concreto* в той или другой национальной оболочке, и прежде чем выработать для них *свою* национальную оболочку, нам приходилось принять их в той или другой из существующих уже *чужих* оболочек...

Когда восстают против петровской реформы, как противной русскому народному духу, то забывают, что Петр Великий и его сподвижники были прямым порождением русского народного духа... Они верили в Россию нестоящею бесстрашною верою и любили ее настоящею деятельною любовью и, одушевленные этою верою и любовью, они совершили истинно русское дело. Реформа Петра Великого была в высшей степени *оригинальна* именно этим смелым отречением от народной исключительности (от мнимой поверхностной оригинальности), этим благородным решением пойти в чужую школу, отказаться от народного самолюбия ради народного блага, порвать с прошедшим народа ради народной будущности... Не национальное самолюбие, а национальное самоотречение в реформе Петра Великого дало этому государству образовательные средства, необходимые для совершения его всемирно-исторической задачи».

Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Вып. 1. 1884–1888.

2.107. «Эпоха преобразований, неразрывно связанная с именем Петра Великого, составляет для нас средоточие русской истории. Разумею не личность преобразователя, а его дело. Кто отрицательно относится к этому делу, для того русская история, которую будто бы произвол одного лица мог поворотить на совершенно ложный и пагубный путь, - есть явная и безнадежная бессмыслица. Защищая дело Петра Великого против возобновившихся ныне нападений, мы стоим за смысл русской истории, за истинное значение русского государства... По общему своему смыслу и направлению реформа Петра Великого не была для русского народа чем-нибудь совершенно новым: она возобновляла и продолжала предания Киевской Руси, прерванные монгольским нашествием и всепоглощающею работой государственного объединения. Каковы бы ни были личные свойства и поступки Петра Великого, он своим историческим подвигом возвращал Россию на тот христианский путь, на который она впервые стала при св. Владимире...

Я вовсе не преувеличиваю достоинств и значения Пета. Я даже затрудняюсь назвать его великим человеком – не потому, чтобы он не был достаточно велик, а потому, что он был недостаточно человек. Наш исторический великан был похож на великанов мифических: как и они, он был огромною, в человеческой образе воплощенною стихийною силой, всецело устремленною наружу, не вошедшею в себя. Петр Великий не имел ясного сознания об *окончательной* цели своей деятельности, о высшем назначении

христианского государства вообще и России в частности. Но он всем своим существом почувствовал, что в данную историческую минуту нужно было сделать для России, чтобы направить ее на настоящий путь, чтобы приблизить ее к той высшей задаче, - и он весь ушел, всю свою стихийную мощь внес в это дело.. Вопрос о личных качествах и пороках тут совсем не интересен. Важно то, что дело, сделанное Петром Великим, было самое полезное и необходимое и что сделал он его крепко...

Всё дело было пока в том, чтобы сломать стену, отделявшую Россию от человечества, разрушить умственный и жизненный строй, основанный на языческом обособлении. Это дело Петр Великий сделал прочно, бесповоротно. Какие бы реакции ни возникали в последующие времена, вернуть Россию назад с пути, открытого для нее Петром, они не в состоянии...

Вопреки всякой видимости реформа Петра Великого имела, в сущности, глубоко христианский характер, ибо была основана на нравственно-религиозном акте национального самоосуждения... Россия не могла вдруг переродиться; реформа Петра Великого только открыла для нее путь поступательного движения и совершенствования... Петровской же реформе Россия обязана все своим наличным образованием и всеми сокровищами своей литературы».

Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Вып. 2. 1891. Статья «Несколько слов в защиту Петра Великого».

2.108. «Мы, как известно, признаём в намерениях Петра искреннее желание блага для России, а в деле его – значительную часть правды о бок с великой *неправдой*, не перестающей громко вопиять и доселе... Правый в своих стремлениях, Петр был неправ в своем торжестве, говорит Хомяков... Петр презрел все законы органического развития и вместо того, чтобы ограничиться тем благотворным *воздействием*, которое общение с Западом должно было оказать на русскую почву, вызвав растительную деятельность сидящих в ней корней, - с неразумным нетерпением захотел разжиться культурой *вдруг*, - то есть засорил эту почву чужим наземом, заглушил рост корней и семян и, устроив как бы некую теплицу, пересадил в нее чужие, отчасти даже не свойственные нашему климату растения, завел *тепличное*, малоплодотворное просвещение... В авантаже ли обреталась «народность» при Петре и после? Она была презрена, оплевана, затоптана, забита... Вот каковы результаты той системы пересаживания чужой культуры, которую так восхваляет г. Соловьев и даже рекомендует для подражания»

Аксаков И.С. Против национального самоотречения и пантеистических тенденций, высказывавшихся в статьях В.С. Соловьева. 1884.

2.109. «Когда после долгого ряда бедствий, оттесненный в холодные леса северо-востока, притупленный рабством и необходимостью тяжелого труда на неблагоприятной почве, отрезанный от цивилизованного мира... русский народ опустился до грубого варварства... внезапно в этом хаосе варварства и бедствий подымается колоссальный и единственный в своем роде образ Петра Великого. Отбросив слепой национализм Москвы, проникнутый просвещенным патриотизмом, видящим истинные потребности своего народа, он не останавливается ни перед чем, чтобы внести, хотя бы насильственно, в Россию ту цивилизацию, которую она презирала, но которая была ей необходима; он не только призывает эту чуждую цивилизацию, как могучий покровитель, но сам идет к ней, как смиренный служитель и прилежный ученик; и несмотря на крупные недочеты в его характере как частного лица, он до конца являет достойный удивления пример преданности долгу и гражданской доблести».

Соловьев В.С. Русская идея. 1888.

2.110. «Если Бог хотел спасти Россию и мог это сделать только чрез свободную деятельность человека, то Петр Великий был несомненно таким человеком. При всех

своих частных пороках и дикостях, он был историческим сотрудником Божиим, лицом истинно провиденциальным, или теократическим... Едва ли во всемирной истории есть другой пример такого, как у Петра Великого, всецелого, решительного и неуклонного преобладания одного нравственного интереса общего блага. От ранних лет поняв, чего недостает России, чтобы стать на путь действительного совершенствования, он до последнего дня жизни заботился только о том, чтобы создать для нас эти необходимые условия... Его власть была для него обязанностью непрерывного труда на пользу общую, а для России – необходимым условием её поворота на путь истинного прогресса. Без неограниченной власти Петра Великого преобразование нашего отечества и его приобщение к европейской культуре не могло бы совершиться, и он сам смотрел на свое самодержавие как на орудие этого провиденциального дела... Для Петра Великого всё, даже жизнь единственного его сына, зависело от интересов его дела, и у него не было ни одного врага, кроме врагов его дела. А дело его состояло в том, чтобы дать России реальную возможность стать христианским царством... Через европейское просвещение русский ум раскрылся для таких понятий, как человеческое достоинство, права личности, свобода совести и т.д. ... Об этой стороне своего дела сам Петр Великий прямо не думал, но это не уменьшает его значения...

Петр Великий был и сознавал себя верховным представителем настоящих интересов своего отечества... Великий ум преобразователя ясно видел истинную сущность самодержавия...

Доньше не прекращаются обвинения Петра Великого в том, будто бы он унизил авторитет церкви и подавил свободу народной жизни. Но несостоятельность России в обоих этих отношениях ярко обнаружилась в церковно-народном расколе... Если бы ответственность за ненормальные условия русской жизни нужно и можно было возлагать на одно лицо, связывать с одним именем, то это было бы никак не имя царя Петра, а разве только патриарха Никона... Какую же возможность имел Петр Великий отнять у «церкви», т.е. у русской иерархии, ту самостоятельность и тот духовный авторитет, которых она сама себя лишила ещё раньше его рождения? Он, напротив, безуспешно попытался восстановить этот духовный авторитет... Включение русской церкви как одного из «ведомств» с центральной коллегией во главе в общий состав государственного управления на одинаковых началах с другими ведомствами вполне отвечало истинному положению дела, и осуждать Петра Великого за то, что он не поддерживал искусственно явную фикцию самостоятельной духовной власти, - значит осуждать его за то, что он не хотел лгать перед самим собою и перед историей... Это была одна из наиболее естественных, правдивых, а потому и прочных реформ Петра Великого. Почти все основанные им коллегии исчезли или подверглись коренным переменам, одна «духовная коллегия», руководимая «знающим и смелым» обер-прокурором, вот уже почти два века остаётся во всей своей неприкосновенности, - явное доказательство, что это учреждение не было создано личным произволом, а вызвано действительными условиями нашей исторической жизни, сохраняющими до сих пор свою силу».

Соловьев В.С. Византизм и Россия. 1896.

2.111. «Петр Великий не по притязанию, а по праву принял титул императора, после того как подвиг его жизни дал России возможность стать более чем отдельною нациею – сделаться настоящею империею... В подвиге Петра Великого Россия проявила всю силу своей самобытности и получила новые средства для ее дальнейшего проявления. Екатерина II не только делами своего царствования, но и личным своим перерождением представляет *проверку* Петра Великого, блестящее доказательство прочности его дела».

Соловьев В.С. Мир Востока и Запада. 1896.

3) Петр I и его реформы в русской историографии начала XX века

2.112. «Он [Петр] знал, что хорошо в Европе, но никогда не обольщался ею, и то хорошее, что удалось перенять оттуда, считал не её благосклонным даром, а милостью провидения... Он предписывал возможно сильнее высказывать мысль, что иностранцы всячески старались не допустить нас до света разума, да проглядели, точно в глазах у них помутилось, и он признавал это чудом Божиим, содеянным для русского народа... Но не всё же брать готовые плоды чужого знания и опыта, теории и техники... Необходимо пересадить самые корни на свою почву, чтобы они дома производили свои плоды, овладеть источниками и средствами духовной и материальной силы европейских народов. Это была всегдашняя мысль Петра, основная и плодотворнейшая мысль его реформ. Она нигде и никогда не выходила у него из головы».

Ключевский В.О. Петр Великий среди своих соратников. 1901.

2.113. «Петр стал преобразователем как-то невзначай, как будто нехотя, поневоле. Война привела его и до конца жизни толкала к реформам... Колыбель реформы в другие времена, война при Петре стала ее школой, как и называл ее сам Петр. Но и при нем сказывалось это неестественное соединение взаимно противодействующих сил: война оставалась тормозом реформы, а реформа затягивала войну, вызывая глухое народное противодействие и открытые мятежи, мешавшие собрать народные силы для окончательного удара врагу. В таком замкнутом кольце противоречий пришлось Петру вести свое дело... Таково было общее отношение Петра к государственному и общественному порядку старой Руси, не раз отмеченное мною на отдельных явлениях: не трогая в нем старых основ и не внося новых, он либо довершал начавшийся в нем процесс, либо переиначивал сложившееся в нем сочетание составных частей, то разделяя слитые элементы, то соединяя отдельные; тем и другим приемом создавалось новое положение с целью вызвать усиленную работу общественных сил и правительственных учреждений в пользу государства...

Итак, Петр взял из старой Руси государственные силы, верховную власть, право, сословия, а у Запада заимствовал технические средства для устройства армии, флота, государственного и народного хозяйства, правительственных учреждений. Где же тут, спросите вы, коренной переворот, обновивший или искаживший русскую жизнь сверху донизу, давший ей не только новые формы, но и новые начала, благотворные или зловердные – всё равно? Однако таково было впечатление современников реформы, передавших его и ближайшему потомству. Реформа если не обновила, то взбудоражила, взволновала русскую жизнь до дна не столько своими нововведениями, сколько некоторыми приемами, не характером своим, а темпераментом, если можно так выразиться. Результаты реформы были обращены более к будущему, смысл ее далеко не всем был понятен; но её приемы чувствовались современниками прежде всего, производили непосредственное впечатление, и с ним приходилось считаться Петру. Эти приемы вырабатывались при участии личного характера Петра, под влиянием обстановки, в какой шла его преобразовательная деятельность, и под влиянием отношения, в какое эта обстановка ставила его к быту, понятиям и обычаям народа. Обстановка реформы создана была внешней войной и внутренней борьбой. Служа главной движущей пружиной реформы, война оказала самое неблагоприятное действие на ее ход и успехи. Реформа шла среди растерянной суматохи, какой обычно сопровождается война. Нужды и затруднения, какие она вызывала на каждом шагу, заставляли Петра спешить. Война сообщила реформе нервный, лихорадочный пульс, болезненно-ускоренный ход...

Итак, не преувеличивая и не умаляя дела Петра Великого, можно так выразить его значение. Реформа сама собою вышла из насущных нужд государства и народа, инстинктивно почувствованных властным человеком с чутким умом и сильным характером, талантами, дружно совместившимися в одной из тех исключительно

счастливого сложенных натур, какие по неизведанным еще причинам от времени до времени появляются в человечестве...

Реформа, совершенная Петром Великим, не имела своей прямой целью перестраивать ни политического, ни общественного, ни нравственного порядка, установившегося в этом государстве, не направлялась задачей поставить русскую жизнь на непривычные ей западноевропейские основы, ввести в нее новые заимствованные начала, а ограничивалась стремлением вооружить Русское государство и народ готовыми западноевропейскими средствами, умственными и материальными, и тем поставить государство в уровень с завоеванным им положением в Европе, поднять труд народа до уровня проявленных им сил. Но все это приходилось делать среди упорной и опасной внешней войны, спешно и принудительно, и при этом бороться с народной апатией и косностью, воспитанной хищным приказным чиновничеством и грубым землевладельческим дворянством, бороться с предрассудками и страхами, внушенными невежественным духовенством. Поэтому реформа, скромная и ограниченная по своему первоначальному замыслу, направленная к перестройке военных сил и к расширению финансовых средств государства, постепенно превратилась в упорную внутреннюю борьбу, взбаламутила всю застоявшуюся плесень русской жизни, взволновала все классы общества. Начатая и веденная верховной властью, привычной руководительницей народа, она усвоила характер и приемы насильственного переворота, своего рода революции. Она была революцией не по своим целям и результатам, а только по своим приемам и по впечатлению, какое произвела на умы и нервы современников. Это было скорее потрясение, чем переворот. Это потрясение было непредвиденным следствием реформы, но не было ее обдуманной целью...

Он [Петр] смог свое чувство царственного долга развить до самоотверженного служения, но... не сумел очистить свою кровь от единственного крепкого направителя московской политики, от инстинкта произвола...

Реформа Петра была борьбой деспотизма с народом, с его косностью. Он надеялся грозой власти вызвать самодеятельность в поработанном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку, народное просвещение как необходимое условие общественной самодеятельности, хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства – это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времени Петра два века и доселе неразрешенная... Самовластие само по себе противно как политический принцип. Его никогда не признает гражданская совесть. Но можно мириться с лицом, в котором эта противоестественная сила соединяется с самопожертвованием, когда самовластец, не жалея себя, идет напролом во имя общего блага, рискуя разбиться о неодолимые препятствия и даже о собственное дело. Так мирятся с бурной весенней грозой, которая, ломая вековые деревья, освежает воздух и своим ливнем помогает всходам нового посева».

Ключевский В.О. Курс русской истории. 1904. Гл. 68.

2.114. «Петр убийством своего первенца прекратил династию Романовых (т.е. ее мужескую линию), и за ним последовало подобие смутного времени, пока престол не укрепился за потомством его дочери Анны. Подобно Грозному, он своими пытками и казнями сломил все попытки к отпору его нововведениям и довел царскую власть до ничем не ограниченного самовластия, вместе с тем еще более испортил народный характер, усиливая в нем раболепие. А главное, своим пристрастием к иноземцам, полным унижением родовой русской аристократии, отменой Боярской думы (разумея вместе с нею и Освященный собор) и водворением бюрократии, переполненной на верхних ступенях немцами, он приготовил немецкое господство на Руси...

Прошло 200 лет со времени этих реформ, а Россия не догнала Европу и является почти такую же отсталой по культуре, как и в его время. Петр страстно стремился к морю и

завоевал балтийские берега, но и 200 лет спустя эти берега остаются не русскими... недостаток национальной политики в течение петербургского периода имеет своим началом излишнее преклонение Преобразователя перед иноземщиной и крайне неуважительное отношение к своей коренной народности, к ее вековым преданиям и обычаям, многие из коих заслуживали более бережного с ними обращения, а не жестоких пыток и казней или глумления над ними всепьянейшего собора, беспощадного брадобрития и т.п. Петр далеко не оценил громадных жертв, принесенных народом ради завоевания балтийских берегов, не оценил преданного, даровитого русского племени, которое сумело бы без особого принуждения усвоить себе действительно нужные и полезные преобразования, и только страстная натура царя, его нетерпеливость, тирания и не всегда присущее умение отличить необходимые реформы от несущественных вызывали в народной среде ропот и дух противоречия, доходивший иногда до явного неповиновения, особенно со стороны приверженцев старого церковного обряда, которые видели в нем даже антихриста. Культурный разрыв наружно европеизованных высших классов с народной массой, а также недостаток единения царя с коренным русским народом начались именно с Петра Великого. Этот недостаток единения поддерживался и усиливался благодаря в особенности немецким бракам, каковые явились одною из наиболее упрочившихся петровских реформ.

Повторяю, не кто другой, как Петр, приготовил наступившее вслед за ним подобие известной Смутной эпохи начала XVII века... Конечно, беспримерная деятельность и гениальность Петра навсегда стяжали ему наименование Великого и провели резкую грань между старым, московским, и новым, петербургским, периодами русской истории. Однако вместе с тем Петровская эпоха послужила переходною ступенью от патриархального и национального московского самодержавия к бюрократическому и космополитическому петербургскому абсолютизму.

История оценивает такие богатырские личности не только по их задачам, стремлениям и побежденным препятствиям, но также и по важнейшим последствиям их деятельности. И наше поколение, когда почти все таковые последствия достаточно выяснились, с большею основательностью и беспристрастием, чем предыдущие поколения, может подводить исторические итоги деяниям великого Преобразователя земли Русской и указывать не только лицевую, но и обратную их сторону».

Иловайский Д.И. Петр Великий и царевич Алексей. Исторический очерк. 1915.

**Часть III. Образ Речи Посполитой и исторические корни польского вопроса
в исторической науке и общественно-политической мысли
России XIX – начала XX века**

Методические указания

Польский вопрос сыграл крайне важную роль в судьбах Российской империи в целом, а не только ее западных окраин. В курсе отечественной истории как в школе, так и в вузе этой теме до сих пор уделяется очень мало внимания. Важно, чтобы учащиеся и студенты владели картографическим материалом и понимали, что в ходе трех разделов Речи Посполитой в конце XVIII века Россия не получила этнически польских территорий, а лишь возвратила исконные земли Киевской Руси (украинские и белорусские), а также Литву и Латгалию. Ополяченным в этих землях являлся только узкий слой шляхты; тем не менее, непоследовательная политика российских властей на протяжении всего XIX века привела к тому, что даже в начале XX века Западный край оставался достаточно колонизированным в культурном и языковом плане. Во время «четвертого раздела» Польши на Венском конгрессе 1815 г. Россия получила центральные этнически польские земли с Варшавой и Люблином; с этих пор начинается столетнее противостояние националистической шляхты и ксендзов русскому правительству. Стремясь разобраться в корнях русско-польского противостояния и найти пути решения польского вопроса, русские мыслители, историки, публицисты активно обращались к истории Речи Посполитой, указывая на противоестественность социально-политического и культурного развития этого государства, на неизбежность его падения и закономерность разделов. При этом мыслители расходились в том, лежит ли путь решения польского вопроса преимущественно на путях религиозных, политических или социально-экономических. Тем не менее, в течение XIX века в русском обществе сложился достаточно определенный образ былой Речи Посполитой, как и образ поляка-современника. В настоящую подборку включены прежде всего тексты, относящиеся к историческим корням русско-польского антагонизма, прежде всего к эпохе XVI – XVIII веков; цитаты, непосредственно затрагивающие политические события XIX века, включая восстания 1830 и 1863 гг., приведены лишь в том случае, когда без них неясен контекст позиции того или иного русского мыслителя.

Вопросы

1. Какие аргументы в пользу законности обладания Польшей выдвигал Н.М. Карамзин, убеждая Александра I не восстанавливать старые границы Речи Посполитой (фрагменты 3.1 и 3.2)?
2. Прочитайте фрагменты 3.3 и 3.5. Почему столь различны мнения двух декабристов? Что именно возмущало М.А. Фонвизина в разделах Речи Посполитой? Какие причины ее падения называет М.С. Лунин (между прочим, католик) и как обосновывает невозможность дать Польше независимость?
3. Как П.Я. Чаадаев очертил этническую границу Польши (фрагмент 3.4)? Что нового он добавил к аргументации Карамзина, указывавшего примерно на ту же самую границу?
4. * *Вспомните патриотические стихотворения А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, вызванные польским восстанием 1830–1831 гг. Какую реакцию вызвали они в обществе?*
5. В чем видел уродливость культурного развития Речи Посполитой XVI – XVIII вв. И.В. Киреевский (фрагмент 3.6)? Покажите, что его позиция вытекала из общих особенностей славянофильского дискурса.
6. Какие особенности русской политики в отношении Польши отмечает Н.Г. Устрялов (фрагмент 3.7)?
7. * *В силу каких причин интерес к польскому вопросу и его историческим корням резко вырос в русском обществе в 50-е годы XIX века?*
8. Изучите фрагменты 3.8 – 3.19. Какие этапы можно выделить в изменявшейся позиции М.П. Погодина по польскому вопросу? Что он имеет в виду, говоря о закономерности разложения и падения Речи Посполитой? Почему в годы Крымской войны Погодин требовал дать Польше независимость в ее этнических границах, а в 60-е годы отказался от этой идеи и требовал только автономии?
9. Как известно, А.И. Герцен безоговорочно поддержал польское восстание 1863–1864 гг. Чем он это обосновывал (фрагменты 3.20, 3.21, 3.22)? Почему, написав десятки статей в защиту мятежников, Герцен старательно обходил любые разговоры о шляхетском строе Речи Посполитой? Сравните с фрагментами 2.64 и 2.65. Чем этот строй импонировал Герцену? Почему Н.Г. Чернышевский не поддержал его (фрагменты 3.23 и 3.24)?
10. Проанализируйте фрагменты 3.25 – 3.29. Что удивило и поразило русских либералов в польском восстании 1863–1864 гг.? Кого имеет в виду К.Д. Кавелин под «партией» инициаторов мятежа?
11. Какой новый тезис об исторических корнях русско-польского противостояния появляется впервые в работах славянофилов И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина (фрагменты 3.30 – 3.36)? В чем именно проявляется влияние Киреевского на Самарина? На каком

основании Аксаков тесно связывает между собой две причины возникновения польского вопроса: религиозную и социальную (угнетение крестьян шляхтой)?

12. Рассмотрите аргументацию М.Н. Каткова – главного идеолога подавления польского восстания 1863 г. (фрагменты 3.37 и 3.38). Какие из славянофильских аргументов он *не* использовал? Что в катковской позиции обеспечило ей исключительную популярность в русском обществе?

13. Когда почвенник Н.Н. Страхов изложил аргументы поляков и хотел привести свои встречные аргументы, он не смог этого сделать: из-за вмешательства катковского сотрудника Петерсона журнал «Время» был закрыт цензурой (см. фрагменты 3.39, 3.40, 3.41). С какой стороны пытался рассмотреть польский вопрос Страхов? На какие слабости России он указывал?

14. Тезисы каких мыслителей повторял Ф.М. Достоевский, пытаясь защитить Страхова (фрагменты 3.42 и 3.43)? Можно ли, с вашей точки зрения, говорить о влиянии славянофилов на позицию Достоевского по польскому вопросу, или они пришли к схожим выводам в 1863 г. независимо друг от друга?

15. Внимательно изучите фрагмент 3.44. Какие стороны политического, социально-экономического, культурного строя Речи Посполитой анализирует славянофил А.Ф. Гильфердинг, рисуя детальный образ ее прошлого? Каким образом он связывает между собой реформы Петра I и крах старой Польши?

16. * Назовите стихотворения Ф.И. Тютчева и А.А. Фета, вызванные польским восстанием 1863–1864 гг. К взглядам каких мыслителей были близки эти поэты?

17. На примере фрагмента 3.45 поясните, какие настроения в связи с польским вопросом преобладали среди русских либералов в 70-е годы XIX века.

18. В чем проявлялись симпатии К.Н. Леонтьева к польской шляхте (фрагменты 3.46, 3.47, 3.48)? Как они связаны с его социально-политическим идеалом в целом?

19. На какие социально-политические язвы Речи Посполитой перед ее падением обращает внимание Н.И. Костомаров (фрагмент 3.49)?

20. Что нового по сравнению со славянофилами в изучение религиозных корней русско-польского противостояния привнес А.О. Коялович (фрагмент 3.50)?

21. Сформулируйте в виде сжатых тезисов взгляды позднего славянофила А.А. Киреева, имевшего богатый личный опыт административной деятельности в Польше во время восстания 1863 г. (фрагменты 3.51, 3.52, 3.53, а также 3.29). В чем позиция Киреева ближе к Погодину, чем к старшим славянофилам?

22. Линию каких мыслителей и историков продолжает Вл.С. Соловьев в своем анализе социально-политического облика Речи Посполитой (фрагменты 3.54 – 3.57)? Что он относит к числу заслуг Екатерины II в ее польской политике?
23. Перечислите основные исторические вехи, которые Б.Н. Чичерин характеризует как череду грубых политических ошибок поляков (фрагменты 3.58 – 3.61, а также 3.28). Что он относит к числу политических ошибок русских? В чем Чичерин видел накануне XX столетия главную опасность для России, требующую скорейшего разрешения польского вопроса? Чего больше в его трудах – сочувствия полякам или их критики?
24. На примере отрывка 3.62 из типичного учебника начала XX века поясните, какой образ Речи Посполитой утвердился в сознании русского общества.
25. Обратитесь к фрагменту 3.63. Обоснованно ли, на ваш взгляд, В.О. Ключевский вслед за Чичериным предлагает рассматривать вопрос об освобождении западнорусских земель отдельно от вопроса о разделе Польши? Какие исторические обстоятельства начала XX века побудили Ключевского видеть в поляках оплот против германской угрозы?
- * Почему в целом в начале XX века для многих мыслителей, включая позднего славянофила С.Ф. Шаранова, были характерны полонофильские настроения?*
26. Докажите, что Н.А. Бердяев и В.Ф. Эрн в выступлениях по польскому вопросу в годы Первой мировой войны (фрагменты 3.64 и 3.65) шли в русле концепции Вл.С. Соловьева. Какой новый мотив появился у них по сравнению с Соловьевым?
- * Какой третий народ, кроме поляков, Эрн хотел видеть в христианском братстве с русскими после окончания Первой мировой войны?*
27. Фрагмент 3.66 взят из записки, поданной императору коллективом из девяти поздних славянофилов. Как вы полагаете, почему славянофильская мысль в конечном счете пришла к требованию предоставить независимость Польше в ее этнических границах?

Тексты к части III

А) Исторические корни польского вопроса в русской мысли первой половины XIX века

3.1. «Пусть иноземцы осуждают раздел Польши: мы взяли своё».

Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. 1811.

3.2. «Вы думаете восстановить Польшу в *ее целостности*, действуя как Христианин, благотворя врагам... Вы думаете восстановить *древнее* Королевство Польское; но сие восстановление согласно ли с законом государственного блага России? согласно ли с Вашими священными обязанностями, с Вашею любовью к России и к самой справедливости? Во-первых (не говоря о Пруссии), спрашиваю: Австрия отдаст ли добровольно Галицию? Можете ли Вы, творец *Священного Союза*, объявить ей войну, противную не только Христианству, но и государственной справедливости? ибо Вы Сами признали Галицию законным владением Австрийским. Во-вторых, можете ли с мирною совестью отнять у нас Белоруссию, Литву, Волынию, Подолию, утвержденную собственностью России еще до Вашего царствования? Не клянутся ли Государи блюсти целостность своих Держав? Сии земли уже были Россиею, когда Митрополит Платон вручал Вам венец Мономаха, Петра и Екатерины, которую Вы Сами назвали *Великою*. Скажут ли, что Она незаконно разделила Польшу? Но Вы поступили бы еще незаконнее, если бы вздумали загладить Ее несправедливость разделом самой России. Мы взяли Польшу мечем: вот наше право, коему все Государства обязаны бытием своим, ибо все составлены из завоеваний. Екатерина ответственна Богу, ответственна Истории за свое дело; но оно сделано, и для Вас уже свято: для Вас Польша есть законное Российское владение. Старых крепостей нет в Политике: иначе мы должны были восстановить и Казанское, Астраханское Царство, Новгородскую Республику, Великое Княжество Рязанское, и так далее. К тому же и *по старым крепостям* Белоруссия, Волыния, Подолия, вместе с Галициею, были некогда коренным достоянием России. Если Вы отдадите их, то у Вас потребуют и Киева, и Чернигова, и Смоленска: ибо они также долго принадлежали враждебной Литве. Или все, или ничего. Доселе нашим государственным правилом было: *ни пяди, ни врагу, ни другу!*

...Если бы восстановилась древняя Польша (чего Боже сохрани!) и произвела некогда Историка достойного, искреннего, беспристрастного, то он, Государь, осудил бы Ваше великодушие, как вредное для Вашего истинного Отечества, доброй, сильной России. Сей Историк сказал бы совсем не то, что могут теперь говорить Вам Поляки; извиняем их, но Вас бы мы, Русские, не извинили, если бы Вы для их рукоплескания ввергнули нас в отчаяние... одним словом, восстановление Польши будет падением России, или сыновья наши обогрят своею кровью землю Польскую и снова возьмут штурмом Прагу! Нет, Государь, никогда Поляки не будут нам ни искренними братьями, ни верными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны: слабые не любят сильных, а сильные презирают слабых; когда же усилите их, то они захотят независимости, и первым опытом ее будет отступление от России... Поляки, законом утвержденные в достоинстве особенного, державного народа, для нас опаснее Поляков-Россиян».

Карамзин Н.М. Мнение русского гражданина. 1819.

3.3. «Три северные державы нашли удобный случай прекратить политическое бытие Польши – государства, знаменитого в истории народов своим характером и составлявшего важное звено в политическом равновесии Европы... Вся Европа ужаснулась; со времени Вестфальского мира не было подобного примера нарушения, уничтожающего силою манифеста законный порядок и существование целого государства, которое разделили на три чести по произволению, точно как делят добычу по жребью. Можно сказать, что

раздел Польши с уничтожением морального достоинства политического права, принятого всеми европейскими державами, положил предел и народному к ним уважению».

Фонвизин М.А. О повиновении вышней власти, и какой власти должно повиноваться. 1823.

3.4. «Пограничная линия, отделявшая русских от их соседей-поляков, пролегла по равнинам, тянувшимся вдоль левого берега Немана, в местности, где мы находим города Августово, Седлец, Люблин, Ярослав, и тянулась по течению реки Сана до подножия Карпатских гор. Это та самая линия, которая и в наши дни по сути дела размежевывает обе народности русскую и польскую... Знаменитая Польская республика в пору наивысшего своего могущества была не чем иным, как государством, состоящим из нескольких народностей; из них русские, в областях, носивших название Белоруссии и Малороссии, составляли главную часть. Это русское население, присоединенное к республике, объединилось с поляками лишь на условии пользоваться всеми национальными привилегиями и свободой... Эти права и привилегии с течением времени были грубо нарушены Польшей и постоянно попирались, сопровождаясь самыми возмутительными религиозными преследованиями. Вследствие этих жестоких страданий русские области отделились от республики и соединились с семьей славянских народов, которая приняла имя Всероссийской империи... На всем пространстве нашей обширной империи русские и поляки пользуются одинаковыми правами... В областях... называвшихся ранее Литвой, Белоруссией и Малороссией, поляки составляют приблизительно пятидесятую часть всего населения. Остальные почти сплошь русские. Эти последние хранят еще свежую память о насилиях, выпавших на долю их отцов при польском владычестве, и питают к своим господам, живым осколкам прежнего строя, такую ненависть, что спасением своим те отчасти обязаны покровительству русского правительства... Расчленять Россию, отторгая от нее силой западные губернии, оставшиеся русскими по своему национальному чувству, было бы безумием. Сохранение же их составляет для России жизненный вопрос»

Чаадаев П.Я. Несколько слов о польском вопросе. 1831–1832.

3.5. «Политические воротилы польского комитета усиленно подчеркивают раздел Польши, изолируя его от причин, сделавших его столь легким, и приписывая его исключительно влиянию России. Но Австрия и Пруссия приняли в нем такое же, если не большее участие. Проект первого раздела вышел из недр Венского кабинета, чем объясняется почти двойная доля, полученная им при разделе. Россия же только присоединилась к этому проекту, чтобы он не был осуществлен без нее, в ущерб как полякам, так и русским. Второй раздел был вызван прусским правительством с целью приобретения Данцига и Торна... Наконец, третий и последний раздел явился следствием восстания, которое, нарушая общественный договор, узаконяет всё по праву войны. Впрочем, эти печальные события доказывают лишь успехи самодержавной революции, но отнюдь не определяют взаимоотношений обоих народов. Никогда русские не помышляли о покорении своих братьев; никогда не претендовали на социальное или политическое превосходство над ними. Они предлагают им не благодеяние покровительства, но стремятся лишь к объединению воли и усилий, направленных к общей цели...

Верные своей высокой миссии, они предсказали полякам, что их изолированные попытки всегда будут бесплодными; что их надежда на помощь западных государств всегда останется призрачной; что единственная надежда на успех заключается для них в союзном договоре с русскими... Всё словно призывает два народа побрататься... Они точно предназначены начать новую социальную эру, освободив основные начала от повсюду их заслоняющих разнородных элементов; и одухотворенность политической жизни, вернув вольности, права и гарантии к их истинному источнику... Может ли Польша пользоваться

благами политического существования, сообразными её нуждам, вне зависимости от России? Не более, чем Шотландия или Ирландия вне зависимости от Англии...

Полякам следовало бы всегда помнить режим, столь долго угнетавший их под обманчивым видом республики. Никакой социальный прогресс не был возможен при политическом строе, который, каждодневно наталкиваясь на *liberum veto*, развивался лишь путем конфедераций и при общественных порядках, соединявших все злоупотребления феодализма без каких-либо его относительных преимуществ. Административный хаос и моральная анархия, истощая жизненные силы Польши, всегда служили предвестником ее распада. Один из ее королей (Ян-Казимир) предсказал в 1661 г. на сейме раздел ее земель, что и случилось через 110 лет».

Лунин М.С. Взгляд на польские дела г-на Иванова, члена Общества соединенных славян. 1840.

3.6. «В Польше действием католицизма высшие сословия весьма рано отделились от остального народа не только нравами, как это было в остальной Европе, но и самым духом своей образованности, основными началами своей умственной жизни. Отделение это остановило развитие народного просвещения и тем более ускорило образованность оторванных от него высших классов... Не стесненная особенностью народного быта, ни обычаями, ни преданиями старины, ни местными отношениями, ни господствующим образом мыслей, ни даже особенностью языка, воспитанная в сфере отвлеченных вопросов, польская аристократия в XV и XVI веке была не только самою образованною, но и самою ученою, самою блестящею во всей Европе... Вследствие этой образованности литература была изумительно богата... Но между этим искусственным просвещением и естественными элементами умственной жизни народа не было ничего общего. Оттого в целой образованности Польши произошло раздвоение... Вся эта богатая литература исчезла почти без следа для просвещения общечеловеческого, для той европейской образованности, которой она была слишком верным отражением».

Киреевский И.В. Обзорение современного состояния литературы. 1845.

3.7. «Под щитом Екатерины Польша 12 лет наслаждалась глубокою тишиною, столь редкою в её истории, обратила свою беспокойную деятельность на предметы полезные и ревностно стала заниматься промышленностью и науками... Поляки должны были благословлять свою долю и тем теснее соединиться с Россиею, что только под её щитом могли избавиться от бесчисленных неурядиц, которые так долго терзали злосчастную Польшу. Они поступили иначе. Мечта о возможности освободиться от неизбежного влияния соседей, сделавшегося необходимым условием бытия Речи Посполитой, заразила беспокойные умы поляков, слабых в беде, гордых в счастье. Невзирая на все выгоды установленного и поддерживаемого Екатериною порядка дел, на неприкосновенность старинных уставов, на самостоятельность внутреннего управления, они жалели об утрате какой-то золотой вольности, которая была только необузданным своеволием, равно бедственным для Польши и для соседей, злобились на Екатерину, отнявшую у них средства вредить себе и другим, выжидали благоприятного случая, чтобы освободиться от её спасительного покровительства, и спешили воспользоваться нападением Турции и Швеции на Россию...

Обитатели всех присоединенных к России областей были сравнены в правах и преимуществах с прочими подданными Российской империи... Таким образом мудрая Екатерина исполнила то, чего желали древние православные цари наши, к чему неоднократно стремились сами поляки, о чём думал Петр Великий и что было неизбежно, как неминуемое следствие векового хода событий...

Полякам оставалось покориться неизбежному року и терпеливо сносить свою долю или, вернее, благословлять Провидение, избавившее их от бедствий безначалия, включившее их в семейство трех могущественных народов и даровавшее им тишину, под защитою

законов, в недрах государств благоустроенных. Они судили иначе. Мечта о золотой вольности не покидала их, тревожила легковверные умы, внушала им разные несбыточные планы, наконец, утвердила их в мысли о возможности восстановить Речь Посполитую могущественною рукою Наполеона...

Александр думал, что поляки под сению его престола найдут то, чего они так давно и так тщетно искали, и, обязанные своим счастьем, исполнением самых пламенных желаний своих единственно великодушию российского императора, примирятся с Россиею и станут за нее грудью в случае разрыва её с кем-либо из западных соседей. Таким образом, всегда верный исполнитель планов мудрой бабки своей, он уклонился от её политики только в одном этом случае. Польша вскоре доказала ему, как справедливо мыслила и действовала Екатерина II... Александр завоевал и воскресил Польшу... Эта бедная страна под скипетром Александра обратилась в государство благоустроенное, сильное и цветущее... Не довольствуясь благоденствием своей отчины, беспримерным в её истории, под скипетром российских императоров, они возмечтали о возможности образовать из Царства Польского государство отдельное, самостоятельное, включить в состав его западные губернии России, впоследствии отторгнуть польские области от Австрии и Пруссии, и воскресить Речь Посполитую с её шумными сеймами...

Залогом же будущего счастья Польши служит воспитание нового поколения, которое, по всей вероятности, будет благоразумнее старого».

Устрялов Н.Г. Русская история. 1855.

Б) Образ Польши в трудах М.П. Погодина: границы во времени и пространстве

3.8. «Нет, наверное, ни одной мысли, более распространенной в политическом мире... как мысль о разделе Польши со стороны России – а между тем справедливо ли это? И в 1772 г., и в 1793 г., и в 1795 г. Россия не сделала никаких похищений, как обвиняют наши враги, не сделала никаких завоеваний, как объясняют наши союзники, а только возвратила себе те страны, которые принадлежали ей искони по праву первого занятия, наравне с коренными её владениями, по такому праву, по какому Франция владеет Парижем, а Австрия Веною. Еще более – России принадлежали некогда и другие страны, которые находятся гораздо далее на запад и юг, то есть Галиция и часть Молдавии...

Со смерти последнего Пяста, в XIV столетии, на престоле польском последовательно сидели и литовские, седмиградские князья, и французские, шведские принцы, и саксонские курфюрсты. Почему же кажется им странным, что этот престол занят ныне российским императором? ...От основания русского государства и до позднейших времен, то есть от IX-го столетия и до XVII-го, посягал ли русский меч хотя на одну каплю польской крови? И наоборот, исеякали ли хотя на короткое время, в продолжение сих событий, реки русской крови, пролитой польскою, литовскою саблею в руках Болеславов, Гедиминов, Олгердов, Витовтов, Баториев, Хоткевичей, Лисовских – крови, пролитой из самого сердца России, Москвы? Неужели за тяжелый страдания России... неужели за судорожные мучения России при самозванцах поляки заплатили нам шестнадцатилетним подданством императорам Александру и Николаю, когда они были едва ли не счастливее своих предков, в эпоху их величия и славы, когда мы завели им училища, обучили войска, устроили финансы, установили суды, возбудили промышленность, облегчили судьбу поселян?»

Погодин М.П. Об отношении Польши к России. 1831.

3.9. «Польша пала не от политики соседей, а первоначально от своего безначалия, от форм правления. Здание должно было рухнуть, ибо подпоры были негодные, - вот содержание польской истории до кончины последнего короля... Нужно ли было заботиться соседям, чтобы здание не задавило, не повредило их своим падением? Разумеется, нужно, и преимущественно России... Должно ли и может ли упавшее здание выстроено быть по

прежнему плану? Никак не должно, ибо недостатки прежнего плана доказаны всего разительнее падением здания, - вот апология нового правления».

Погодин М.П. Отрывок из донесения министру народного просвещения о путешествии по славянским странам. 1839.

3.10. «Внимательный и знающий читатель, обозрев весь ход польской истории, закоренелое неустройство внутреннего организма, сам может сделать математическое заключение, что такое государство, без посторонней чужой помощи не могло сохранить свою политическую самобытность, что и действительно случилось».

Погодин М.П. История государства Польского. Сочинение Бандтке. Рецензия. 1851.

3.11. «Если должен существовать Славянский союз, то мы должны отказаться от Польши, которую даже физически нельзя исключить из этого союза? А для чего желать нам держать её при себе? Это болезнь на нашем теле. Это одна из причин или, по крайней мере, предлогов европейской ненависти к России. Какую существенную пользу она приносит и сколько вреда, - кроме забот, хлопот, непрерывных опасений и неудовольствий! Ни один русский человек не желал никогда этого приобретения, ни один русский государь не искал его, а Польша пала вследствие исторических причин... Объявите независимость Польши... Но может ли Польша существовать особо? Рассматривая внимательно, хладнокровно и беспристрастно историю Польши, чувствуешь, что она особо существовать не может, и что последняя катастрофа её была необходимым заключением всех предыдущих событий... Но в польском сердце преобладает чувство независимости, отдельности, самобытности, которое никакими ударами уничтожено быть не могло, которое сохраняет свою живость и свежесть... и не хочет понимать никаких, самых убедительных доказательств рассудка... Пусть существует Польша! Прекрасный, святой, братский дар, достойный доброго и легкого сердца русского, которое не помнит зла, свободу дадим мы полякам за их к нам слепую ненависть: наслаждайся они ею, как хотят, пока не пожелают сами теснейшего союза с нами... При основании Славянского союза и при покровительстве России... Польша, как и прочие государства, сможет существовать особо. Это есть единственная форма её будущего бытия. Наша граница есть Неман и Буг»

Погодин М.П. Письмо о Польше. 1854.

3.12. «Польша была для России самую уязвимою, опасною пяткою: Польша должна сделаться крепкою её рукою. Польша отдаляла от нас весь славянский мир: Польша должна привлечь его к нам. Польшею мы поссорились с лучшею европейскою публикою: Польшею мы должны и примириться с нею. Как же достигнуть такой блистательной цели? Очень просто. Дайте ей особое, собственное управление. Оставаясь в нераздельном владении с империей Российской, под скипетром одного с нею государя, с его наместником, пусть управляется Польша сама собою, как ей угодно... Предоставляя управление Польши самой себе, не теряет ли чего-нибудь Россия? Ровно ничего – она теряет только ненависть Польши, которая связывала её во всех действиях, и получает любовь, а с любовью и искренней всегда помощью приобретет новую силу, без малейшего для себя ущерба».

Погодин М.П. Записка о Польше. 1856.

3.13. «Язык – вот естественная граница народов. Где говорят по-польски, там – Польша. Где говорят по-русски, там – Россия».

Погодин М.П. Польша и Россия. 1859.

3.14. «Главный предмет спора у поляков с русскими или, лучше сказать, главную мечту поляков, ибо для русских и вопроса не существует, составляют западные наши губернии:

Могилевская, Витебская, Минская (Белоруссия); Виленская, Ковенская, Гродненская (Литва); Волынская, Подольская, Киевская (Малороссия). Поляки называют их забранным краем, помня, что он принадлежал несколько времени им, и забывая, что он *искони* принадлежал России, и не только принадлежал, но составлял и составляет существенную утробную часть России, заселенный русскими людьми, говорящий русским языком, исповедующий русскую веру и не имеющий никакой истории, кроме русской...

Екатерине не следовало бы, как нам кажется теперь, соглашаться с Пруссией и Австрией на раздел, что, говорят, и советовал Панин, а взять только себе русские области, гарантируя Польше прочие её коренные владения, т.е. целость Польского королевства в пределах польского языка. Но согласились ли бы на то поляки, поняли ль бы они тогда справедливость, необходимость и пользу такого законного предложения, которого не понимают до сих пор? А с другой стороны, пруссаки и австрийцы как посмотрели бы на такое распоряжение? Нет – такова, видно, была судьба Польши...

Польша, разумно, не должна и желать отделения от России. Россия, разумно, не может отделить от себя Польшу, если б и хотела. Поляки ничего не могут надеяться от Запада, по историческим, географическим и политическим причинам, по ходу дел. Единственная их надежда на улучшение должна относиться к России, с которою соединила их судьба и история, а не нынешнее правительство. Западные губернии, заселенные русским племенем, на кои поляки рассчитывали больше всего, составляют неразрывную, неотъемлемую часть России, по единодушному сознанию и решению всего русского народа, - не только правительства, которое в этом случае выражает только общую волю. Поляки могут оставаться там только как русские. Те, которые живо сознают свое польское происхождение, должны удалиться оттуда в Польшу».

Погодин М.П. Польский вопрос. 1863.

3.15. «Вопрос польский, по моему мнению, должен быть решаем теперь не в Варшаве, не в Царстве Польском, а в наших западных губерниях, на кои поляки возлагают главные свои надежды и в коих признают главную свою силу: польский наносный элемент должен быть там непременно уменьшен, ослаблен, если даже не уничтожен – иначе нет нам мира и нет нам покоя никогда».

Погодин М.П. Несколько слов о западных губерниях. 1863.

3.16. «Мы не можем уступить полякам западные губернии. А без западных губерний Польша, в пределах своего языка, не может иметь никакого политического значения. Следовательно – сама судьба, история и география велят жить нам вместе, и мы должны заботиться только о том, как бы устроить это совокупное житие, соответственно требованиям времени, с полным уважением к национальности польской и русской, сохраняя предания истории».

Погодин М.П. Письмо к Гарибальди. 1863.

3.17. «Отношения у Польши с Россией, дружественные большею частию в древности, впоследствии сделались враждебными, как то происходило везде между смежными государствами... Границы 1772 года, это есть пункт помешательства у поляков! ...Нелепыми, физически невозможными притязаниями своими поляки принесли нам пользы гораздо больше, чем могли бы принести пять новых крепостей и десять новых побед. Они помогли нам, а не себе, нашему русскому делу, а не польскому. Поляки связали нас крепчайшими неразрывными узами с нашими родным братьями, населяющими десять западных губерний, которых мы не предадим ни за что на свете, - а без них, без этого временного литовского завоевания, Польша, стесненная немецкими племенами со всех сторон, существовать отдельно политически не может».

Погодин М.П. Письмо к историкографу Богемии Палацкому. 1864.

3.18. «Было время, что я желал полякам отдельности, независимости, автономии, но теперь это сделалось, по крайней мере, надолго, невозможным». *Погодин М.П. О книге г-на Шедо-Ферроти. 1864.*

3.19. «Поляки хотят воскресить мертвую Польшу, почти сто лет уже погребенную, и не только воскресить, но, не имея угла, где приклонить свою голову, хотят еще возвратить себе те чужие страны, которыми они когда-то владели; они хотят отнять у России *западные губернии*. По какому же праву? По праву старого завоевания. Если говорить о завоевании, то ведь мы отвоевали у вас эти губернии; нам принадлежат они, следовательно, по праву нового и, наконец, новейшего завоевания. Станете ли доказывать правом давности, правом древнего владения, так мы владели ими прежде и дольше вашего. Сами же вы провозглашали в начале восстания 1831 года, что права народов неотчуждаемы. Если польские новые неотчуждаемы, то древние русские кольми паче!» *Погодин М.П. Польское дело. 1865.*

*В) Образ Речи Посполитой и поляков в русском общественном сознании
конца 50-х – 60-х годов XIX века*

3.20. «Судьба, совесть указывают, что надо обделать – надобно восстановить Польшу! Это было бы разом актом великого покаяния и актом великой государственной мудрости. С той минуты, когда из варшавской цитадели, осененной польским знаменем, выйдет последний русский солдат, - Галиция и Познань будут с ней, и кровавое преступление двух немцев и одной немки сотрется с имени русского. У истории своя месть. Терзая Польшу, отнимая у ней то клочья земли, то торжественно данные законы, то язык, то детей, то взрослых, вырастив на польских жертвах и слезах целое поколение злодеев и доносчиков, правительство спутало ноги и руки не ей, а себе, - приковав себя преступной солидарностью к Австрии и Пруссии. Пусть же Россия покается! Пусть восстановит Польшу – с её законами, с её войском, с тем управлением, которое она хочет». *Герцен А.И. Война и мир. 1859.*

3.21. «Сильная, независимая Польша как союзница гораздо выгоднее, чем Польша четвертованная, оскорбленная, ненавидящая... Независимость Польши – наше освобождение! Наши головы клонятся под тяжестью преступлений, совершаемых руками нашими, и будьте уверены, что мы не меньше желаем освободиться от Польши, чем Польша желает освободиться от нас. В тот день, когда Польша будет независима, мы бросим покров на страшные улики... и пойдем твердым шагом вперед, отрекаясь от гнусного прошедшего, попирая ногами вчерашние кумиры, – твердым шагом пойдем осуществлять наше будущее, разрушая по дороге эту империю, составляющую бедствие шестой части земного шара, раздирая этот камзол каторжного, надетый на плечи исполину, пока он спал». *Герцен А.И. Из статей «Колокола». 1861–1863.*

3.22. «Польша, представительница юности и доблести старого мира, последний веночек живых цветов на латинском кресте. Польша, не знающая пределом преданности, отдающая четвертого сына после трех падших, пятого после четырех – мужественная, неуловимая, исходящая кровью, гибнущая здесь и возрождающаяся возле. В ней апотеоза Запада, в ней великая и честная кончина старого мира». *Герцен А.И. В вечность грядущему 1863 году.*

3.23. «С поляками мы не хотим иметь ровно ничего общего, кроме того, что имеем общего и с китайцами, и с англичанами, и со всякими другими народами». *Чернышевский Н.Г. Национальная бестактность. 1861.*

3.24. «Не для одной Польши, но точно так же и для самой России было бы очень полезно, когда бы нынешние беспокойства в Царстве Польском успокоились развитием дружеских чувств к русским в поляках».

Чернышевский Н.Г. Национальная бестолковость. 1861.

3.25. «Вам нечего дорабатываться вновь до своего собственного государства, которое и физически невозможно при запутанности отношений с этнографической стороны вопроса. Нам с вами невозможно размежеваться... Не лучше ли вам помириться с нами искренно и без задних мыслей отречься от всяких повстаний, решиться действовать лишь вполне легально и получить затем полный простор в ваших языке, вере, культуре».

Кавелин К.Д. Из письма. 1859.

3.26. «Во всеобщее восстание в Польше я никогда не поверю. Государь вполне прав, приписывая новые события не всей Польше, а партии».

Кавелин К.Д. Из письма. 1863.

3.27. «Трудно себе представить, чтобы нация согласилась на ничтожество в ту минуту, когда она более, нежели когда-нибудь получила право на историческое существование».

Стасюлевич М.М. Письмо П.А. Плетневу. 1863.

3.28. «С новым царствованием опять открылась для них новая эра. Ссылённые были возвращены; административная автономия дарована. Рука об руку с возрожденною Россией поляки могли идти путем правильного и постепенного гражданского развития... И вдруг подпольная сила низвергла все эти начинания. При этом были пущены в ход такие средства и орудия, которые не могли не возмущать всякую благородную душу... Надеюсь, что и впредь мы не сделаем ни малейшей уступки, готовые дать отпор всякому нападению...

Малейшая конституционная уступка есть оружие, данное врагам России. Нельзя Польше дать прав, не давши их вместе и России, а это произвело бы хаос... Это было бы величайшее безумие, единственное, что могло Россию перевернуть вверх дном».

Чичерин Б.Н. Из писем. 1863.

3.29. «Велёпольский стоял совершенно одиноко, не понятый и проклятый своим народом!.. Польское общество до самого конца жизни Велёпольского так и не поняло! Оно не поняло его и теперь, долго спустя после его смерти. Недаром русские... в начале XVII столетия прозвали поляков, блестящих, но поверхностных, “безмозглыми”. Когда мы приехали в Варшаву и стали вводить свои либеральные реформы, стали приискивать людей, могущих их осуществить, мы встретили глухое и сильное противодействие во всех слоях общества. Мы работали для того, чтобы заставить этих безмозглых поляков принять их собственное счастье, и работали так тщетно!»

Киреев А.А. Дневник. 1860-е гг.

3.30. «Следовало бы провозгласить начало народности... и на основании этого начала объявить полякам, что за пределами Царства везде, где народ православный и русский, им не владеть ни аршином земли; вывести из Царства все войска и стать по границе, а поляков Царства Польского предоставить их участи... Через пять лет они бы перерезались и пришли бы просить у царя быть им королем, или же начали бы с нами войну и мы бы их поколотили. Но тогда правда была бы на нашей стороне. А теперь мы неправы, погрешивши разделом Польши...

Мы убеждены, что если бы найдено было средство услышать разумный голос самой страны, этот голос поднялся бы не за отделение и не за восстановление, а предложил бы

такую меру, такую комбинацию, которую Россия могла бы принять без ущерба для своей безопасности; факт насилия, положим, и мнимый, но признаваемый таковым поляками, был бы упразднен, и соединение Польши с Россией скрепилось бы добровольным решением самой польской нации».

Аксаков И.С. Письмо брату Григорию. 1861.

3.31. «Безумные поляки! Как спешите вы проиграть ваше дело! Как торопитесь вы затушить всякую искру сочувствия, которую могла бы зажечь в единоплеменных вам братьях ваша любовь к родине! Неужели вы так глухи, так слепы, неужели вы думаете, что в пространной русской земле от Камчатки до Карпат, в Великой, Малой, Белой, Червонной Руси, найдется хоть один русский, который бы не загорелся огнем негодования при таких лживых и наглых ваших притязаниях! Который бы не отдал жизнь в борьбе с вами, за сохранение наших древних русских областей, нашего трижды святого, прекрасного Киева!.. Или тщетны были для вас все уроки истории, и вас ничто исправить не может? Вам по-прежнему нипочем права чужих народов и их народная воля; надменный шляхтич, ругавшийся над верою нескольких миллионов руссов, называвший её *холопскою* и русский народ – *холопами* Польши, видно ещё жив в вас, и как прежде сгубил, так и теперь, безумный, губит дело своей родной земли! Мы оставались чужды доселе вашей тяжбе с правительствами, но вы хотите возобновить международную тяжбу и воскресить вражду, которую сострадание к вам начинало изглаживать в сердцах наших! Несчастные, несчастные, безумием, как Божьей карой, пораженные поляки!»

Аксаков И.С. Из газеты «День». 1861.

3.32. «Поглотить Польшу Россией, обрусить ее, слить с Россией в безразличном единстве... может быть, это было бы и желательно, но невозможно, а главное – в высшей степени невыгодно для России. Это значило бы вогнать себе Польшу внутрь, Польшу не переродившуюся, а такую, какая она есть, Польшу шляхетскую, католическую, раздраженную, мстящую, враждебную... Это значило бы наводнить Россию новыми миллионами политических пролетариев».

Аксаков И.С. Из газеты «День». 1864.

3.33. «Посмотрите на Западный край, на Польшу, в которой успех православной пропаганды легко порешил бы все те тяжелые, мучительные вопросы, которые представляются каждому, знакомому с этими краями. Латинская Польша не может не быть нам враждебна, но православная может нам быть родною, даже и оставаясь верною польской народности».

Аксаков И.С. Отчего так нелегко живет в России? 1865.

3.34. «Кто изменил народности и вере в Западнорусском крае? Единственно западнорусские высшие классы, только одни они, не больше, они и ополячились и окатоличились. Кто погубил Польшу и судьбы польского народа? «Консервативный общественный элемент», то есть польское дворянство, магнаты и шляхта».

Аксаков И.С. Еще о лженародности. 1865.

3.35. «Польша приняла в себя все элементы Западной Европы, чуждые её народной субстанции, приняла их не как свои, природные, а как общечеловеческие вследствие свободного выбора и сознательного усвоения. Она отдала себя в услужение Западной Европе и умерла на службе, умерла как польская земля».

Самарин Ю.Ф. По поводу книги «L'église officiel et le messianisme par Adam Mickiewicz». 1849.

3.36. «Из всех когда-либо занимавших Европу вопросов, польский едва ли не самый запутанный и сложный. Это оттого, что он слагается из *трех вопросов*, по существу своему *различных*, несмотря на их тесную связь. Поляки – как народ, как особенная стихия в группе славянских племен. Польша – как самостоятельное государство. Наконец, Польша, или точнее: полонизм – как просветительное начало, как представительство и вооруженная пропаганда латинства в среде славянского мира. Эти три понятия беспрестанно смешиваются и переходят одно в другое. Вся политика поляков заключается в их *отождествлении*; наша политика – в их *разъединении*...

Польша была и перестала быть государством. Она имеет богатую политическую историю, в которой мы видим эпохи зарождения, возрастания, могущества, упадка и разложения... Для восстановления прочной политической независимости Польши необходимо принести ей в жертву около трех с половиной живых народностей, отличающихся от польской – языком, вероисповеданием, обычаями, целым складом общественной жизни и глубоко ей враждебных по всем историческим преданиям. Вот куда мы зашли, исходя из начала о полноправии народностей и следуя по пятам за польскими публицистами! ...По свидетельству беспристрастнейших из польских историков и публицистов, две причины сгубили их родину: польский гонор не мирился с мыслью о равноправности белорусов и малороссиян с поляками, а иезуитизм не мог допустить рядом с собою православной церкви... Польша – острый клин, вогнанный в самую сердцевину славянского мира с целью расколоть его в щепы... Один говорит вам: история Польши представляет борьбу славянской народной стихии с латинским просветительным началом; другой договаривает: и попытку примирить их сделкою; да, прибавляет третий, но нельзя не сознаться, что всякий раз, когда латинство брало перевес, звезда Польши бледнела и гасла... Далее самоубийства ни отдельное лицо, ни народ идти не может. Польша дошла до этого предела, но переродиться в племя неславянское, изменить свою природу или поменять её на другую, она всё-таки не смогла... Дело в том, что в складе не только русской, но и польской жизни, насколько она сохранила отпечаток славянства, Европа встречает какую-то темную, загадочную сторону, какие-то для неё необъяснимые требования и одинаково необъяснимую неспособность удовлетвориться теми началами и формами общежития, в которых улеглась латинская природа...

Как две души, заключенные в одном теле, славянство и латинство вели и доселе ведут внутри самой Польши борьбу непримиримую, на жизнь и смерть. В ней-то и заключается глубокий трагический интерес польской истории, и от неведомого её исхода зависит будущность Польши. Это не международная, а внутренняя, домашняя её тяжба, вопрос народной совести... Окончательное разрешение польского вопроса, такое разрешение, которое бы удовлетворило поляков, *немыслимо без коренного, духовного их возрождения*. Нужно, чтобы Польша отеклась от своего союза с латинством и, наконец, помирилась бы с мыслию быть *только собою*, то есть одним из племен славянских, служащим одному с ними историческому призванию; нужно, с другой стороны, чтобы Россия решилась и сумела сделаться *вполне собою*, то есть историческим представительством православно-славянской стихии...

Необходимо локализовать политический вопрос о Польше в пределах Царства, подрезав в наших западных губерниях и на Украине все корни полонизма и обеспечив преобладание русской и православной стихии над латино-польскою».

Самарин Ю.Ф. Современный объем польского вопроса. 1863.

3.37. «Борьба наша с Польшей не есть борьба за политические начала, это борьба двух народностей, и уступить польскому патриотизму в его притязаниях – значит подписать смертный приговор: русский народ еще жив и сумеет постоять за себя. Если борьба примет те размеры, какие желал бы придать ей польский патриотизм и наши заграничные порицатели, то не найдется ни одного русского, который бы не поспешил отдать свою жизнь в этой борьбе».

3.38. «Польше дана была полная автономия, и её национальность обеспечивалась льготами, о которых она не мечтает ни в Пруссии, ни в Австрии: вот что случилось. А что потребовалось? Потребовалась полная самостоятельность Польши с конституцией 1815 года и с пол-Россией в придачу; потребовалось отнять у России не только значение великой державы, но и всякое политическое значение, так чтобы годовщина её тысячелетнего существования превратилась для неё в похоронную тризну... Забывают, что польского народа нет в действительности, что есть только польская шляхта, что польская национальность ищет не свободы, а преобладания и владычества, что польское государство не может удовлетвориться теми размерами и тем значением, какие было бы нам угодно дать ему, что всякая уступка в этом смысле была бы не разрешением вопроса, а новым затруднением и осложнением его, что всякая уступка в этом смысле сопровождалась бы соответственным ущербом для России и не удаляла бы, а, напротив, приближала бы европейскую войну. Европейские державы, поколебав наше значение на Востоке, были бы не прочь довершить начатое и восстановлением Польши низвести нас со степени великой державы. Нет, не западные наши губернии мы должны отстаивать, о них и речи быть не должно, — мы должны энергически отстаивать свои права относительно Царства Польского...

Хотим ли мы удовлетворить нынешним притязаниям польского патриотизма и пожертвовать ему существованием России? В таком случае надобно нам выводить из Царства Польского войска, отступать всё далее и далее к Уральскому хребту и готовиться к мирной кончине...

Польские магнаты для восстановления своей независимости или, лучше сказать, для перенесения своего подданства от России к Франции стали союзниками Наполеона в его усилиях поработить все народности Европы. Если бы эта отчаянная попытка удалась, Польша, вероятно, приобрела бы от России всё, на что она предъявляет свои притязания, и Россия была бы откинута назад, в пределы полуазиатского владения, а Польша под покровительством Франции стала бы обширнейшим государством восточной Европы. Но этим грёзам наяву не дано было осуществиться. Судьба битв, к которой обратились поляки, решила дело не в их пользу. 1812 год, принесший жизнь и свободу многим народам, был смертным ударом для надежд Польши. Россия, подвергшаяся нападению без малейшего повода со своей стороны и спасенная преданностью, которой ничего подобного не представляет история, овладела страной, готовившей ей пагубу, овладела на основании самого чистого права, какое когда-либо предъявлялось завоевателем. Самое лучшее, чего в настоящее время может ожидать Польша, есть благоустроенное положение под русскую державой... Был ли хоть один русский патриот, который не желал бы Польше благоустройства наравне с Россией?

...Дело русской Польши есть внутреннее дело России... Установив общность военного и финансового управления и соединив Польшу с Россией общими политическими правами, при самостоятельности внутреннего польского управления, мы не стеснили бы особого национального развития Польши, а вместе с тем положили бы прочное основание ее примирению с Россией...

“День”⁴ упрекает нас, зачем мы сказали, что голос наш, при начале польского мятежа, раздавался одиноко. Он видит в этом похвальбу, и тут же с жаром обращается к публике, настаивая, что и он имеет право участвовать в этой похвальбе. Боже мой! Есть чем хвалиться! Хвалиться тем, что русские журналы подняли голос в защиту русского дела! Не хвалиться этим можно, а огорчаться при мысли о печальном явлении, которое действительно представляла наша журналистика в то время, когда понять голос в защиту русского дела казалось со стороны русского удивительною отвагой. Мы помним, как приятели поздравляли нас за первые статьи наши по польскому делу, как удивлялись нашей смелости! И это посреди Русского Царства! Кто видел нас в те, слава Богу,

навсегда прошедшие минуты, тот знает, радостно ли было у нас в душе и о лаврах ли мы помышляли...

Оставлять за Польшей какую-либо политическую особенность значило бы понапрасну питать в польской национальности несбыточные надежды на восстановление польского королевства и тем поставлять ее в враждебные отношения к России, делать ее смертельным нашим врагом, и подготавливать для будущего возможность новых восстаний, новых кровопролитий...

Но что теперь составляет величайшую опасность для России, политическая самостоятельность Царства Польского, то потеряет всякую вредоносную силу когда западный край сделается тем, чем он должен быть – вполне русским краем...

Пока каждый политический человек из поляков имеет в виду сепаратизм, пока различие между умеренными и неразумными заключается только в том, что первые способны действовать постепенно и мало-помалу укреплять свою позицию, к чему последние неспособны, до тех пор, само собою разумеется, только умеренные и могут причинить серьезный вред, потому что только они способны скрывать свои отдаленные планы и пользоваться всякою уступкою, всяким успехом, чтобы идя шаг за шагом понемногу приблизиться к своей цели, то есть к войне за восстановление Польши...

Если бы поляков было вдвое более в наших западных и юго-западных губерниях, если бы поляки были еще враждебнее расположены к нам, – большой беды в этом не было бы. Но польская национальность не стоит здесь против русской как стена против стены, а лежит на русской, как слой на слое. В первом случае она была бы только партией, которая сверху донизу встречала бы деятельных противников; теперь же она есть привилегированное состояние, обладающее землею, богатством, всеми отличиями и преимуществами высших общественных классов... Пока русские элементы в дворянстве западного края будут столько же слабы как теперь, до тех пор примирение польской народности останется мечтой, не только несбыточною, но и крайне вредною; до тех пор никакого другого управления не может быть в западном крае кроме диктатуры, и чем суровее будет эта диктатура, тем менее будет жертв».

Катков М.Н. Из передовиц «Московских ведомостей». 1863.

3.39. «Что порождает вражду, возбуждающую поляков против русских? Постараемся вникнуть в настроение поляков, перенесем себя в их положение и будем смотреть с их точки зрения. Очевидно, кроме причин космополитических и национальных, в эту вражду входит еще один элемент, который, как нам кажется, весьма существенно определяет дело. Поляки возбуждены против нас так же, как народ образованный против народа менее образованного, или даже вовсе необразованного. Каковы бы ни были поводы к борьбе, но одушевление борьбы, очевидно, воспламеняется тем, что с одной стороны борется народ цивилизованный, а с другой – варвары... Польша от начала шла наравне с остальною Европою... А мы? Что такое мы, русские? Не будем обманывать себя; постараемся понять, каким взглядом должны смотреть на нас поляки и даже вообще европейцы. Они до сих пор не причисляют нас к своей заповедной семье, несмотря на наши усилия примкнуть к ней. Наша история совершалась отдельно; мы не разделяли с Европою ни ее судеб, ни ее развития...

Понятно, что поляки должны смотреть на нас с высокомерием; понятно, что под влиянием враждебных отношений их высокомерие должно усилиться тысячекратно, дойти до последней возможной границы. Этот элемент неизбежно и постоянно присутствует в этом вековом раздоре: он составляет один из самых глубоких и чистых его источников и придает усилиям и борьбе поляков бесконечно-героический характер... Поляки со всю искренностью могут считать себя представителями цивилизации и в своей вековой борьбе с нами видеть прямо борьбу европейского духа с азиатским варварством.

Что же мы скажем против этого?.. Что же мы скажем теперь в свою пользу?.. Мы должны были бы доказать: 1) Или то, что мы не варвары, а народ, полный сил цивилизации. 2) Или то, что цивилизация поляков есть цивилизация, носящая смерть в самом своем корне.

Легко согласиться, что и то и другое доказывать очень трудно... Кроме нас, русских, никто не поверит нашим притязаниям, потому что мы не можем их ясно оправдать, не можем выставить никаких очевидных и для всех убедительных признаков, проявлений, результатов, которые заставили бы признать действительность нашей русской цивилизации. Всё у нас только в зародыше, в зачатке; всё в первичных, неясных формах; всё чревато будущим, но неопределенно и хаотично в настоящем. Вместо фактов мы должны оправдываться предположениями, вместо результатов надеждами, вместо того, что есть, тем что будет или может быть... мы должны положиться именно на народ и на его самобытные, своеобразные начала. В европейской цивилизации, в цивилизации заемной и внешней, мы уступаем полякам; но мы желали бы верить, что в цивилизации народной, коренной, здоровой мы превосходим их или, по крайней мере, можем иметь притязание не уступать ни им, ни всякому другому народу...

Что касается до поляков, то им предстоит также трудная задача. Очевидно, они должны отказаться от той доли своей гордости, которая опирается на их высокую цивилизацию. Даже в том случае, когда бы Польша была независима, поляки должны подавить в себе то надмение, которое им внушает их образование: иначе они никогда не будут в силах заглушить в себе то мучительное чувство, которое возбуждает в них большее могущество России или выход областей из-под польского влияния.

Только таким образом возможно примирение и разрешение этого внутреннего узла в роковом вопросе. И обратно: если эти условия не будут выполнены, трудно представить, чтобы можно было избежать дальнейших бедствий. Если Россия не содержит в себе крепких духовных сил, если она не проявит их в будущем в ясных и могучих формах, то ей грозит вечное колебание, вечные опасности. Если Польша не откажется от гордости своею образованностью, то она неминуемо должна будет напрягать свои силы свыше меры, будет постоянно питать требования, которых удовлетворенье чрезвычайно трудно или даже невозможно».

Страхов Н.Н. Роковой вопрос. 1863.

3.40. «Польский мятеж разбудил и отрезвил нас, точно так, как будит и отрезвляет размечтавшегося человека голая действительность, вдруг дающая себя сильно почувствовать. На место понятия он поставил факты, на место отвлеченных чувств и идей – действительные чувства и идеи, воплощенные в исторические движения; на место воззрений – события, на место мыслей – кровь и плоть живых людей.

В нас пробудилось и заговорило все громче и громче чувство своей народности. Это была правильная и неизбежная реакция народного организма. В самом деле, у нас нет и не может быть вопроса, который бы до такой степени возбуждал наше народное чувство, как польский вопрос. Чтобы отразить другого неприятеля, даже Наполеона с его двадцатью язык, нужна была только армия, и даже со стороны народа только внешние усилия, внешние действия защиты. Чтобы порешить дело с Польшею, все наши внутренние силы, весь наш исторический организм, с его зачатками и зрелыми формами, должен вступить в борьбу, пойти в сравнительную оценку и тяжбу с ее организмом и ее силами.

И вот, когда мы увидели, в чем состоит наше оружие, что имеет цену в этой борьбе, то мы научились дорожить всеми нашими народными элементами; мы стали их высоко ставить и приобрели веру, что вместе с вещественным преобладанием над Польшею, мы имеем над нею и нравственный перевес».

Страхов Н.Н. Славянофилы победили. 1864.

3.41. «Разве не ложь сравнивать цивилизацию высшего класса Польши с цивилизацией русского народа вообще? Разве не ложь говорить, что поляки с целью распространить

цивилизацию завладели Украиной и Москвой? Странно, что с подобной благородной жаждой относительно *чужих* народов поляки со своими собственными крестьянами обращались как со скотами. Неужели поляки считали средством цивилизации отдачу на откуп жидам церковью Малороссии? Никогда Польша *вся* не восставала; восставала только шляхта и ксендзы, а масса народа, т.е. крестьяне, никогда не сочувствовали панам, потому что раб своему угнетателю сочувствовать не может. Вся история Польши доказывает, что этот цивилизованный народ никогда не имел политического такта, а варварская Россия еще в 1612 г. доказала, что в высшей степени обладает этим тактом».

Петерсон К.А. По поводу статьи «Роковой вопрос» в журнале «Время». 1863.

3.42. «Цивилизация в Польше была цивилизацией общества высшего и лишена была земского элемента... Александр I во имя уважения к польской цивилизации дал полякам высшее устройство, чем русским, считая русских гораздо ниже образованных поляков... Европейская цивилизация, которая есть плод Европы и, в сущности, на своем месте в Европе, - в Польше (может быть, именно потому что поляки славяне) развила антинародный, антигражданский, антихристианский дух. Она развила у них преимущественно католицизм, иезуитизм и аристократизм, да тем и порешила. Мало того: нигде, может быть, католицизм не получали такой степени прозелитизма, как в Польше... У них вся цивилизация обратилась в католицизм, а мало ли они жгли да кожи сдирали с русских за католицизм? Мало ли они донимали нас, плевали на нас как на хлопков и за людей нас не считали? Из-за чего это было, как думаете? Именно из католической пропаганды, из ярости уловлять прозелитов, из ярости ополячить и окатоличить. Ясное дело, что народ, который за людей не считает людей другой веры, не уважает ничего так высоко, как себя и свою веру, а следовательно, и способен употребить всё, чтобы обратить всех в свою веру. Обращенные русские дворяне становились тотчас же панам, а прочие были только хлопами... Я-то, положим, не нахожу ничего, чем поляки могут славиться, - но в том-то и трагедия, что поляки верят в эту ядовитую свою цивилизацию слепо. Как в величайшую славу свою верят».

Достоевский Ф.М. По поводу ответа «Московских ведомостей» на статью «Роковой вопрос». 1863.

3.43. «Россия, защищаясь, взяла Польшу. Если б не взяла она Польшу, то Польша взяла б родовое наше. Мало того, взяв, Россия тотчас раскаялась. Александр Благословенный, и сама возбудила стремления по Днепр и т.д. Приняла ли Польша это как милость, как материнское дело России? Как бы не так. Польша есть пример политической неспособности жить между славянскими племенами. Да зачем они нам? Единение высшее духовное».

Достоевский Ф.М. Записная книжка к «Дневнику писателя». 1876.

3.44. «Уже в XIV веке Польша представляла общество вполне развитое, созревшее под влиянием Запада, проникнутое всеми началами его жизни. Деятельность ее должна была обратиться на восток, на русскую землю. Это было неминуемым последствием истории обеих стран: ибо коль скоро польский народ всецело отдался западноевропейской жизни, коль скоро те идеи, которые владели западным миром, идеи католицизма, рыцарства, латинской образованности, вошли в кровь и плоть поляков и сделались для них высшим идеалом человечества (а эта вера живет в поляках до нынешнего дня), - то нести этот идеал, нести католицизм, рыцарство, латинскую образованность другим славянам, их чуждавшимся, становилось священным заветом польского народа...

Если западная жизнь, со всеми ее стихиями, религиозными и общественными, есть действительно высший идеал человечества; если славянское племя призвано войти всем своим организмом в состав латиногерманского мира; если оно, пока не сольется с ним внутреннюю жизнь, должно оставаться жертвою мрака и зла, - то польское дело есть,

очевидно, дело исторически правое; польская пропаганда должна быть признана благодетельницей славянского народа, еще чуждого западной жизни, и история не может не дать окончательно торжества Польше и польским идеям во всем славянском мире. Так думали и думают большая часть поляков...

Что, если славянское племя должно и действительно имеет силу стремиться не к подчинению стихиям латиногерманской Европы, а, напротив, к внутренней самобытности? Что, если темная масса русского народа оказалась убежищем и хранилищем возможной, духовной и общественной, самобытности славянского племени? Как представилось бы в таком случае историческое дело Польши? В таком случае мы (не обвиняя, разумеется, в частности, ни прежних поколений польских, ни поляков, современников наших, ибо это невольный плод исторической судьбы), сказали бы, что Польша совершила историческую измену славянскому делу, что в прошедшем казавшееся столь близким торжество польского владычества в русской земле убило бы всю будущность славянского племени и что, в настоящем поляки, вооружающиеся во имя преданий своей прежней истории против русской земли, тем самым ратуют против исторической будущности славянского мира. И таков именно *наш* взгляд на эту борьбу...

При Петре Великом русская земля окрепла уже до такой степени, что для нее сделалось возможным принять западную науку и образованность, не отказываясь не только от своей внешней независимости, но и от внутренней самобытности своей жизни... Русская земля воспользовалась плодами западной цивилизации, и с этим не вошла, подобно Польше, в состав латиногерманского мира, не потеряла начал своего самобытного славянского развития. Дело Польши в русском мире, как сказано, устранялось реформой Петра Великого, и заметьте, как ясно засвидетельствовала о том сама история. Петр был первый из русских царей, который ни разу не воевал с Польшею, и первый, который хозяйничал в ней, как у себя дома: так бессильна стала Польша перед Россией, как скоро Россия овладела сама последним орудием ее прежнего обаяния – западную образованность...

Они [поляки] сражаются под знаменем народности и вместе с тем отрицают права народности 10-миллионного славянского же народа на Руси, стремясь к восстановлению господства над ним польской национальности. Они считают себя демократами и, чтобы привлечь этот народ к себе, обещают ему материальную свободу, но с тем вместе несут с собою нравственное закрепощение белоруса, малоросса, литвина аристократическому меньшинству польскому, поселившемуся в их земле. Вот это-то внутреннее противоречие и составляет бессилие польского дела...

Хотя Польша тяготит нас как источник внутреннего для нас самих противоречия, отделаться от нее, отдать ее мы не можем, если ее не вырвет у нас война... Всякому очевидно, что мы не можем отдать Польшу вследствие существующих притязаний поляков на обладание западною Русью. Отдать Польшу полякам с предоставлением ей полной независимости значило бы, через год или два, видеть вторжение польского войска в западные губернии и быть поставленными в необходимость снова завоевывать польскую землю... Кровь не лилась бы теперь от польского восстания, если бы с самого начала Екатерина II или ее ближайшие преемники возвратили гражданскую свободу и восстановили общественное значение русской народности в западной Руси; да и давно бы не было, в таком случае, помину о польском вопросе... Разве мы не платим, в настоящее время, за вину тех поколений, которые, презрев русскую народность в западной Руси, оставили ее под ногами польской шляхты и тем, питая притязания поляков на возвращение «забранного края», сделали установление каких бы то ни было нормальных отношений между Россией и Польшей также невозможными как квадратура круга? Источник польского вопроса находится в западных губерниях, в господстве там польского шляхетского меньшинства над русскою народностью, и только когда этого господства не станет и надежда его возвратить пройдет, только тогда, говорим мы, но не прежде, польский вопрос перестанет быть неразрешимым... Без России Польша никогда не обновится».

Г) Религия, язык или политика? Трансформации образа Польши
в русском историческом сознании последней трети XIX века

3.45. «Цель русской политики есть пересоздание Царства Польского, не обрусение его административными средствами, но создание в нём сильной народной, то есть польской, но такой среды, которая была бы союзницею обеспечивающего её благосостояние правительства...»

Отказавшись примирить поляков, Россия отдаст часть Царства Пруссии...

Поляки стоят перед выбором: онемечение или искреннее примирение с Россией, готовность признать себя окончательно солидарными с ней, намерение стать русскими в смысле политическом, сохраняя себе полное право на национальную особость».

Полонский Л.А. Из журнала «Вестник Европы». 1872.

3.46. «В Польше за правительство крестьяне-мазуры, а не дворянство... Правительство наше сначала опиралось больше на дворянство польское, чем на народ. Дворянство это взбунтовалось, и правительство обратилось к народу».

Леонтьев К.Н. Панславизм и греки. 1873.

3.47. «Из всех славян только поляки и русские жили долго независимой государственной жизнью, и потому у них и накопилось, так сказать, и удержалось больше своего собственного, чем у всех других славян (повторяю еще раз, что я не настаиваю здесь, худо ли или хорошо это собственное; я только заявляю, напоминаю реальные данные). Уже одно существование своего национального дворянства и у поляков, и у русских отличает их резко от всех других славян. Русское служилое сословие и польская шляхта очень несходны своей историей; они лишены теперь почти всех своих существенных привилегий, но впечатления исторического воспитания в детях этих двух сословий проживут еще долго. Аристократии истинно феодальной, наподобие западноевропейской, не было ни у поляков, ни у русских; аристократии, в смысле какого бы то ни было резко привилегированного класса, у них теперь вовсе нет, ни у русских, ни у поляков; есть нечто общее, несмотря на все их противоположности и несогласия: это *сословное воспитание нации, которого следы слабее у австрийских славян и которого вовсе нет в нравах у славян турецких*... Польское дворянское сословие, вельможи и шляхта, остаются до сих пор представителями своей нации: они свершают все национальные движения полонизма».

Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. 1876.

3.48. «До 1863 года и Польша, и Россия – обе внутренними порядками своими гораздо менее были похожи на современную им Европу, чем они обе стали после своей борьбы за национальность».

Леонтьев К.Н. Национальная политика как орудие всемирной революции. 1888.

3.49. «Соседям выгодно было поддерживать старинную польскую шляхетскую вольность, потому что такой государственный строй вел Польшу, рано или поздно, к гибели и давал надежды на возможность сделать приобретение в эпоху неизбежного падения Польской республики... Свободный республиканский строй никуда не годится в то время, когда нужно бывает изменять судьбу страны и дух ее народа, вырывать с корнем вон старое и насаждать новое. Понятно, что, привыкши к старому порядку вещей, участники правления не расстанутся с тем, что считают добрым и выгодным. Подобный пример наглядно высказался в Польше: страна эта никак не могла выбиться из-под нравственной плесени, потому что ее полноправные граждане, люди, решавшие судьбу своего края, дорожили

старинною и не могли спеться между собою, когда приходилось для общей пользы жертвовать выгодами, в которых многие лично были заинтересованы».

Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. 1876.

3.50. «Нечего обольщать себя... розовыми надеждами (на примирение поляков с русскими на религиозной почве). Вся история латинства у них представляет постепенное развитие ретроградного направления, и чем ближе к нашему времени, тем это направление становится более общим и могущественным. Вспомним, какая светлая заря новой жизни зарождалась в религиозной польской жизни в XVI веке. Лучшие польские люди, не только светские, но и духовные, с краковскою академией во главе, упорно отстранялись от ультрамонтанских постановлений Тридентинского собора и внимательно прислушивались к речам Ореховского и особенно Моджевского о необходимости для поляков славянского богослужения и приобщения мирян чашей. И что же? Один человек, папский нунций Коммендоний сумел не только сокрушить противодействие поляков Тридентинскому собору и заглушить речи о славянской литургии, но даже расчистить в польском государстве почву для иезуитов. Кто теперь из поляков решится вспомнить речи Ореховского и Моджевского и возобновить их дело? Многие ли из них даже знакомы с этими именами? ...Или вспомним дела, более близкие к нам. Во времена Екатерины II у поляков было стремление к сближению с Россией; по крайней мере, были признаки этого в религиозной сфере латинской западной России. Римско-католическая коллегия в Петербурге и деятельность латинского митрополита Сестренцевича служат слабым напоминанием о зародившемся тогда желании русских латинян ослабить цепи, связывавшие их с папой, и усилить связь с их новым отечеством – Россией. Но что же из этого вышло в ближайшее затем время? Латинские глумления над западно-русскими униатами, двенадцатый год и список ксендзов, участвовавших в смутах 1831 и 1862-63 годов, служат вопиющими доказательствами всегдашнего преобладания в поляках фанатического, ультрамонтанского направления... в нашем русском латинстве слишком глубоко въелось ультрамонтанское направление, а при господстве такого направления не может быть никакой серьезной речи о примирении между нами и поляками, и все попытки вести эту речь помимо религии окажутся пустою мечтою. Вот факты, с которыми, по нашему мнению, нужно прежде всего считаться, когда мы заводим речь о примирении с поляками».

Коялович М.О. О примирении с поляками. 1880.

3.51. «Мы признаём несомненное право польского народа на самобытное существование... но лишь под тем условием, чтобы и поляки руководствовались теми же славянофильскими “народническими” теориями... Но... они не только требуют для себя свободы, они требуют ещё *властвования над другими*... в том числе над без малого 15 миллионами русских!.. Согласись сегодня поляки ограничить свои требования этнографическими своими границами, и мы завтра же сделаемся их друзьями!

...Пока поляки отстаивают себя как этнографическую единицу... *они правы, желая говорить по-своему, молиться Богу по-своему*... Но, желая поработить русских в Западном крае, они из правых превращаются в неправых, и тут мы не только *имеем право, но и обязаны противодействовать им самым решительным образом*».

Киреев А.А. Краткое изложение славянофильского учения. 1896.

3.52. «Мнимо-могущественная Речь Посполитая, с населением в 15 миллионов уступавшая только России, пала без войны, без боя... Между народом польским и правящими классами (панами и духовенством) был полный разлад, была пропасть, народ не участвовал в борьбе. *Правительство* польское победить было нетрудно – его и победили!»

Киреев А.А. Письмо в редакцию «Русского обозрения». 1896.

3.53. «Религиозность поляков имеет чисто политический характер... Лютейшие наши враги были не столько поляки, сколько иезуиты. Не замешайся тогда в дело папская гвардия – мы с поляками размежевались бы давно и полюбовно. Не будь окатоличена западнорусская аристократия, и “польского” вопроса бы не было... Главное затруднение не в *политической* стороне вопроса, а в стороне религиозной. Не будь в нашем споре враждебного нам элемента религиозного, поляки давно бы с нами помирились, давно бы воспользовались теми мирными условиями, скажу – *теми благами*, которые мы им двукратно предлагали в 1815 и в 1862 гг.

...Польский вопрос лежит тяжким камнем на пути исторического развития России, а стало быть, и всего славянства. Единственный способ его решения... славянофильский, иного решения... нет и быть не может! Ни *преступное* желание некоторых (к счастью немногочисленных) русских лишить польское племя его *законного* права на свободное, самостоятельное развитие, ни *детски-наивное* стремление некоторых (к несчастью, ещё не малочисленных) поляков восстановить польское государство в границах до 1772 г. (причём должны быть лишены своей свободы около 20 миллионов православных русских!) *никогда* не осуществится... Государь признает за поляками право на язык и веру, но это не мешает смотреть на *государство* польское как на нечто совершенно и безвозвратно потерянное...

Самый *народ* польский ничуть нам не враждебен, мы можем прекрасно с ним ужиться; *да и уживаемся* с ним, пока не сцену не появляется зловещая фигура иезуита или полупомешанного политикана. Нам, русским, было бы грешно посягать на существование польского народа!.. Если мы ни под каким видом, ни в каком случае и ни при каких условиях не предадим двадцати миллионов русских, живущих в Западном крае, иезуитам и польским политиканам, не желающим отрешиться от притязаний на Вильну и Киев, то точно так же мы ни в каком случае не посягнем на жизнь польского народа».

Киреев А.А. Из статей и дневника 1880-х – 1890-х гг.

3.54. «Наша история навязала нам три великие вопроса... Эти вопросы суть: польский (или католический), восточный вопрос и еврейский. Эти три вопроса, в тесной связи между собою, суть лишь разные исторические формы того великого спора между Востоком и Западом, который проходит через всю жизнь человечества. К этим трем вопросам сводится вся наша политика, внешняя и внутренняя, сюда же входит и наша гнетущая домашняя забота – политический нигилизм, или так называемая «крамола», ибо это есть только маска польского вопроса...

История связала нас с братским по крови, но враждебным по духу народом, передовая часть которого ненавидит и проклинает нас. Чем же должны мы отвечать на эту ненависть и на эти проклятия? ...Россия должна делать добро польскому народу. Кое-что ею и сделано... В 1814 г. Россия *сохранила* Польшу от неизбежного онемечивания. Если бы на Венском конгрессе полномочный тогда император Александр I думал более о русских, нежели о польских интересах и присоединил бы к России русскую Галицию, а коренную Польшу возвратил бы Пруссии, то теперь, вероятно, нем не было бы надобности много рассуждать о Польше и поляках... Далее, через полвека после Венского конгресса Россия эмансипацией крестьян *освободила* и Польшу от того ожесточенного антагонизма между панством и хлопами, который в корне подрывал жизненные силы Польши и привел бы польскую народность к конечной гибели. Уже поднявшиеся хлопы... готовы были к поголовному истреблению панов, - и только вмешательство русской власти остановило это истребление... Но если отсутствие сложившегося культурного класса пагубно для нации, то так же, и ещё более пагубно исключительное господство этого класса над бесправным населением. Недаром популярная польская песня спрашивает панов, что у них было в голове, когда они погубили Польшу и себя с нею. Русская власть, спасая польскую шляхту от ярости поднявшихся хлопов и вместе с тем давая этим последним

гражданскую и экономическую свободу, обеспечила будущность настоящей, не панской только и не хлопской, а польской Польши.

Наконец, несмотря на несправедливость и неразумие некоторых отдельных мер, русское управление доставило Польше... такое социально-экономическое благосостояние, какого она не могла достигнуть ни под прусским, ни под австрийским владычеством. Итак, тело Польши сохранено и воспитано Россией. И если тем не менее польские патриоты скорее согласятся потонуть в немецком море, нежели искренно примириться с Россией, то, значит, есть тут более глубокая, духовная причина вражды... Дух сильнее крови; несмотря на кровную антипатию к немцам и кровную близость к русским, представители полонизма скорее согласятся на онемечение, чем на слияние с Россией. Западный европеец, даже протестант, ближе по духу поляку-католику, нежели православный русский. Являясь передовыми бойцами западного начала, поляки видят в России враждебный их духовному существу Восток, сил чуждую и темную, и притом имеющую притязание на будущность... Вражда Польши к России является, таким образом, лишь выражением векового спора Запада и Востока, и польский вопрос есть лишь фазис великого восточного вопроса... Ясно становится и значение Польши как авангарда католического Запада против России. За Польшей стоит апостолическое правительство Австрии, а за Австрией стоит Рим...

Внешнего примирения с Польшей у нас быть не может. Нельзя сойтись с поляками ни на социальной, ни на государственной почве. На социальной почве примирение, о котором так много говорили, невозможно уже потому, что остаётся неизвестным, с кем же собственно нам мириться, - ибо в социальном отношении сама Польша представляет непримиренное раздвоение между панам и хлопами... На государственной почве соглашение с Польшей невозможно потому, что здесь нас встречают со стороны поляков только одни беспредельные и ни с чем не сообразные притязания. Восстановление Польши 1772 года, затем Польши 1667 года, польский Киев, польский Смоленск, польский Тамбов – все эти галлюцинации составляют, пожалуй, естественное патологическое явление... Если ценою мира с поляками должно быть порабощение шляхте миллионов русских крестьян, то к такому миру не обязывает нас христианская политика; ради мира можно приносить в жертву материальные интересы, но не души и тела человеческие. Просящему у тебя кафтан отдай и рубаху, но что скажешь просящему у тебя детей твоих, чтобы обратить их в рабство? На этой почве с поляками не может быть и разговора. Но есть другая почва, на которую охотно станет лучшая часть польского народа и на которой мы можем и должны с ними сойтись, - это почва религиозная».

Соловьев В.С. Великий спор и христианская политика. 1883.

3.55. «Переходя от России к историческому строю Польши, мы встречаем здесь черты прямо противоположного характера. Если главный недостаток нашего строя в гражданском отношении состоит в слабости общественности, в отсутствии самостоятельного и деятельного высшего класса, то в Польше, напротив, высший класс был и есть всё. Польша и шляхта – одно и то же... При отсутствии в Польше национального городского класса, при подавленности класса сельского (к тому же наполовину не польского происхождения) шляхта представляла собою всю нацию, а при ничтожестве королевской власти в шляхте же заключалось и всё *государство*. Исключительное развитие и преобладание шляхты создало для Польши её оригинальную общественность, её своеобразную и довольно высокую культуру... Но эти социальные и культурные преимущества не помешали панам безбожно и бесчеловечно угнетать простой народ и вместо управления государством предаваться необузданному своеволию. Вся сила Польши была в шляхте, и Польша погибла. Не от того погибла, что обладала сильным дворянством, ибо это было преимущество, а от того, что ее дворянство вместо того, чтобы быть общественным классом, организованным для служения государству и для управления народом, превратилось в класс неограниченно господствующий,

закрывающий в себе само государство... [Политический строй Польши] есть не более как узаконенная анархия. Известно, что польская шляхта представляет единственный в истории пример правящего класса, каждый член которого *в отдельности* обладал всею полною государственной власти. Эта-то абсолютная самостоятельность единичного лица сделала невозможным самостоятельное существование польского государства.

Но, потеряв свою политическую самостоятельность, Польше еще не погибла: она живет своей национальной идеей, которая носит (хотя нередко в искаженном виде) особый теократический характер... После падения польского королевства поляки кой-что забыли, кой-чему научились. Забыли они беспредельность личного своеволия, забыли свое «не позволяю» и научились совокупному и организованному действию... Тем не менее для своего политического воссоздания полякам недостает самых первых необходимых условий... Вся Польша представляется одной шляхтой. Но шляхта в лучшем случае может служить полезным и важным органом в государственном и национальном теле, но никак не может образовать самое это тело. Поляки должны понять (и лучшие между ними уже начинают понимать), что это стремление частного органа стать *в своей отдельности* целым организмом есть стремление и безумное и безнравственное. Хотят освободить и возвеличить польскую нацию и для этой цели смотрят на всё остальное как на средство и на орудие. Но что если сама польская нация есть только средство и орудие? ...Воистину весь смысл и вся сила польского народа в том, что среди славянства, пред лицом Востока, он носит и представляет великое духовное начало западного мира. Погибло польское государство, погибнет и польский национализм, и все замыслы и предприятия поляков обратятся в ничто. Но не погибла и погибнет Польша, призванная к священному служению. Служить католичеству – вот высшее назначение польской нации. И первая и величайшая служба – воссоединение католичества с православием, примирительное посредничество между папой и царем, - первое начало новой христианской теократии».

Соловьев В.С. Еврейство и христианский вопрос. 1884.

3.56. «У русского народа есть брат, имеющий тяжелые обвинения против него, и нам нужно помириться с этим народом – братом и врагом... Я не хочу рассматривать здесь притязаний поляков на восстановление их старого королевства, ни тех возражений, которые русские с полным правом могут им противопоставить... Обрусить Польшу – значит убить нацию, имеющую весьма развитое самосознание, имевшую славную историю и опередившую нас в своей интеллектуальной культуре, нацию, которая и теперь ещё не уступает нам в научной и литературной деятельности».

Соловьев В.С. Русская идея. 1888.

3.57. «Польша всем своим строем выражала крайность западного индивидуализма, дошедшую до узаконенной анархии, в которой, однако, произвол каждого (*liberum veto*) был весьма далек от свободы всех, совмещаясь с угнетением диссидентов (не говоря уж о хлопах). Задачей имперской политики в Польше стало исправление обиды, защита угнетенных диссидентов не во имя исключительно вероисповедных сочувствий, а во имя более широкого, истинно имперского начала справедливой веротерпимости для всех. С этого началось, на этом опиралось и этим оправдывалось вмешательство императрицы в польские дела, приведшее к разделу Польши и к возвращению России её обширной западной окраины... Когда большая часть Речи Посполитой была присоединена к империи, пестрому населению этого края, без всякого различия народности и религии, были торжественно подтверждены все прежние права: Россия являлась здесь не как одна нация, покоряющая и подавляющая другие, а как высшая сила мира и правды, отдающая всякому свое».

Соловьев В.С. Мир Востока и Запада. 1896.

Д) На пути к примирению? Метаморфозы образа поляков и Речи Посполитой в России конца XIX – начала XX века

3.58. «Екатерина держалась иной политики: подобно Фридриху, она не стеснялась нравственными предрассудками, и успех был полный. В её извинение можно, однако, сказать, что присоединенные к России области некогда принадлежали русским князьям и были заселены русскими племенем...

Народы, которые не хотят их нести, обречены на бессилие. Пример тому представляет Польша. Правящая аристократия хотела пользоваться необузданною свободой, не принимая на себя никаких тягостей; зато она потеряла свое отечество...

Польша пала вследствие того, что правящая аристократия, опасаясь властолюбия королей, старалась по возможности умалить находившиеся в их руках военные силы... Польша пала вследствие полного отсутствия в ней политического смысла...

И в XVII-м и в XVIII-м веке, единственная цель польской аристократии, казалось, состояла в том, чтоб ослабить государство. Нелепая конституция, представлявшая только организованную анархию, уничтожение войска из опасения усилить власть короля, притеснение подвластных и своеволие шляхты, непрерывные внутренние раздоры, вызывавшие вмешательство соседей, всё это могло иметь последствием только полный внутренний упадок. И это происходило именно в то время, когда соседние государства крепили и усиливались под управлением неограниченных монархов, направлявших всю свою политику к умножению государственных сил. Результатом этого положения был первый раздел Польши. Тогда, из ненависти к России, поляки возложили все свои надежды на Пруссию, для которой они были только игрушкой, и которая, в сущности, была их главным врагом. Это привело ко второму и третьему разделу. Раздавленная страна приобрела, однако, неожиданного покровителя в лице императора Александра Первого. После великих европейских войн, по его настоянию, Царство Польское было восстановлено. Оно получило и собственное войско, и даже представительные учреждения, о которых и не мечтали соседние народы. Но вместо того, чтобы дорожить этими приобретениями и понимать всю непрочность своего положения среди окружающих их великих держав, поляки проводили время в мелочной оппозиции, по вопросам, не стоившим внимания здравомыслящего политика. Наконец, безумная революция 1830 года уничтожила все дарованные льготы. Ребенок мог бы понять, что слабой Польше, окруженной враждебными ей могучими державами, не совладать с силами России. Но, увлеченные революционным потоком, вызванным июльскими днями, Поляки ничего не видели и не понимали. Они ринулись в безнадежную борьбу без всякого серьезного повода, и, разумеется, пали. Тридцатилетний суровый гнет был наказанием безумной попытки. Затем еще раз им представился случай возродиться к новой жизни под управлением монарха, одушевленного самыми благими и либеральными стремлениями, готового дать им все, что было совместно с интересами России. В маркизе Велёпольском они нашли и государственного человека, способного быть руководителем по этому пути. И все это опять самым безумным образом было отвергнуто. Внутренние раздоры парализовали всякое политическое действие. Граф Замойский шел наперекор маркизу Велёпольскому; России в глаза брошен был вызов, заявлением, что поляки не довольствуются принадлежащим им Царством Польским, а намерены требовать и древнерусских областей, вошедших в состав Великого Княжества Литовского. Наконец, бессмысленная и свирепая революция 1863-го года положила конец всяким либеральным начинаниям. Революционная партия думала тайным террором достигнуть своей цели. Но и тут террор снизу мог только вызвать террор сверху; революция без большого труда была подавлена русскими войсками; несбыточные надежды на помощь европейских держав оказались тщетными, и Польша окончательно пала жертвою собственного политического бессмыслия. Таков приговор, который должен произнести над нею политик, беспристрастно наблюдающий явления государственной жизни. Политическая роль ее не

кончена; народ, живший историческою жизнью, богато одаренный природою и одушевленный несокрушимою любовью к отечеству, не исчезнет с лица земли. Покоряясь внешней силе, польский народ сохранил свою духовную самостоятельность. С ним придется еще считаться. Но человек, сочувствующий Польше и желающий ее возрождения, не может не сказать, что оно возможно лишь под тем условием, что уроки истории послужат ей на пользу. Поляки должны убедиться, что для самостоятельной жизни недостаточно одних пылких стремлений; нужен еще здравый политический смысл, понимание своего положения и умение пользоваться обстоятельствами. Без этого для народа нет будущности...

Конечно, мы можем оправдываться тем, что для нас польская народность является врагом; не раз она поднимала оружие против русского владычества. Но нельзя не признать, что это враждебное отношение было вызвано предыдущей политикой. Раздел Польши совершился среди полного мира, когда обессилевшая страна неспособна была причинить соседям какое бы то ни было зло. Как бы ни противоречили здоровой политике следовавшие затем вооруженные восстания, они были не более как легкомысленными увлечениями возбужденного патриотизма, то есть, такого чувства, которое заслуживает не осуждения, а похвалы. Полное подавление польской народности ими не оправдывается... Пока Польша находится в своём угнетённом состоянии, надежды австрийских славян скорее будут обращаться на Запад, нежели на Восток».

Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. 1898.

3.59. «Раздел Польши был отвратительным политическим преступлением. Не спору, что присоединение областей, заселённых русским племенем, могло быть целью русской политики. Но и в политике цель не оправдывает средств...

В 1863 году у поляков было, по крайней мере, то извинение, что потерявшие отечество могут дойти до безумия и прибегнуть к самым крайним средствам, чтобы возвратить ему свободу... Со времени восстания прошло тридцать пять лет; пора вернуться к нормальному порядку. С этим связано и признание польской народности в крае, заселённом поляками. Польский язык должен быть и в преподавании, и в официальных отношениях. Полякам должно быть дано и самоуправление, каким пользовались русские в своём отечестве... Нет сомнения, что освобождение Польши поставило бы Россию на такую высоту, на которой она стояла разве только в эпоху наполеоновских войн, когда она явилась освободителем Европы. Тогда действительно всё взоры славян устремлялись на неё. Перед этою громадною нравственной силой, опирающейся на такую же силу материальную, побледнеет само могущество Германии».

Чичерин Б.Н. Польский и еврейский вопрос. 1899.

3.60. «Ни один русский, как бы он ни желал воздать справедливость полякам, не согласится отдать им край, издревле русский и населённый русским племенем».

Чичерин Б.Н. Письмо М. Здзеховскому. 1900.

3.61. «Поляки не сумели воспользоваться благими стремлениями Александра II. Им были сделаны крупные уступки. Наместником Царства был назначен либеральный брат государя, одушевленный в отношении к Польше самым благожелательными намерениями. Главным его пособником был государственный муж из поляков, человек, одаренный умом и энергией, способный вести свое отечество по пути правильного и постепенного развития, стремившийся дать ему самую широкую автономию. Но полякам нужно было всё или ничего. Они хотели силою вырвать то, что давалось им медленными процессом гражданской жизни. В этом сказался тот недостаток политического смысла, который издавна характеризовал этот даровитый и несчастный народ. В среде аристократов, по обыкновению, происходили раздоры; Замоиский противодействовал Велёпольскому. Под его влиянием издан был манифест, которым объявлялось, что

Польша может удовлетвориться только границами 1772 года, то есть заявлялось совершенно бессильное притязание на весь заселенный русским племенем Западный край. Этим уничтожалась всякая возможность сближения с Россией, а вместе с тем объявлялась война и Пруссии и Австрии. И для поддержания этих безмерных требований организовалось революционное движение. Оно разразилось всеобщим восстанием, которое, не будучи в состоянии действовать явною силой, прибегало к тайному террору. Жандармы-вешатели приводили в трепет самых мирных граждан и заставляли их примыкать к движению. Но именно это привело к результатам, совершенно противоположным тем, которые имели в виду революционные деятели; они сами погубили свое дело, возбудив против себя общее негодование...

К сожалению, русское правительство на этом не остановилось. Оно сочло нужным окончательно уничтожить самостоятельность Царства Польского, включив его в состав Русской Империи. Это была крупная политическая ошибка. Нельзя искусственным, чисто механическим образом привязывать к телу член, который не связан с ним органически. Польша всегда была и есть больное место России; но наружная болезнь менее опасна, нежели вогнанная вовнутрь. Уничтожение самостоятельности Царства Польского и все стремления к обрусению края не содействуют сближению его с Россией, а напротив, возбуждают в населении только большую ненависть к иноземному владычеству. Своим безумным восстанием поляки надолго отдалили возможность правильного решения вопроса; но и меры, принятые русским правительством, нисколько не приближают нас к этой цели».

Чичерин Б.Н. Россия накануне XX столетия. Берлин, 1900.

3.62. «Среднего класса в польской нации совсем не было. Его место заменяли евреи и немцы, которые захватили торговлю, промыслы и даже сельское хозяйство. Это совершенно разъединило высшие и низшие классы».

Яценко А.Р. Курс новейшей истории Западной Европы... Чугуев, 1902.

3.63. «Сведем в польском вопросе конец с началом. Предстояло воссоединить Западную Русь; вместо того разделили Польшу. Очевидно, это различные по существу акты – первый требовал жизненный интерес русского народа; второй был делом международного насилия. Решение не отвечало задаче. Правда, в раздел вошла с русской стороны и Западная Русь, но, так сказать, под другим политическим титулом – не как результат борьбы России с Польшей один на один во имя политического объединения русского народа, а как доля в захватной сделке трех соседних держав во имя права силы. Россия присоединила не только Западную Русь, но и Литву с Курляндией, зато Западную Русь не всю, уступив Галицию в немецкие руки... Польша не была лишним членом в семье государств Северо-Восточной Европы, служа слабой посредницей между тремя сильными соседками. Но освобожденная от ослаблявшей ее Западной Руси и преобразовав свой государственный строй, как силились сделать это ее лучшие люди эпохи разделов, она могла бы сослужить добрую службу славянству и международному равновесию, стоя крепким оплотом против пробивавшейся изо всех сил на восток Пруссии. С падением Польши столкновения между названными тремя державами не ослаблялись никаким международным буфером и должны были больше отзывать именно на России, граница которой на Немане не стала безопаснее от соседства с прусскими форпостами...

История указывала [Екатерине] возвратить от Польши то, что было за ней русского, но не внушала ей делиться Польшей с немцами. Предстояло ввести Польшу в ее этнографические границы, сделать ее настоящей польской Польшей, не делая ее Польшей немецкой. Разум народной жизни требовал спасти Западную Русь от ополячения, и только кабинетская политика могла выдать Польшу на онемечение. Без русских областей, в своих национальных пределах, даже с исправленным государственным строем самостоятельная Польша была бы для нас несравненно менее опасной, чем та же Польша в виде

австрийских и прусских провинций. Наконец, уничтожение польского государства не избавило нас от борьбы с польским народом: не прошло 70 лет после третьего раздела Польши, а Россия уже три раза воевала с поляками (1812, 1831 и 1863 гг.). Призрак Речи Посполитой, вставая из ее исторической могилы, производил впечатление живой народной силы. Может быть, чтобы избегнуть вражды с народом, следовало сохранить его государство».

Ключевский В.О. Курс русской истории. Гл. 76. 1904.

3.64. «Русские и поляки боролись не только за землю и за разное чувство жизни. Внешне-исторически русские победили в этой вековой борьбе, они не только отразили опасность полонизации русского народа, но и агрессивно наступали на народ польский и делали попытки его русификации. Польское государство было раздавлено и разорвано, но польская душа сохранилась и с еще большей напряженностью выразил себя польский национальный лик. Великий духовный подъем, выразившийся в польском мессианизме, произошел уже после гибели польского государства. Польский народ, обнаруживший так мало способностей к государственному строительству, обладающий чертами индивидуалистическими и анархическими, оказался духовно сильным и несокрушимым... Хотелось бы обратить особое внимание на то, что в польско-русских отношениях есть более глубокая, духовная сторона. Только настоящее понимание может быть освобождающим, оно избавляет от давящих отрицательных чувств, и следует вникнуть и нам, русским, и полякам, почему русской душе всегда так трудно было полюбить душу польскую, почему польская душа с таким презрением относилась к душе русской?... Внутри славянства произошло столкновение Востока и Запада. Запад чувствовал себя более цивилизованным, носителем единой европейской культуры. Славянский Восток противопоставлял Западу свой собственный духовный тип культуры и жизни».

Бердяев Н.А. Русская и польская душа (из книги «Судьба России»). 1914.

3.65. «Вряд ли кто-нибудь станет отрицать, что острие русско-польских отношений – религиозное, не племенное, не территориальное, не политическое, не экономическое, а вероисповедное. Так было в жестокую годину Смутного времени, так есть, к великому счастью, и в ответственную годину настоящего светлого и ясного времени... Между русскими и поляками должен открыться существенный обмен мнений на тему об острие, произойти религиозное взаимоопределение. Это не может свершиться в один день, но это настоятельно необходимо... Я много думал и размышлял и после долгого испытания вопроса со всех сторон пришел к выводу, что русское и православное сердце могло бы обратиться к полякам с такой приблизительно речью:

– Братья поляки! Не в пример многим народам, вы больше всего дорожите своим религиозным предназначением. Мессианская идея у вас расцветает особенно пышным мистическим цветом... Мы бесконечно уважаем историю в ее религиозной конкретности и не думаем с ее великими образованиями обращаться легкомысленно. Но в то же время выше и больше истории – для нас онтология с ее нетленными святынями, и там, где история спорит и враждует с онтологией, там мы всегда и безусловно на стороне онтологии. Между католичеством и православием есть подлинное родство в онтологическом порядке. Как бы ни разделяли нас внешние формы и исторические новообразования – у нас есть некая несокрушимая общность в самых центральных святынях... Наш общий враг – германизм, одетый в броню милитаризма, в своей глубине и движущей сущности опознается как бунтующий и бушующий протестантизм».

Эрн В.Ф. Острие русско-польских отношений. 1915.

3.66. «Мысль об отречении от Польши и о создании из Польши самостоятельного государства вовсе не чужда русскому политическому сознанию. Неизбежным является...

образовать из Польши в этнографических её границах совершенно самостоятельное государство».

Тихомиров Л.А., Самарин Ф.Д., Хомяков Д.А. Из коллективной записки Николаю II. 1915.

Список использованных источников

- Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002.
- Аксаков И.С. Письма к родным. 1844–1849. М., 1989.
- Аксаков К.С. Государство и народ. М., 2009.
- Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004.
- Белинский В.Г. Полное собрание сочинений в 13 т. М., 1953–1959.
- Бердяев Н.А. Душа России. М., 1915.
- Бердяев Н.А. Судьба России. Сборник статей (1914–1917).
- Бестужев А.А. Избранная проза. М., 1983.
- Бестужев А.А. Торжественное заседание Императорской Российской Академии // Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. Ч. 13. Кн. 2. С. 305–311.
- Брусилов Н.П. Историческое рассуждение о начале русского государства // Вестник Европы. 1811. № 4. С. 284–316.
- Волк С.И. Исторические взгляды декабристов // Вопросы истории. 1950. № 12. С. 26–57.
- Гедеонов С.А. Варяги и Русь. Историческое исследование. СПб., 1876. Ч. 1.
- Герцен А.И. О развитии революционных идей в России. СПб., 1907.
- Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 т. М., 1954–1965. Т. 7, 30.
- Гильфердинг А.Ф. Россия и славянство. М., 2009.
- Гоголь Н.В. Нужно любить Россию. М., 2008.
- Гоголь Н.В. Собрание сочинений в 8 т. М., 1984.
- [Грановский Т.Н.] Т.Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 2.
- Декабрист Михаил Орлов – критик «Истории» Н.М. Карамзина // Литературное наследство. Т. 59. М., 1954. С. 557–568.
- Декабристы: актуальные направления исследований. Сборник статей. СПб., 2014.
- Добролюбов Н.А. Литературная критика. М., 1961.
- Добролюбов Н.А. Публицистика. М., 2012.
- Доленга-Ходаковский З.Я. Разыскания касательно русской истории // Вестник Европы. 1819. № 20. С. 277–302.
- Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 т. Л., 1988–1995.
- Завалишин Д.И. Записки декабриста. Мюнхен, 1904. В 4 ч.
- Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. Вместо введения в Русскую историю. М., 1876.
- Иловайский Д.И. Петр Великий и царевич Алексей. Исторический очерк // Кремль. 1915. № 45–47.

- Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней России. М., 1989.
- Кавелин К.Д. Государство и община. М., 2013.
- [Кавелин К.Д.] Сочинения К. Кавелина. В 4 ч. М., 1859. Ч. 2.
- Кавелин К.Д. Собрание сочинений в 4 т. СПб., 1897. Т. 1.
- Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. М., 1991.
- Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1988-1989. Кн. 1.
- Карамзин Н.М. О любви к Отечеству и народной гордости. М., 2013.
- Катков М.Н. Империя и крамола. М., 2007.
- Катков М.Н. Идеология охранительства. М., 2009.
- Катков М.Н. Песни русского народа, изданные И. Сахаровым. Пять частей. СПб., 1838–1839 // Отечественные записки. 1839. № 4. С. 1–92.
- Киреев А.А. Дневник. 1861–1910 гг. // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 1–15.
- Киреев А.А. Краткое изложение славянофильского учения. М., 1896.
- Киреев А.А. Сочинения в 2 т. СПб., 1912.
- Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни. М., 2007.
- Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979.
- Китаев В.А. Борис Чичерин: взгляд на польский вопрос в конце XIX в. // Освободительное движение в России. Саратов, 2000. Вып. 18. С. 85.
- Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983.
- Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. М., 1987–1990.
- Корнилович А.О. Сочинения. Письма. М., 1957.
- Костомаров Н.М. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 2003.
- Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. М., 2011.
- Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979.
- Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996.
- Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений в двенадцати томах. СПб., 2000–2017. Т. 1–10.
- Лунин М.С. Письма из Сибири. М., 1988.
- Муравьев Н.М. Мысли об «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина // Литературное наследство. Т. 59. М., 1954. С. 586–595.
- Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика. М., 1972.
- Надеждин Н.И. Два ответа Чаадаеву // Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. СПб., 1909.

- Очерк русской философии истории. Антология / сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М., 1996.
- Петерсон К.А. По поводу статьи «Роковой вопрос» в журнале «Время» // Московские ведомости. 1863. № 109.
- Петр Великий: pro et contra. СПб., 2003.
- Победоносцев К.П. Исторические исследования и статьи. СПб., 1876.
- Погодин М.П. Избранные труды. М., 2010.
- Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о Русской истории. М., 1846. Т. 1–3.
- Погодин М.П. Норманский период русской истории. М., 1859.
- Погодин М.П. Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний М.П. Погодина. 1831–1867. М., 1867.
- Поджио А.В. Записки декабриста. М.-Л., 1930.
- Полевой Н.А. История русского народа. М., 1829. Т. 1.
- Полевой Н.А. Обзорение русского народа до единодержавия Петра Великого. СПб., 1846.
- Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 т. М., 1959–1962.
- Пыпин А.Н. Новый вопрос о Петре Великом // Вестник Европы. 1886. № 5.
- Самарин Ю.Ф. Православие и народность. М., 2008.
- Самарин Ю.Ф. Сочинения в 10 т. М., 1877–1898.
- Семевский М.И. Тайная служба Петра I: документальные повести. М., 1996.
- Соловьев В.С. Сочинения в 2 т.: философская публицистика. М., 1989. Т. 1.
- Соловьев С.М. Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого. М., 1852.
- Соловьев С.М. История падения Польши. Восточный вопрос. М., 2003.
- Соловьев С.М. История России с древнейших времен. СПб., 1896. Кн. 1, 3.
- Соловьев С.М. Сочинения в 18 кн. М., 1993–1998.
- Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989.
- Сперанский М.М. Проекты и записки. М.-Л., 1961.
- Страхов Н.Н. Из истории литературного нигилизма. 1861–1865. СПб., 1890.
- Страхов Н.Н. Роковой вопрос // Борьба с Западом. М., 2010.
- Страхов Н.Н. Славянофилы победили // Эпоха. 1896. № 6.
- Улыбышев А.Д. Сон // Сильфида: фантастические повести русских романтиков. М., 1988.
- Устрялов Н.Г. Русская история. СПб., 1855. Ч. 1.
- Фонвизин М.А. Записки декабриста // Общественные движения в России в первой половине XIX в. СПб., 1905. Т. 1.

- Фонвизин М.А. О повиновении вышней власти, и какой власти должно повиноваться // Замалеев А.Ф. М.А. Фонвизин. М., 1976.
- Хомяков А.С. Всемирная задача России. М., 2011.
- Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: соч. в 2 т. М., 1991.
- Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 15 т. Т. 16, дополнительный. М., 1953.
- Чернышевский Н.Г. Сочинения в 2 т. М., 1987.
- Чичерин Б.Н. Воспоминания. В 2 т. М., 2010.
- Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. В 3 т. М., 1894–1898.
- Чичерин Б.Н. Польский и еврейский вопрос: ответ на открытые письма Н. К. Ренненкампа. Берлин, 1899.
- Чичерин Б.Н. Россия накануне XX столетия. Берлин, 1900.
- [Штейнгель В.И.] Записки В.И. Штейнгеля // Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981. С. 147–264.
- Штейнгель В.И. Сочинения и письма. Иркутск, 1985.
- Эрн В.Ф. Сочинения. М., 1991.
- Яценко А.Р. Курс новейшей истории Западной Европы. Чугуев, 1902.

Список рекомендуемой литературы

Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. В 2 т. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб., 2003.

Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX в. Самара, 2011.

Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 21. Специальный выпуск: Исторические мифы и этнонациональная идентичность. М., 2007.

Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. *Л.П. Репиной*. М., 2008.

Кознова И.Е. Историческая память российского крестьянства в XX веке. Дисс. ... д.и.н. Самара, 2005.

Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. – 1991 г.). Коллективная монография / отв. ред. *В.В. Журавлев*. М., 2015.

* * *

Клейн Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. М., 2009.

Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь: к итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005.

* * *

Шмурло Е.Ф. Петр Великий в русской литературе (опыт библиографического обзора). СПб., 1889.

Соловьев Е.А. Петр I в отечественной историографии конца XVIII – начала XX вв. Дисс. ... д.и.н. М., 2006.

Хуан Мин-Хун. Образ Петра I в русском изобразительном искусстве XVIII – начала XX века. Дисс. ... канд. искусствоведения. М., 2010.

* * *

Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000.

Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999.

Малютин Г.А. «Польский вопрос» в русской общественно-политической мысли в 1830-е – нач. 60-х гг. Дисс. ... к.и.н. М., 2013.

Пислегин Н.В. Польский вопрос в общественной мысли России 10–60-х гг. XIX в. // Румянцевский музей. 2011. Режим доступа: <http://www.rummuseum.ru/portal/node/2371>

Радун А.А. Образ России и русской культуры в польской прессе 1863–1905 гг. Дисс. ... канд. культурологии. М., 2011.

Содержание

Общие методические указания	3
Часть I. Призвание князя Рюрика и образ варягов в исторической науке и общественно-политической мысли России XIX – начала XX века	6
Методические указания и вопросы	6
Тексты к части I	9
<i>А) Русская историография о Рюрике и его эпохе: от Карамзина до разделения на западников и славянофилов (фрагменты 1.1 – 1.14)</i>	<i>9</i>
<i>Б) Образ Рюрика и варягов в эпоху западнической и славянофильской историографии 40-х – 60-х годов XIX века (фрагменты 1.15 – 1.30)</i>	<i>12</i>
<i>В) Спор о варягах в 70-е – 80-е годы XIX века (фрагменты 1.31 – 1.39)</i>	<i>16</i>
<i>Г) Образ Рюрика и варягов в русском общественном сознании к началу XX века (фрагменты 1.40 – 1.42)</i>	<i>19</i>
Часть II. Личность и реформы Петра I в исторической науке и общественно-политической мысли России XIX – начала XX века	21
Методические указания и вопросы	21
Тексты к части II	25
<i>А) Образ Петра Великого в русском сознании первой трети XIX века (фрагменты 2.1 – 2.27)</i>	<i>25</i>
<i>Б) Образ Петра Великого в центре противостояния западников и славянофилов 40-х – 50-х годов XIX века (фрагменты 2.28 – 2.54)</i>	<i>31</i>
<i>В) Петр I глазами А.И. Герцена (фрагменты 2.55 – 2.68)</i>	<i>40</i>
<i>Г) Петр I в наследии братьев Аксаковых и Ф.М. Достоевского (фрагменты 2.69 – 2.89)</i>	<i>44</i>
<i>Д) С.М. Соловьев и его оппоненты о личности и реформах Петра I (фрагменты 2.90 – 2.96)</i>	<i>48</i>
<i>Е) Царь-преобразователь глазами русских консерваторов последней четверти XIX века (фрагменты 2.97 – 2.104)</i>	<i>53</i>
<i>Ж) Образ Петра Великого в споре о «национальном самоотречении» (фрагменты 2.105 – 2.111)</i>	<i>55</i>
<i>З) Петр I и его реформы в русской историографии начала XX века (фрагменты 2.112 – 2.114)</i>	<i>58</i>

Часть III. Образ Речи Посполитой и исторические корни польского вопроса в исторической науке и общественно-политической мысли России XIX – начала XX века	61
Методические указания и вопросы	61
Тексты к части III	65
<i>А) Исторические корни польского вопроса в русской мысли первой половины XIX века (фрагменты 3.1 – 3.7)</i>	<i>65</i>
<i>Б) Образ Польши в трудах М.П. Погодина: границы во времени и пространстве (фрагменты 3.8 – 3.19)</i>	<i>68</i>
<i>В) Образ Речи Посполитой и поляков в русском общественном сознании конца 50-х – 60-х годов XIX века (фрагменты 3.20 – 3.44)</i>	<i>71</i>
<i>Г) Религия, язык или политика? Трансформации образа Польши в русском историческом сознании последней трети XIX века (фрагменты 3.45 – 3.57)</i>	<i>80</i>
<i>Д) На пути к примирению? Метаморфозы образа поляков и Речи Посполитой в России конца XIX – начала XX века (фрагменты 3.58 – 3.66)</i>	<i>85</i>
Список использованных источников	90
Список рекомендованной литературы	94
Содержание	95

Максим Викторович Медоваров

**ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ
РОССИИ (XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)**

Учебно-методическое пособие

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского».
603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23